В НОМЕРЕ:

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

43-Й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4 (1961)

24 ЯНВАРЯ 1965

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Мой дом — в Золотой долине

Недалеко от Обского моря, в долине, которую назвали Золотой за усыпавшие ее желтые осенние листья, поставили первые временные бараки будущего сибирского городка науки. А рядом с ними — избушку для «самого главного академика», как окрестили строители Михаила Алексеевича Лаврентьева.

Тогда Лаврентьев смахивал на завзятого прораба. Ходил в старом плаще и кирзовых сапогах, вместе со всеми таскал бревна и корчевал пни, делал все, чтобы не утихало, не замедлялось, как это иной раз случается, начатое большое дело.

...Прошло семь лет...

См. очерк Г. Анфилова «Мой дом — в Золотой долине».

Жители столицы Орьенте — Сантьяго с огромным радушием встречали советскую делегацию. Но особенно горячо—космонавта Владимира Комарова. Нас пригласили на собрание представителей профсоюзов Сантьяго. Собрание это было посвящено уборке сахарного тростника. Рабочие решили послать в помощь рубщикам несколько своих бригад.

На площади у трибуны, утопавшей в цветах и зелени, собрались тысячи людей. Над трибуной — большой портрет Хулио Антонио Мелья, даты — 1904—1929 годы. Мужественный революционер, один из создателей Коммунистической партии Кубы, был убит в Мексике подкупленными бандитами.

Строители социализма на Кубе хотят быть такими же последовательными революционерами, как Мелья. Так же, как он, бороться за интересы трудящихся, против заклятого врага — империализма. Люди горячо говорили об этом на митинге, выражая стремление уверенно идти вперед со своей партией, возглавляемой Фиделем Кастро... Кто-то напомнил, что в первые годы Советской власти на Кубу пришел корабль из революционной России, которому не разрешили стоять у причала. Мелья приплыл к советским морякам и передал им красное знамя.

Трудящиеся Орьенте с воодушевлением говорили о сотрудничестве с Советским Союзом. В конце своей речи Армандо Акоста призвал еще больше крепить и развивать дружбу с советским народом.

— Сегодня мы встречаем советскую делегацию,— сказал он,— и видим радость на лицах наших друзей. И мы гордимся этим.

— Мы гордимся вашими успехами. Они нас радуют так же, как вас,— ответил я.— Советский народ всегда будет с кубинским народом!

Теплый ветер полощет плакаты: «Выиграть битву за сахар!», «Внимание животноводству!», «За 60 миллионов яиц в месяц!» — 1965 год объявлен на Кубе «годом сельского хозяйства».

На выставке в провинции Камагуэй мы обратили внимание на плакат: курица сидит в корзине с яйцами. Надпись гласит: «Не буду отдыхать, пока не снесу 60 миллионов яиц».

Где бы нам ни пришлось побывать, повсюду чувствуется тяга кубинцев к образованию. Это мы ощутили и в университете Сантьяго, где мы рассказывали о жизни Советского Союза, а Владимир Комаров, как всегда, отвечал на бесконечные вопросы о полете космического корабля «Восход», и в школьном городке, где обучается около шести тысяч учащихся.

Школьный городок имени 26 июля расположен на территории быв-

БЛАГОДАТНА ЗЕМ

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Мы живем на двадцатом этаже отеля «Ривьера». Шум моря хорошо слышен из окон нашего номера. Крупные звезды на далеком морском горизонте меркнут, словно забытые маяки. Огоньки рыбацких лодок, как звезды, в огромном черном поле Мексиканского залива. Лунные дорожки, нет, не дорожки, а широкие лунные реки протянулись от горизонта к опустевшей набережной.

Перебираю в памяти события минувшего дня.

Делегацию советской общественности принял президент республики товарищ Освальдо Дортикос Торрадо. Космонавт Владимир Комаров выступил в Академии наук с большим сообщением о полете в космосе — его выступление передавалось по телевидению. А директор подмосковного совхоза Вячеслав Никулин знакомился с деятельностью Национального института аграрной реформы (ИНРА). Другие члены делегации побывали у партийных работников Гаваны, в редакциях центральных газет, в Союзе кубинских журналистов.

Завтра нам предстоит встретиться с рабочими сигаретной фабрики и шинного завода, с учащимися нескольких школ, с тружениками животноводческих хозяйств.

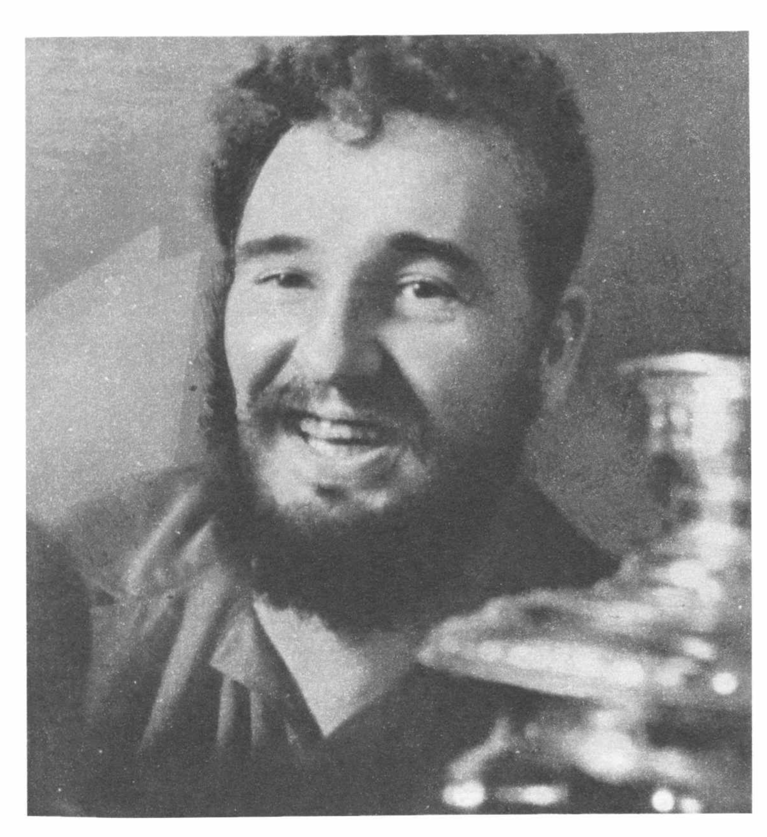
Вспоминается поездка в провинцию Орьенте.

Еще в Гаване нам много рассказывали об энергичном и инициативном секретаре провинциального комитета партии товарище Армандо Акоста.

Коренастый, подвижный, с загорелым добродушным лицом человек, встретивший нас в Сантьяго, сразу показался давно знакомым. В других провинциях нам уже рассказали о плодотворной работе Единой партии социалистической революции. Поэтому теперь нам не пришлось докучать хозяевам обилием вопросов. И все-таки вопросов было много. Расспрашивая об опыте кубинской революции, строительстве социализма, мы, в свою очередь, охотно отвечали на вопросы наших кубинских друзей. До позднего вечера рассказывал нам Акоста о своей жизни, о штурме казарм Монкада, о победах революционной повстанческой армии.

Космонавт Владимир Комаров дает автограф.

Фидель Кастро принял делегацию представителей советской общественности. Во время этой встречи товарищу Фиделю были подарены русские сувениры.

ЛЯ КУБЫ

ших казарм Монкада, где в 1953 году начиналась вооруженная борьба. Мы видели здесь выставку, воскрешающую события тех героических дней. Были мы и в музее, расположенном в тринадцати километрах от Сантьяго. Отсюда Фидель Кастро, Абель Сантамария и другие революционеры пошли на штурм казарм.

Сантьяго заслуженно называют колыбелью кубинской революции. Мы возложили венок у памятника Хосе Марти. Посетили музей Антонио Масео. В этом городе живут и создают новую жизнь их потомки, сегодняшние герои, бойцы, труженики.

А вот перед нами юные пионеры. Они приветствуют советских гостей и исполняют песни революции. Смотришь в пытливые, острые глаза ребят и видишь, что они знают тебя, твою страну, твой народ. Директор подмосковного совхоза «Красный луч» передает школьникам письмо от советских ребят и пионерский вымпел. В тот же день юные друзья из Сантьяго передали советским ребятам письмо и свой вымпел. Дети продолжают традиции своих родителей, братьев, сестер.

Строители электростанции Ренте, воздвигаемой в сотрудничестве с Советским Союзом, конечно, тоже хотели послушать Владимира Комарова. Космонавт быстро нашел необходимый контакт с рабочими. Они охотно отвечали и на его вопросы. Мы узнали, что на стройке по утрам, до начала работ, занимается 55 групп общеобразовательных курсов.

Сахарный завод «Две речки» получает тростник от пяти народных имений. В одном из них — хозяйстве имени Марио Масео Кесадо — нас познакомили с лучшей бригадой рубщиков тростника имени Хуана Хосе Дердесия. Мы смотрели на работу бригады, поражаясь ловкости и сноровке людей. Труд рубщика — тяжелый труд.

— Хотим в ближайшие годы значительно механизировать уборку сахарного тростника,— сказал Армандо Акоста.— С помощью советских специалистов начинаем осваивать комбайны.

У этих машин мы познакомились с механиком Дмитрием Павлюченко и его товарищами Николаем Плужниковым, Александром Стромом, Владимиром Сербиным, Николаем Волошиным и Михаилом Щеглаковым. Это наши комсомольцы из Краснодарского края. Вместе с ними работают кубинцы.

— Кадры растут,— говорит Акоста,— машины работают все лучше и лучше. На них мы возлагаем большие надежды.

Кругом до самого горизонта поля высокого тростника! Идут грузовые машины, поезда к заводу. Завод работает полным ходом.

Благодатна земля Кубы! Чудесный край, чудесный народ! Огромны и чудесны плоды революции!

ПО МАНДАТУ ЛЕНИНА

Перед нами один из ленинских документов, обнаруженный совсем недавно.

Первые месяцы Советской власти. Среди других неотложных забот Ленина — вопросы денежного обращения в стране. Выпуском денег в России занималась Экспедиция заготовления государственных бумаг. Положение в Петрограде в эти суровые дни было неустойчиво. Принимается решение эвакуировать Экспедицию в глубь страны. В Пензе был налажен выпуск денежных знаков. В. И. Ленин, обеспокоенный судьбой фабрики, вызвал к себе на доклад управляющего Пензенским отделением Экспедиции Павла Васильевича Калакуцкого, старого работника, с которым Владимир Ильич уже встречался раньше.

Владимир Ильич живо интересуется технологией изготовления денег, качеством бумаги, необходимым количеством тряпья, защитой денег от подделки. Ленин полагает, что в создавшейся обстановке целесообразно постепенно перебазировать фабрику по изготовлению денег в Москву. Теперь Московская печатная фабрика «Гознак» известна всему миру.

Для улучшения работы пензенской фабрики необходимы были экстренные меры. Ленин вручает П. В. Калакуцкому мандат, которым предписывается всем советским организациям оказывать Экспедиции помощь в выполнении особых указаний Совнаркома.

Мандат считался утраченным. Но недавно в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС пришел сын Павла Васильевича — Василий Павлович Калакуцкий, главный специалист института «Гипростройиндустрия», и принес подлинник мандата.

На бланке Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР напечатано удостоверение № 813, выданное в Кремле 25 мая 1918 года:

«Сим удостоверяется, что ввиду особых обстоятельств государственной важности Управляющему Пензенским отделением Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг Павлу Васильевичу Калакуцкому предоставлено Советом Народных Комиссаров право конфискации и реквизиции через местные Советы всего необходимого для устройства отделения и складов Экспедиции в Пензе, Перми и Екатеринбурге. Поэтому всем Советам, железнодорожным комитетам, почтово-телеграфным и телефонным учреждениям и всем другим правительственным учреждениям предписывается оказывать Экспедиции самую деятельную помощь в исполнении ею особых указаний, данных Советом Народных Комиссаров, провозить грузы и людей Экспедиции вне всякой очереди, принимая меры к их охране и быстрому доставлению на места; отправлять депеши, как срочные военные, строго проверяя их доставку.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Секретарь Совета Н. Горбунов».

Такова история одного из ленинских мандатов.

Публикацию подготовил Ф. МЕЖЛАУК.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

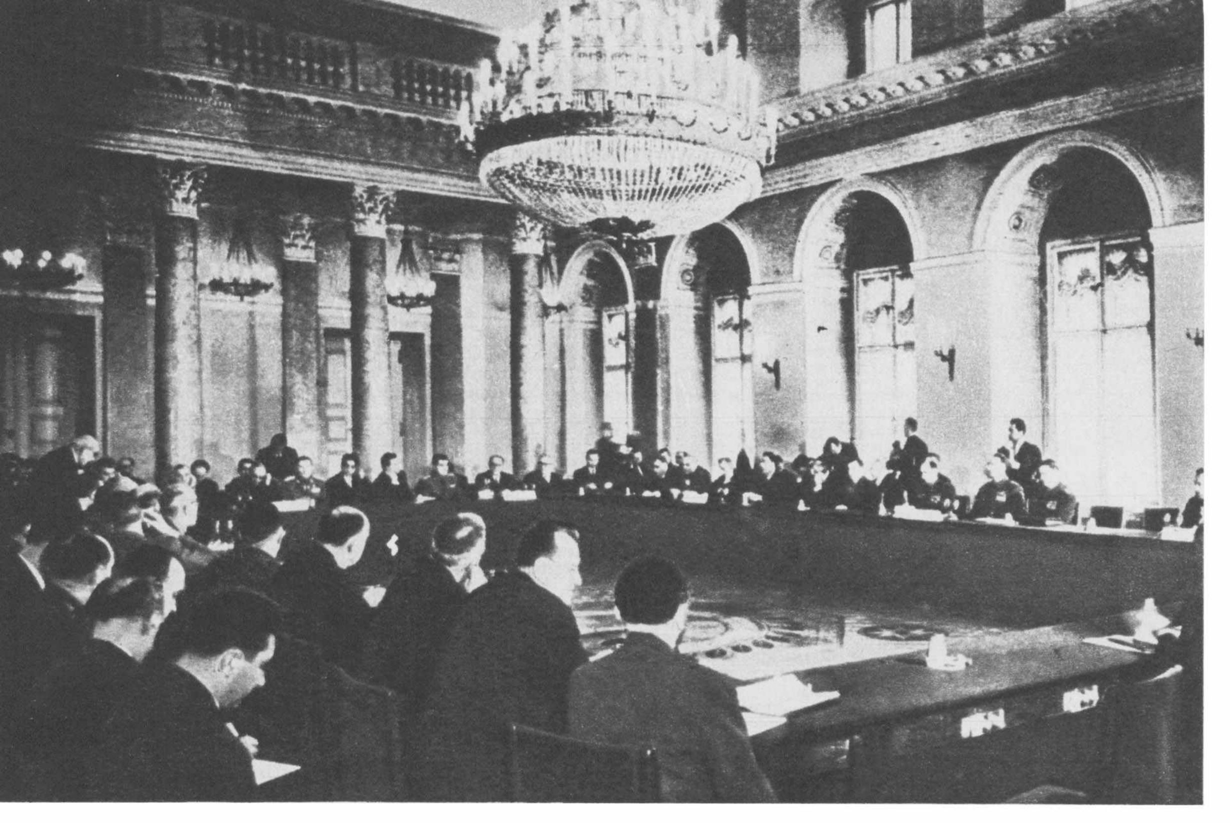
Легкая атлетика, как известно,— спорт юных. Для того, чтобы побеждать в восемнадцать лет, надо в двенадцать уже начинать тренировки.

Редакция журнала «Огонек» шесть лет тому назад учредила переходящий Кубок по легкой атлетике. Этот кубок ежегодно разыгрывают команды московских школ. Трижды Кубок «Огонька» побывал у легкоатлетов 387-й школы, один раз зимовал в школе № 12, а затем был вручен дружной команде 298-й школы. 15 января почетный приз в торжественной обстановке, в присутствии олимпийской чемпионки и рекордсменки мира по пятиборью Ирины Пресс, олимпийца гимнаста Виктора Лисицкого, тренера сборной команды по легкой атлетике Владимира Казанцева был снова вручен спортсменам 298-й школы (директор школы — М. М. Плоткин, преподаватель физического воспитания — Ю. М. Поляков).

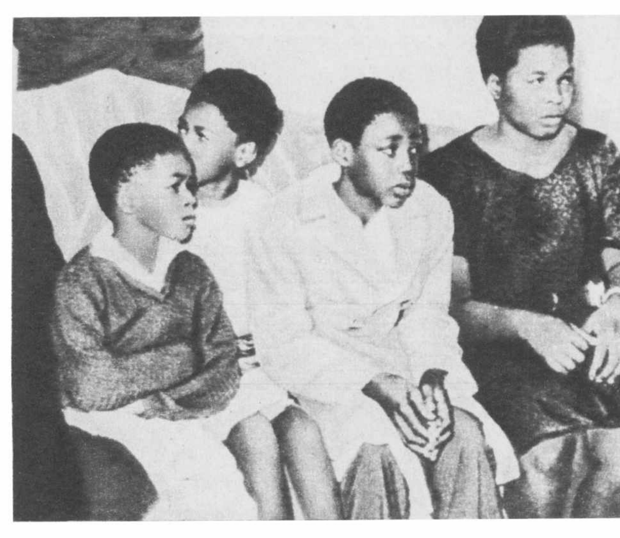
По условиям розыгрыша кубок, завоеванный дважды подряд, переходит в вечное владение победителей, но редакция журнала «Огонек» уже приготовила новый экземпляр кубка.

В Москве немало школ, в которых легкая атлетика уже стала любимым спортом. По-прежнему намерены оспаривать кубок спортсмены 387-й школы, команды 363-й школы и 59-го интерната, завоевавшие второе и третье места на последнем огоньковском спортивном конкурсе. Неизменными претендентами на победу являются легкоатлеты 711-й и 75-й школ. Пусть же в борьбе за Кубок «Огонька» растет спортивное мастерство юных легкоатлетов.

В. ЯКОВЛЕВ

В Варшаве 19 января открылось заседание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. На снимке: в зале заседаний.

Вдова национального героя Конго Патриса Лумумбы и его дети живут в Каире. Вы видите их на снимке. Недавно исполнилась четвертая годовщина с того трагического дня, когда Патрис пал жертвой наемников колонизаторов. Но в Конго есть продолжатели его дела. Патриоты, верные делу Лумумбы, продолжают вести борьбу за независимость своей страны.

«Русский Гамлет» — Иннокентий Смоктуновский — покорил своей игрой зрителей на родине Шекспира. Англичанам очень понравился и фильм, и советские актеры. И. Смоктуновский и Э. Радзинь, участвовавшие в нем, были тепло встречены в Англии. На этом снимке И. Смоктуновский (второй слева) снят среди своих английских коллег.

Фото ТАСС и ЮПИ.

Жители города Канзас-сити в Соединенных Штатах знакомятся с постановкой здравоохранения в нашей стране. Здесь открылась советская выставка «Здравоохранение в СССР». На ее открытии присутствовал посол СССР в США А. Ф. Добрынин (на снимке — в центре).

Дела турнирные

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

ЧЕМПИОН СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

Говорят, что шахматы — сидячий вид спорта. Это, однако, не означает того, что шахматисты почивают на лаврах и что они тяжелы на подъем. Нет, для наших шахматистов расстояния не имеют значения. Чемпион мира Т. Петросян вместе с П. Кересом играли и победили в сильном по составу турнире в знойном Буэнос-Айресе. Выступал Т. Петросян и в командном первенстве СССР за команду «Спартак», а затем чемпион мира возглавил нашу золотую команду на XVI олимпиаде в Тель-Авиве и оказался одним из тех, кому удалось пройти это трудное испытание без поражений. Но и на этом не закончился вояж чемпиона. Прилетев в Москву, Тигран Петросян снова сел за шахматную доску! Его участие в чемпионате ДСО профсоюзов значительно украсило это соревнование.

Практика показывает, что резкая перемена климата может привести к неожиданным результатам. И вот в четвертом туре Петросян, еще не сумев как следует акклиматизироваться, проиграл молодому, талантливому московскому мастеру В. Либерзону. Не умаляя победы Либерзона, надо отметить, что грозный соперник значительно упростил его задачу. Дело в том, что чемпион мира сдался уже на пятнадцатом ходу, когда ему показалось, что потеря фигуры неизбежна. Но это была лишь галлюцинация! Петросян должен был потерять всего-навсего пешку. Такой казус лишний раз подчеркивает старую истину, что от шахматной слепоты не застрахован даже чемпион мира. Радуйтесь, обыкновенные смертные! Однако эта неудачная партия не помешала Т. Петросяну первым пройти финишную черту. Чемпион мира на целое очко обошел второго призера Л. Полугаевского и своего тренера И. Болеславского, который вместе с И. Платоновым (Киев) поделили 3—4-е места.

Итак, чемпион мира успешно закончил високосный год, но и год нынешний не будет, судя по всему, легким. Предстоит ряд турниров, а кроме того, придется начинать подготовку к матчу с претендентом на шахматный трон. Т. Петросян еще в этом году узнает фамилию того, кто будет у него в 1966 году оспаривать титул чемпиона мира.

Кто это будет? Подобный вопрос сейчас на устах всех любителей шахмат. Экс-чемпион мира М. Таль на этот вопрос ответил совершенно четко: «Знаю, но держу в секрете».

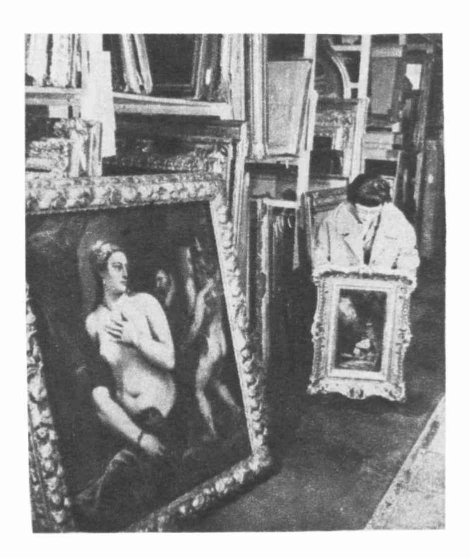
О, ЭТИ НЕРВЫ!

Нона Гаприндашвили не может жаловаться на минувший год. Чемпионка мира выступала всюду удачно, и ей удалось к своему высшему титулу прибавить еще весьма ценное звание — чемпионки СССР!

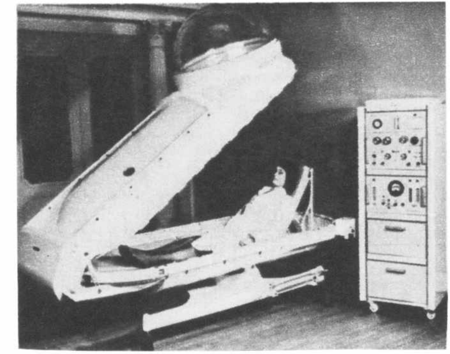
Если бы журналисты составили анкету, кто является самой неудачливой, точнее самой невезучей шахматисткой 1964 года, то, бесспорно, такую анкету возглавила бы югославская шахматистка Милунка Лазаревич. Покойный югославский гроссмейстер профессор Милан Видмар говорил, что в шахматах есть только хорошая или плохая игра, а не везение или не-

Чемпионка мира по шахматам среди женщин Нона Гаприндашвили выступает в сеансе одновременной игры. Ее противники — английские физики. После успешного выступления на турнире в Гастингсе против настоящих шахматистов любители Нону не пугают.

3 700 полотен известных мастеров и 160 скульптур — такова «коллекция», награбленная Адольфом Гитлером. До сих пор она хранилась в Мюнхене. Для того, чтобы решить судьбу произведений искусства, в Западной Германии создана специальная комиссия. Вполне очевидно, что фашистский грабительский метод составления коллекций должен получить осуждение, а картины и скульптуры — возвращены по принадлежности.

Этот необычный аппарат — один из видов медицинского оборудования, который испытывается в Англии. Он предназначен для пациентов, страдающих болезнями сердца, больных гангреной, получивших отравление шахтными газами. Внутри этой капсулы создается микроклимат с постоянным давлением, влажностью и температурой. В капсуле больной может лежать и сидеть.

Идут экзамены

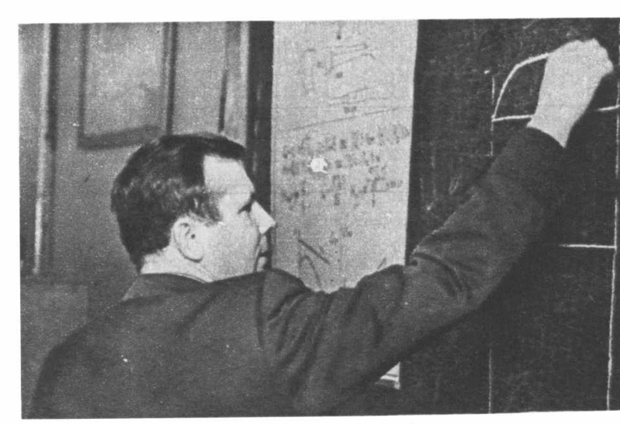

Надо подумать...

Военно-воздушная инженерная академия имени профессора Н. Е. Жуковского... Сложна авиационная наука и техника. Сложна и увлекательна.

С большим интересом и завидным трудолюбием изучали аэродинамику космонавты Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Валерий Быковский, и вот настала пора проверки знаний!

Фото В. Шитова.

... и следует ответ на «отлично».

Ответы подготовлены. Ждут старта...

везение. Но Милунке Лазаревич именно не везло, фатально не везло.

Любопытно, что в ноябрьском номере английского журнала «Чесс» заранее, еще до окончания турнира претендентов в Сухуми, сообщалось о том, что оспаривать чемпионский титул у Ноны Гаприндашвили будет Милунка Лазаревич. Нельзя утверждать, что пророки из «Чесс» сели в лужу, но и сухими они из этой истории не вышли. Дело в том, что Милунка, уже почти обеспечив себе победу, проиграла последнюю партию американской шахматистке Г. Грессер и набрала то же количество очков, что Татьяна Затуловская и Алла Кушнир. Так Милунке пришлось продолжить спор за право играть с Ноной, на сей раз в Москве в матч-турнире с двумя советскими шахматистками.

«Турнир имени Грессер» — так можно назвать московский матч-турнир трех. Он начался очень успешно для Милунки Лазаревич, которая победила сначала А. Кушнир и затем и Т. Затуловскую. М. Лазаревич снова оказалась близка к цели. Ей достаточно было сделать одну-единственную ничью, и журналу «Чесс» не пришлось бы давать поправку. Но нет! Лазаревич проиграла сначала Кушнир, а затем Затуловской. Так претенденткой на матч с Ноной Гаприндашвили оказалась Алла Кушнир!

Я сказал Лазаревич: «На вашем месте я бы сжег шахматы!» Но югославская шахматистка ответила: «Нет, шахматы не виноваты — виновата я сама. Плохо провела последние две партии». Ну что же, очень хорошо, что Милунка не согласна сжечь шахматы. Несомненно, что время залечит эту тяжелую шахматную рану, и тогда через три года талантливая югославская шахматистка предпримет новую попытку оспаривать самый почетный титул.

Насколько я понимаю, решающее значение в матч-турнире трех сыграли нервы. Они и подвели М. Лазаревич так же, как и Т. Затуловскую. Их в конце концов обошла спокойная, уравновешенная Алла Кушнир. Если Нону Гаприндашвили и Милунку Лазаревич можно назвать «женскими Талями», то Аллу Кушнир с ее солидным стилем игры и благоразумием вполне можно величать «женским Петросяном».

У осиротевшей шахматной Москвы (после проигрыша Е. Быковой в 1962 году) появилась надежда: Алла Кушнир.

КЕРЕС ДЕЛАЕТ ПОДАРОК... СЕБЕ!

Смешанная пара П. Керес — Н. Гаприндашвили встречала Новый год на боевом посту, в Гастингсе. В этом шахматном городе одно время жила первая чемпионка мира Вера Менчик, неоднократная участница крупных международных турниров. Часто В. Менчик играла и в традиционных рождественских турнирах в Гастингсе. Изучая старые турнирные таблицы, можно убедиться, что В. Менчик обычно занимала места в слабейшей группе участников. А Нона Гаприндашвили все же набрала пять очков из девяти возможных — отличный дебют в мужском турнире!

Как и следовало ожидать, борьбу за первое место вели два шахматиста экстракласса — П. Керес и С. Глигорич. Югославский гроссмейстер, набрав 6,5 очка из 7, казалось, стоял на верном пути к победе, которая была бы его четвертой победой в Гастингсе.

При таком бешеном темпе С. Глигорича только один П. Керес сумел удержаться за лидером до шестого тура. К этому моменту Нона Гаприндашвили узнала имя своей соперницы — Алла Кушнир. Живо обсуждалась трагедия М. Лазаревич. Узнав о том, что М. Лазаревич проиграла обе последние партии, П. Керес имел неосторожность сказать Ноне: «Да, пожалуй, пора закрывать женскую шахматную контору!» При этих словах гроссмейстера Нона промолчала, но решила проучить Кереса. На следующий день Нона играла с Кересом, как львица, и отняла у него ценные пол-очка, на радость С. Глигорича. Но нет худа без добра. Отставая на пол-очка, П. Керес вынужден был играть вовсю с лидером, и ему удалось выиграть эту решающую партию. Дурные примеры заразительны, иногда даже на расстоянии. С. Глигорич в стиле Лазаревич проиграл обе последние партии.

— Ну а где же чемпионат страны? — спросит меня дотошный читатель. Действительно, в те дни, когда писалось это обозрение, чемпионат выходил на финишную прямую. Но до конца борьбы оставалось несколько решающих туров, спор лидера В. Корчного с Л. Штейном и Д. Бронштейном был еще в разгаре, и мне, признаться, не хотелось оказаться в позиции шахматного журнала «Чесс». Поэтому эту интересную тему я и решил отложить до следующего раза.

НА ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ—ПУРГА

В эти дни на Южном полюсе в поселке Мирном происходит смена советских полярников. Корреспондент «Огонька» Алексей Голиков связался по радиотелефону с начальником экспедиции, покидающей вскоре Антарктику, Павлом Кононовичем Сенько.

— Наша работа фактически закончена. Передаем дела,— рассказал Павел Кононович.— Экспедиция впервые в Антарктиде провела научные наблюдения в год спокойного солнца. Материалы этих наблюдений представляют большой интерес.

Сложным был санно-тракторный поход участников нашей экспедиции по маршруту Мирный — Восток, Восток — Мирный. Было доставлено много грузов, различное оборудование, которые пригодятся и для дальнейших санно-тракторных походов.

Самые сердечные отношения сложились у нас с иностранными учеными, работающими на шестом континенте.

Американские полярники, прилетев к нам в Мирный, поймали 40 пингвинов и отвезли к себе. Эти птицы обладают биологическим фактором, который позволяет им путешествовать на довольно большие расстояния и возвращаться на прежнее место. Вот и эти пингвины, когда американские ученые их выпустили, быстро построились и направились в сторону Мирного.

— А чем вы занимались в свободное время?

— Свободное время у нас обычно после ужина. Собираемся в кают-компании, читаем, смотрим кино, оно у нас бывает довольно часто, играем в шахматы. По шахматам были даже межкомандные соревнования. Команда электростанций и мастерских называлась у нас «Выхлоп». Команда геофизиков — «Космос», а радиоотряда — «Бухор». Бухор — это когда в эфире нет слышимости.

Проходили у нас соревнования и по настольному теннису. Даже планировался розыгрыш первенства по футболу, но помешали ноябрьские и декабрьские метели, снегу намело горы.

К микрофону подошел начальник новой экспедиции Иван Григорьевич Петров.

— Иван Григорьевич, как идет разгрузка имущества вашей экспедиции с «Оби» и «Эстонии»?

— Разгрузка шла успешно, но вот уже два дня здесь метет пурга, ледовые условия стали сложнее, и разгрузку пришлось прекратить. Синоптики обещают улучшение погоды, и полагаю, что работу закончим в срок.

Я еще не был в Антарктике. И первое впечатление было неплохое, погода стояла ясная. Но вот сейчас, когда ветер и пурга, то уже нравится меньше. Но Павел Кононович меня утешает, говорит, что это цветочки, а ягодки будут впереди.

— Кстати, о ягодках. Экспедиция фруктами запаслась?

— Да. В Австралии закупили 50 тонн фруктов, овощей. Полагаю, что картошки хватит нам на весь год.

— Что бы вы хотели передать читателям «Огонька»?

— Большой антарктический привет. Это я от имени всех наших полярников—и тех, которые уезжают, и тех, которые остаются. Среди читателей «Огонька» есть наши знакомые и родственники. Пусть они не беспокоятся: все мы чувствуем себя хорошо!

ОДЕЖДА, ОБОИ, БОЧКИ, КОВРЫ

...Бумага, которая не боится огня? Есть такая! Изобрели ее в Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности. У этой бумаги большое будущее. Трудно даже определить границы ее применения. Она сможет с успехом заменить тяжелые, огнеопасные материалы, применяемые для театральных занавесей, из нее можно будет делать обои; спецодежду...

В институте ведутся успешные работы по созданию особой бумаги, способной заменить ткани. Делается она из целлюлозы и синтетического волокна — капрона, лавсана...

Известно, что обыкновенная бумага, на которой мы пишем, печатаем, способна выдержать до двухсот перегибов, а новая при испытании выдержала сорок тысяч изгибов. Велико у нее и сопротивление на разрыв.

Руководитель лаборатории института профессор Н. П. Перекальский говорит:

— Из этой поистине универсальной бумаги можно делать очень многое — белье, одежду, ковры, обои, отделывать ею вагоны, суда, автомобили, самолеты.

Известно, что на изготовление бочек идет наиболее прочная и весьма дорогая древесина. А нельзя ли делать бочки из бумаги? Оказывается, можно. Сотрудники Главленинградстроя открыли такой способ. Они стали выпускать восьмилитровые банки из особой бумаги, пропитанной парафином. Бумажная тара прекрасно заменила деревянные бочки. Она весьма удобна в эксплуатации, много легче и значительно более экономична.

Много огорчений работникам народного хозяйства приносит коррозия железа и стали. А вот приятная новость. Украинский научно-исследовательский институт целлюлозно-бумажной промышленности разработал технологию армированной водостойкой бумаги. Упакованную в такую бумагу сталь держали полгода под открытым небом, и она отлично сохранилась.

На рыбинской бумажной фабрике «Искра Октября» разработали технологию производства шестнадцати новых образцов бумаги и картона, в том числе всходозащитной, которая будет весьма полезна и найдет широкое применение в сельском хозяйстве.

А вот новости с Красногородской бумажной фабрики. Там удалось освоить промышленный выпуск бумаги с полиэтиленовым и полихлорвиниловым покрытием. Такая бумага хорошо сопротивляется воздействию кислот, щелочей, масел и растворителей. Она сохраняет эластичность даже при температуре минус шестьдесят градусов.

Бумага вместо дерева, вместо металла, бумага — заменитель хлопка.

На берегу Ладоги, на Сясьском целлюлозно-бумажном комбинате, на Кондровском и Архангельском комбинатах строятся крупнейшие в стране фабрики бытовых и санитарно-гигиенических бумаг. Совершенные быстроходные машины будут выдавать в гигантских объемах особую бумагу, которая там же, на фабрике будет превращаться в скатерти и полотенца, белье и салфетки, пеленки и носовые платки, во множество других изделий, которые делались раньше только из текстиля.

Б. САВЕЛЬЕВ

К ВАШИМ УСЛУГАМ

В каждой рижской семье есть такая небольшая книжица. Стоит только заглянуть в нее, и сразу отыщешь нужный адрес. У вас в доме готовится свадьба? Нужен наряд для невесты? Пожалуйста, обратитесь по адресу: улица Суворова, 18. У дочери сломалась любимая заводная игрушка? Ее починят в специальной мастерской на улице Ленина. Вы уже научились шить сами, но не рискуете кроить материю? К вашим услугам мастерские раскроя...

С нового года справочник по бытовому обслуживанию пополнится многими, не менее нужными и полезными сведениями.

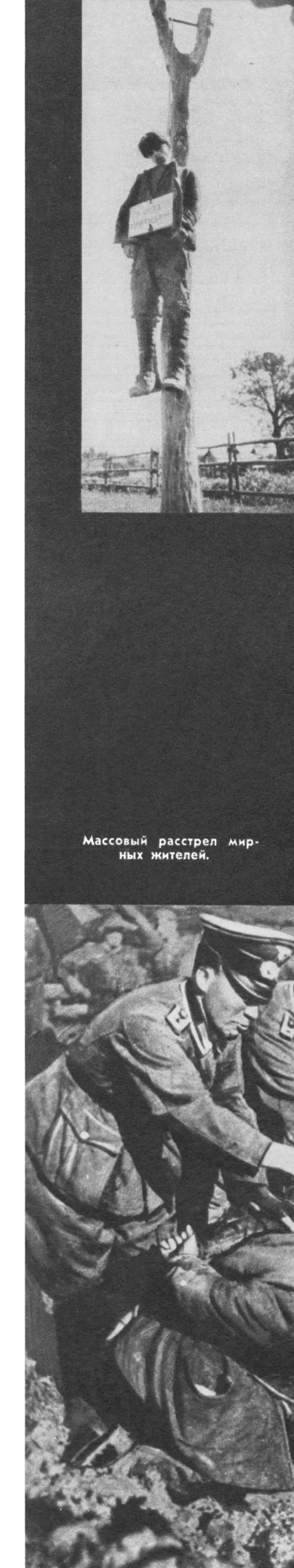
На одной из центральных улиц города открывается салон шляп. Вряд ли можно устоять перед искушением и не заглянуть сюда. И уж совсем трудно выйти из салона с пустыми руками. В выставочном зале — новейшие модели головных уборов. Вам понравился фасон этой элегантной шляпы для весны? Вот только цвет... Не огорчайтесь, вам сделают точно такую же любого другого цвета.

Идут последние приготовления и к открытию салона трикотажных изделий. Нарядный выставочный зал, зал для демонстрации моделей и тут же прием заказов на приглянувшуюся вам вещь: вязаный костюм, платье, кофточку, спортивный свитер, купальный костюм...

С нового года Рижское управление бытового обслуживания вводит на всех своих предприятиях целый ряд новшеств: окраску синтетических мехов, художественную штопку; сокращаются сроки ремонта обуви — уже в пяти мастерских мелкий ремонт производится конвейерным способом.

Н. АЛЕШИНА

Рига.

Массовый расстрел мирных жителей.

Гнев и возмущение вызвало у всех честных людей мира решение правительства ФРГ прекратить с мая преследование нацистских преступников за давностью совершенных ими преступлений.

Посмотрите на эти снимки. Мой отец, участник Великой Отечественной войны, обнаружил их после одного из боев в архиве гестапо. Фашисты запечатлели казнь белорусского партизана и горящую деревню после налета немецкой авиации.

В тексте, приобщенном к первой фотографии, говорится: «Он повешен прямо на улице. Эти партизаны не стоят даже пуль. Для устрашения гражданского населения на грудь ему повешена дощечка с надписью: я есть партизан».

«Внимание, мы нападаем!» — так озаглавлен второй снимок.

С. ЗЮБАНОВ

Москва.

Забыть это?

Более двадцати лет хранятся у меня фотографии времен войны. Часть из них снята мною, тогда военным корреспондентом газеты «Красная звезда», большинство же — немецкие, найденные у убитых и пленных гитлеровцев. Фашисты снимали сами себя. Глядя на эти фотографии, вновь вспоминаю сожженные поселки, виселицы на площадях только что освобожденных городов и бесчисленное количество трупов замученных фашистами людей. Убийцы охотно позировали фотографу. Гитлеровцам это нравилось. Они не думали, что снимки станут обвинительными документами. Но так стало. Фотографии обвиняют. Прощения фашистам никогда не будет!

О. КНОРРИНГ

Два заснеженных трупа с обрывками веревки на шее. Кто они! Откуда! Жители села Уварова рассказывают, что перед отступлением озверелые фашисты привели их босых по снегу, повесили на площади, а затем, привязав веревки к седлам лошадей, долго таскали трупы по улицам.

На школьной доске четко выведено: «Русский должен умереть, чтоб жили мы». В этой фразе — людоедская сущность фашизма.

Никогда!

ПОСЛАНЕЦ ПИТЕРСКИХ РАБОЧИХ

В мае 1913 года в письме к А. М. Горькому В. И. Ленин писал: «Мы теперь ликуем по поводу победы рабочих в Питере над ликвидаторами при выборе правления нового союза металлистов».

Поводом для ликования послужили итоги выборов правления самого крупного и самого влиятельного в Петербурге профсоюза металлистов. В правление союза было избрано 14 большевиков, 5 ликвидаторов, 1 эсер и 7 беспартийных. Председателем правления стал видный деятель большевистского подполья токарь завода Сименса-Шуккерта (ныне «Электросила») член партии с 1898 года Алексей Семенович Киселев.

Под руководством А. С. Киселева союз металлистов Петербурга руководил стачечной борьбой десятков тысяч металлистов города, защищая их экономические интересы. Петербургские большевики использовали помещения союза на Большой Пушкарской улице для нелегальных заседаний Петербургского и районных комитетов партии.

В конце 1913 года за революционную деятельность А. С. Киселев был арестован. Поселившись нелегально в Шувалове, близ Петербурга, он работал на заводах «Айваз» и Эриксона, а позднее стал секретарем больничной кассы на заводе Барановского.

В июне 1914 года петербургские большевики поручают А. С. Киселеву поехать в Поронино к В. И. Ленину. Поселившись в деревушке, недалеко от В. И. Ленина, Алексей Семенович часто и подолгу беседовал с Владимиром Ильичем.

Вскоре Киселев вернулся в Петербург. И снова арест, тюрьма, а потом ссылка в Енисейскую губернию.

После победы Февральской революции А. С. Киселев возвратился в родные края, в Иваново-Вознесенск, где его избирают председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов. Он принимал здесь активное участие в установлении Советской власти.

В начале 1918 года А. С. Киселев вновь встретился с В. И. Лениным: по поручению иваново-вознесенских рабочих он приехал в Петроград по поводу продовольствия и денежных знаков. Увидев Алексея Семеновича в Смольном, Владимир Ильич пригласил его к себе в кабинет. В. И. Ленин поинтересовался, как прошла социалистическая революция в Иваново-Вознесенске, как к ней относятся крестьяне. Ленин внимательно отнесся к просьбам иваново-вознесенских рабочих. Сделав необходимые распоряжения, Владимир Ильич сказал: «Если будут какие-нибудь трудности, то загляните ко мне опять».

После окончания гражданской войны А. С. Киселев назначается председателем малого Совнаркома и работает на этой должности до 1923 года. В 1924 году он избирается секретарем ВЦИК.

Жизнь верного ленинца трагически оборвалась в 1938 году. Он стал жертвой необоснованных репрессий периода культа личности.

Кандидат исторических наук
А. КОНСТАНТИНОВ

Славящие жизнь

В Эрмитаже посетители по многу раз возвращаются к удивительным портретам, под которыми на табличках написано: «Франс Гальс (1580?—1666)».

«Никогда не писали лучше и никогда не будут лучше писать!» — воскликнул поэт искусствоведения Фромантен, несмотря на данное самому себе обещание «сдерживаться и отдавать ему (Гальсу) лишь должное». Видимо, иногда сдерживаться трудно...

Искусствоведы называют портреты Гальса гениальными экспромтами, предполагая, что писал он их в один сеанс, так как был «не способен к... вдумчивому, пристальному изучению» внутренней жизни своих моделей. Так ли это? Во всяком случае, работал Гальс невероятно быстро. И сейчас современники художника запросто выходят из рам нам навстречу — хохочут, бранятся, произносят спичи или, как этот статный, элегантный мужчина, спокойно, чуть иронично глядят на нас. Гальс любуется умным лицом, ладной фигурой своего героя. Такими, как этот человек, сильна и горда Голландия.

Творил и жил Гальс в Гарлеме, редко покидая любимый город даже ради самого богатого заказа. Родился он во фламандском Мехельне (а возможно, в Антверпене) в семье ремесленника суконного цеха.

Учителей у Гальса не было — гениальный одиночка обогнал на сотни лет манерное, приглаженное искусство «гарлемских академиков».

Бюргеры относились благожелательно к знаменитому сородичу, прощая ему беспутную жизнь. Им льстило, что королевский портретист Ван Дейк не знает «никого, кто так прекрасно владел бы кистью», что сам Рубенс приобретает картины Гальса.

Но наступил день, когда художник остался в одиночестве.

Групповые портреты стрелков, на которые живописец в пору расцвета обрушил потоком точные, крепкие мазки виннокрасной, оливково-зеленой, оранжевой, голубой, белой краски, вечно хранят жизнерадостность, боевой задор, дух счастливых лет освобождения от испанского владычества. Но пока создавал их художник, многое изменилось в жизни. И Гальс, не способный кривить душой, с гениальной бесцеремонностью берет в герои жителей трущоб, своих собутыльников, которым нечем заплатить не только за портрет, но часто и за кружку пива. Изуродованные пьянством, недоеданием, тяжким трудом лица, например, «Мулата» или «Малле Баббе», прозванной гарлемской ведьмой, рассказывают нам о разочаровании, постигшем в ту пору Франса Гальса.

На сытых же лицах аристократствующих богачей за показной добропорядочностью Гальс увидел тупость, жестокость, духовное ничтожество. Все реже и реже требуются теперь те яркие многоцветные краски, которые художник приготовлял по собственным рецептам и так великолепно, что они сверкают, живут и сегодня. Ему стало хватать белого да черного. Правда, эти два цвета он умел раскладывать на множество тончайших оттенков.

Бюргеры стали пенять на замутившееся зеркало и исчезли из мастерской Гальса. Подкралась нищета. Пособие в 200 гульденов, за которым художник обратился в 1663 году в магистрат, стало и платой за последний официальный заказ. Восьмидесятилетний мастер написал два групповых портрета — регентов и регентш гарлемской богадельни; дряхлеющей, но все еще твердой рукой подвел печальный итог. Один из регентов изображен пьяным — тусклые, невидящие глаза, растрепанные космы торчат из-под съехавшей набекрень шляпы, грузное тело едва удерживает равновесие. Какие уж тут общественные дела и обязанности!..

Так Гальс стал психологом и обличителем, пристально и критически всматривающимся в свою главную вечную модель — жизнь. Величайший оптимист умер одиноким пессимистом. Похороны нищего художника, стоившие 4 флорина, взял на себя город Гарлем. За гробом, наверное, шли сыновья — у Гальса было двенадцать детей — и кое-кто из многочисленных учеников; среди них называют таких прославленных голландских живописцев, как Адриан Броувер, Адриан Ван Остаде, Филипс Воуверман.

Пейзажист Воуверман не писал с натуры, стремясь угодить богатым покупателям, увлекавшимся в ту пору Италией. И смешались на его картинах окрестности Схевенингена и остерии римской Кампаньи, дюны и лазоревые горы. Но когда Воуверман писал окрестности Гарлема, правда побеждала, он воспевал красоту горячо любимой северной земли — «песчаной дороги и чахлых кустов в дюнах... вросшей в землю деревенской хижины и покосившегося забора...»

Маленькие люди — крестьяне, городские ремесленники — охотно покупали эти небольшие, сравнительно недорогие картинки, словно пронизанные влажным морским воздухом. Народу нравилось, как оживала на полотне пословица «Бог дал голландцам небо и воду, землю они добыли себе сами».

...Северного Тициана — Пауля Питера Рубенса в мастерской всегда окружали друзья, ученики, помощники. Первым среди них был большеглазый, румяный богатырь Якоб Иорданс, друг Рубенса (оба учились у старика Ван Ноорта),— любимый его соавтор.

Немногим уступает Иорданс своему знаменитому другу. А земляки-фламандцы даже предпочитают его творчество за то, что более непосредственно раскрылся здесь простой, грубоватый, жизнерадостный фламандский народный характер.

Свои внушительные по размерам «толстокожие» полотна Иорданс населяет людьми из народа. 6 января в крестьянских домах Голландии хозяйки запекают в праздничный пирог боб, и тот, кому он попадется, становится королем — выбирает себе королеву и раздает гостям придворные должности. А кому-то достается и шутовской колпак с ослиными ушами. Королю подчиняются все беспрекословно. Веселье не знает удержу...

Даже сцены из мифологии или священного писания Иорданс превращает в картинки родного быта. Мадонна у него — скуластая деревенская молодка, младенец Христос — крестьянский ребенок, евангелисты и античные герои — здоровенные мужики.

Красочные, пышные, причудливые формы искусства барокко крестьянский живописец Якоб Иорданс заставил служить непривычному для них простецкому, народному содержанию.

В конце жизни слава Иорданса достигает зенита. После смерти Рубенса он — первый живописец фламандцев, декан гильдии антверпенских художников. К нему обращаются с заказами монархи, и огромная мастерская — фабрика Иорданса, где трудится множество учеников,— не успевает их выполнять...

Не много насчитает мать-земля сыновей, которые бы так знали, любили и понимали красоту всего, что растит она на своих полях, в садах и даже на дне морском, как это умел Франс Снейдерс. Сам Рубенс обращался к нему, когда требовался натюрморт!.. И друг-чародей выплескивал на холст дары земли с царственной щедростью.

Перед снейдеровским громозвучным гимном плодородию с трудом выговаривается академичное слово «натюрморт».

Для живописца не существовало мертвой натуры, была лишь многообразная, живая, трепетная, налитая соками плоть земли. Поэтому так просто ему возле битой дичи написать живых псов, вдыхающих дразнящие запахи или охотящихся за кошкой,— как на том сравнительно небольшом для Снейдерса холсте, репродукцию с которого вы видите на вкладке.

Только людей художник изображать не умел. И поручал другим вписывать человеческие фигуры в свои картины. Так однажды человек и мертвая природа как бы поменялись местами в искусстве. Понадобилось это самому человеку, понадобилось искусству, которое не знает неизменных границ и форм, которое многообразно, как мир.

Эльвира ПОПОВА

Государственный
ЭРМИТАЖ

Франс Хальс. 1580—1666. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. Ранее 1660 года.

Якоб Иорданс. 1593—1678. БОБОВЫЙ КОРОЛЬ. Около 1638 года.

Франс Снейдерс. 1579—1657. БИТАЯ ДИЧЬ И ОМАР.

ПОСЫЛКА АННЫ СТРУНСКОЙ

В. БЫКОВ

Ко мне пришла посылка из США, большая, тщательно упакованная коробка. Я оторвал клейкие ленты прозрачной бумаги, залепившие края, открыл крышку.

Здесь много старых фотографий. Бородатые мужики в залатанных овчинных шубах. Дети в лаптях. Бабы, подобрав подолы длинных юбок, ногами месят глину. Убогие, крытые соломой избы. Нищая матушка Русь.

Здесь же, в посылке, отпечатанная на машинке рукопись книги, названной «Одиссея русской революции 1905 г.». Ее автор — Анна Струнская.

Посылка от Анны Струнской. Струнская — дочь выходцев из России, в начале 80-х годов прошлого века переселившихся в Соединенные Штаты Америки. Она соавтор Джека Лондона по роману «Письма Кемптона и Уэйса», переведенному и на русский язык. Анна Струнская и Джек Лондон были большими друзьями. Некоторые американские авторы утверждали, что они едва не стали мужем и женой. Действительно, по переписке можно было заметить, как все ближе становились эти люди друг другу, а совместно ими созданное произведение было романом о любви, горячим спором о значении и роли любви. Я был уверен, что через эту женщину шли основные нити связей Джека Лондона с передовой Россией и ее культурой.

Несколько лет назад в Соединенных Штатах, где я собирал материалы о жизни и творчестве Джека Лондона, я встретился с Анной Струнской.

Мы говорили о Джеке Лондоне, и как-то сам собой разговор зашел о русской революции 1905—1907 годов. Я тогда впервые узнал, что Джек Лондон, калифорнийский поэт Джордж Стерлинг и Анна Струнская подписали в 1905 году воззвание в защиту русской революции — призыв оказать помощь революционерам. Узнал я и массу других любопытных фактов. Но самым удивительным было то, что Струнская в те тревожные годы совершила поездку в Россию вместе с мужем, публицистом Уильямом Инглишем Уоллингом, социалистом-миллионером, как его называла американская пресса, одним из знаменитых «разгребателей грязи».

Уоллинги пробыли в России около двух лет. Цель их поездки — изучить положение в стране и разоблачить перед всем миром кровавую тиранию Николая II.

Анна и Уильям посетили многие русские города и деревни, проехали по Украине, Поволжью, Крыму. Уоллинги были социалистами. Это открыло им доступ к революционным кругам; они встречались с эмигрантами в Женеве и Париже, а положение состоятельного американца позволило Уоллингу добиться приема у высокопоставленных лиц. Они беседовали с тогдашним премьер-министром Витте, с лидерами различных партий.

Уоллинг написал о положении в России книгу, изданную вскоре после его возвращения. Анна сказала, что и она писала о поездке книгу, которая, однако, не была опубликована. Мне в Америке так и не удалось познакомиться с рукописью. С сожалением вспоминал я об этом: уж очень ценны живые свидетельства очевидцев бурных событий того времени. И то, что они написаны иностранцем, наблюдателем, попавшим в новую для него среду, не уменьшало, а увеличивало их ценность.

Мы переписывались с Анной Струнской. Она сообщала некоторые подробности о Джеке Лондоне, выслала вырезки из американских газет. Анна с восхищением писала о полете первого в мире космонавта Юрия Гагарина. В 1963 году она собиралась приехать в Советский Союз и дописать последнюю главу своей книги, главу о новой России, но из-за болезни отложила поездку до весны 1964 года. Прошлой зимой я узнал о ее смерти.

Анне Струнской было 84 года. Однако до последних дней она принимала участие в борьбе американского народа за мир и демократические права: присутствовала на конгрессе Национальной ассоциации борьбы за права цветного населения, несмотря на болезнь, принимала участие в походе за мир. Незадолго до смерти Анна переслала рукопись своей книги и многочисленные фотографии, сделанные в России, на родину родителей — в СССР.

И вот передо мной пожелтевшие страницы, напечатанные по-английски на машинке то поблекшим черным, то фиолетовым, то синим шрифтом, с коррективами от руки. Очерки писались медленно, в течение многих лет.

«С детства ощущала я чары России, зов ее горя, ее мучеников и героизм ее народа»,— начинает Анна свою книгу. Для нее Россия— это страна Толстого, Тургенева, Гоголя, Пушкина и Некрасова. Их глазами впервые увидела она степи и леса страны, где родилась. Вчитываясь в их творения, Анна старалась понять душу своего народа. Теперь она ехала, чтобы увидеть все собственными глазами.

«Звучание русского языка в самой России—наконец-то я слышу его! Я сижу в поезде, идущем в Петербург, и с трепетом ловлю каждое слово... Я была пьяна от языка, от зимнего пейзажа. Молодые березы сверкали на солнце своими стройными стволами, такими же белыми, как снег, в котором они утопали».

Поезд подходил к Петербургу ранним утром накануне рождества 1905 года. Падал мелкий снег. Улицы были окутаны серой, предрассветной мглой.

Анна и Уильям ходили по улицам, наблюдали непонятную жизнь русской столицы. Через неделю по прибытии у них на глазах офицер застрелил студента, отказавшегося петь «Боже, царя храни». В течение почти двухлетнего пребывания в России они были свидетелями преследований, кровавого террора.

Они много путешествовали. Ездили поездом и пароходом, на телегах по разбитым дорогам. И повсюду слышали крик о земле и воле. Под Тамбовом им рассказали о карательном казачьем отряде. Руководителя крестьян здесь нещадно пороли плетьми, а потом расстреляли вместе с шестью зачинщиками. Аресты шли повсюду.

В деревне Царевщина крестьяне учредили «республику». Избрали главу и нечто вроде парламента. Каждый вечер собирали народ по колоколу миром решать вопросы. «Это была французская революция в миниатюре»,— пишет Анна. Правительство прислало казаков. Они сожгли деревню.

Какая-то женщина сказала американцам, что она прятала Софью Перовскую. Уоллингов пригласили в дом. На столе стоял самовар. Изба выглядела бедно, но гости из далекой страны почувствовали себя как дома, они испытывали желание откровенно поговорить с этими людьми и оценили их доверие. Здесь Анне показывали альбомы с фотографиями Софьи Перовской, Каляева, Созонова и Коноплянниковой, а также портрет студента, убитого в Москве на баррикадах. Это были священные реликвии народа.

Беседуя с одним из крестьянских вожаков, Анна поразилась широте его кругозора: он читал не только Маркса, но и Гюго, и Байрона, и Шелли. Это был к тому же бедняк, самоучкой выучившийся грамоте в двадцать один год. «Здесь было физическое рабство,— пишет Струнская о крестьянах,— но духовно они свободны. Их любовь к свободе осталась нетронутой».

Однажды друзья попросили Уоллингов приютить на ночь товарища. У него не было паспорта, его разыскивала полиция, а он сильно болел. Товарищ пришел ночью, бледный, с воспаленными глазами и забинтованной головой. Утром его друзья принесли паспорт и деньги, но он не смог встать. Послали за доктором, своим человеком. Трое суток врач выхаживал больного, пока он смог самостоятельно двигаться. На голове у него была рана от сабельного удара, сломаны ребра. Он бежал из рижской тюремной больницы.

Сестра Анны, Роза, ухаживала за больным. Его деньги и документы она зашила в пальто. Ранним утром на четвертый день Анна отвезла его на санях на Финляндский вокзал, купила билеты, выдав за больного мужа. Как и положено с мужем, обнялась с ним на прощание.

Анна с большим уважением и гордостью пишет о стойкости русских революционеров, особенно восторженно—о героических русских женщинах.

«Женщины стояли плечом к плечу с мужчинами, они, как и мужчины, шли в Сибирь и поднимались на эшафот... Сила русских женщин — факт, общеизвестный по литературе,— имеет истоки в революции, что ярче всего видно на примере Веры Засулич».

Струнская встречалась с Засулич. В 1906 году в Париже слушала она, как Вера Фигнер читала стихи, написанные в застенке. Председательствовал на этом собрании Анатоль Франс. «Слушатели поднимались и бросали к ее ногам розы, она стояла, одетая в белое. Всех до одного охватило вдохновение. Все чувствовали, что с такими людьми революция не может потерпеть поражение. Она стояла перед слушателями в сиянии своей красоты, правда, несколько потускневшей после стольких лет страданий, воплощая собой славу и величие Движения».

Из встреченных в Европе эмигрантов Анне запомнилась подпольщица, пережившая в тюрьме пытки и надругательства. Ее осудили за агитаторскую деятельность. Жестоко били, пытаясь заставить говорить, но она молчала. Даже в бреду она не сказала ни слова, кроме: «Я не знаю. Я не знаю!»

В мае 1906 года, вскоре после созыва Первой думы, Уоллинги приехали в Тулу и утром на следующий день по приглашению Толстого отправились в Ясную Поляну, где провели весь день. Прибывший с ними фотограф снял Толстого. Снимали также яснополянских баб, мужиков, детей.

Шли мимо пруда, сильно пахло липовыми листьями и свежей травой. Толстой встретил американ-

1907 год. **Анна Струнская.** **1963 год.**

цев на веранде. Для Анны он был воплощением всего русского, человечного. Она была поражена огромным диапазоном его знаний. Говорили о войне, о социализме, о положении народа и, разумеется, о революции. Писатель расспрашивал о своих друзьях и знакомых в Америке.

Услышав о намерении Уоллинга пробыть в России несколько лет, чтобы следить за развитием революции, Толстой высказал мнение, что русская революция — это драма из нескольких актов. Думу он назвал первой картиной первого акта, а первые картины, по его мнению, всегда несколько комичны.

Анна рассказала Толстому, что в соавторстве с американским писателем Джеком Лондоном, еще мало известным тогда в России, написала книгу в письмах. Льва Николаевича заинтересовала книга, и, прощаясь, Струнская подарила ему первое издание «Писем Кемптона и Уэйса». Эта книга и поныне стоит в библиотеке яснополянского музея. Первое издание вышло анонимно, поэтому хранители музея не знают, кто автор светло-зеленого томика, изданного в Англии. В библиотеке Толстого такие авторы, как Джек Лондон и Анна Струнская, не значатся, а между тем они есть. Забыли о визите американцев к великому Толстому, нет об этом нигде упоминаний.

Струнская пишет о смирении и покорности яснополянских крестьян, их удовлетворенности своей судьбой. У них есть школа, медицинская помощь. Сподвижники писателя жили здесь, деля пищу и кров с крестьянами, точно так же, как некогда революционеры-народники, но с совершенно другой целью. Толстой пытался решить острую проблему всепрощением, самоотречением и трудом — физическим и умственным. Это, по его мнению, заполняло пропасть, разделявшую классы.

Наивным теориям Толстого Анна противопоставляет взгляд Горького. Вот что пишет она в очерках: «Горький — это личность, нашедшая народ, и все его книги обозначают историю этого чуда. Он нашел народ в другом смысле, нежели Толстой, который пытался слиться с народом, ибо Горький нашел не смирение и покорность, а скорее борьбу народа, устремленность народа от смерти (от молчаливой подавленности) к богатству жизни. В литературе Горький, наверное, был первым выразителем организованного социалистического движения». Струнская верно поняла своеобразие и значение выдающегося писателя, важнейшую черту его творчества.

С Горьким Уоллинги встретились в Петербурге. Они изложили ему свой план отметить в международном масштабе годовщину расстрела рабочих 9 января. Анна предлагала организовать во всех странах митинги, на которых принять резолюции протеста и собрать средства для русской революции. «Горький,— пишет Анна,— одобрил план, который и был успешно осуществлен».

В Собрании сочинений А. М. Горького я обнаружил следующие строки из письма И. П. Ладыжникову, посланного в первой половине января 1906 года: «Недавно рабочие социал-демократы Америки прислали ко мне корреспондента, он интервьюировал меня по вопросу о современных событиях и попросил написать статью на эту тему. Статью я послал им — и очень пожалел, что не дал Вам ее копию». В примечаниях сказано, что упомянутая Горьким статья не разыскана. Очень возможно, что речь как раз идет о посещении Уоллинга. Об интервью Горького сказано в книге Уоллинга «Послание России». Это дополнительный адрес для розыска затерянной статьи. Уоллинг был связан с журналами «Индепендент», «Аутлук» и «Нейшн». Видимо, там и опубликовано неизвестное пока у нас произведение Горького.

В очерках Струнской характеризовался Горький как писатель, но о встрече с ним почти ничего нового не сообщалось. Я обратился к Анне с просьбой рассказать, что она помнит об этих встречах.

В ответ она написала: «Впервые я встретилась с Горьким в Санкт-Петербурге в 1906 году. Мне нужна была его подпись под международным памятным манифестом, (который я написала за год до этого) по случаю первой годовщины трагедии, устроенной Гапоном... Горький подписался с радостью и благодарностью. Я еще его видела раз или два снова с Инглишем в Санкт-Петербурге. Инглиш организовал поездку Горького в Америку для выступлений с докладом в пользу русской революции. Как Вам, конечно, известно, он и его жена прибыли в Нью-Йорк, и была широко развернута подготовка к его приему. В комитет входили крупнейшие литературные имена страны, среди них Марк Твен и Уильям Дин Хоуэллс. Позже, в 1907 году, когда мы жили зимой в Сорренто (Италия), мы каждое воскресенье обедали с Горькими на их вилле на Капри. Гостеприимство Горького было типично русским, среди гостей были Андреев и приблизительно восемь или десять важных лиц, бежавших из царской России».

Известно, что А. М. Горький выехал в Америку в апреле 1906 года по заданию социал-демократической партии, чтобы собрать средства для партии, рассказать правду о царском режиме, восстановить общественное мнение против займа Николаю II.

Во время поездки по России Уоллинги в Полтаве посетили В. Г. Короленко и беседовали с ним о положении крестьян в Полтавской губернии. Они побывали также в Сорочинцах, где статский советник Филонов, ворвавшись в деревню во главе сотни казаков, издевался над крестьянами.

Визит к Короленко дал Анне повод для размышлений о роли писателя и гражданственности, народности русской литературы. Она исключительно высоко оценивает заслуги Короленко перед русским революционным движением.

«Он пишет для крестьян и о крестьянах, пример — его знаменитый рассказ «Сон Макара». Как и все русские писатели, о своей литературной деятельности он думает в последнюю очередь и совершенно прекращает ее в дни революционного кризиса, чтобы целиком посвятить себя народному делу. Тщеславие и карьера — вещи слишком ничтожные и наивные; по мнению русских, успех не может быть личным и частным. Он полностью зависит от успеха движения, с которым сливают себя русские писатели. Это большие и блестящие художники, искусство которых до краев переполняет лирика их жизни. Муза «мести и печали» Некрасова у Короленко превратилась в музу печали и борьбы, ибо ему выпало родиться в более поздний период мировой истории и поэтому он смог стать лицом к лицу с Революционным движением, а теперь — с начавшейся революцией».

Путешествие подходило к концу. Собран ценнейший материал: множество документов, записей, интервью и впечатлений,— куплены книги, подобраны и проявлены фотографии. Часть багажа уже отослана в Нью-Йорк из Петербурга и из Европы во время поездок туда. Американские журналы, главным образом радикальный «Индепендент», прославившийся атаками на монополии и громкими разоблачительными статьями «разгребателей грязи», а также либерально-буржуазные (это важно для воздействия на влиятельные круги) уже напечатали статьи Инглиша «Гражданская война в России», «Крестьянская революция», «Зловещий голод в России», «Как обстоят дела с Русской революцией» и главы будущей книги «Деревня против царя», «Какой он, русский народ».

Царская полиция давно приглядывалась к подозрительным иностранцам. Их частые встречи с «неблагонадежными» людьми, в том числе и с поднадзорными, как, например, Короленко, сильно беспокоили Охранное отделение. Содержание появившихся в американской прессе статей раскрыло цели пребывания Уоллингов в России. В статьях была правда о нищете и тирании, о ненависти русского народа к царизму. За Уоллингами установили усиленное наблюдение.

А они уже собрались в дорогу. Инглиш только что возвратился в Петербург из Москвы после беседы с лидером октябристов Гучковым. Вещи упакованы, визы получены. Через два дня, 9 октября, они уедут. Но 7 октября на Финляндском вокзале полиция арестовывает Розу вместе с женой финского профессора. Накануне Анна и Роза, прогуливаясь по Невскому с тремя финскими революционерами, встретились с бежавшим из Сибири организатором крестьянского союза. Седьмого было намечено помочь ему уехать.

Узнав об аресте свояченицы, Инглиш позвонил в американское посольство, а затем вместе с Анной отправился к адвокату. Через некоторое время они вернулись в гостиницу. Анна первая поднялась в номер. Там уже шел обыск.

— Где вы прячете ваши револьверы и динамит? — был первый вопрос пристава.

— Мы писатели, и наше оружие — перо! — ответила Анна.

Несмотря на протесты, Анну и Инглиша арестовали и направили в разные тюрьмы.

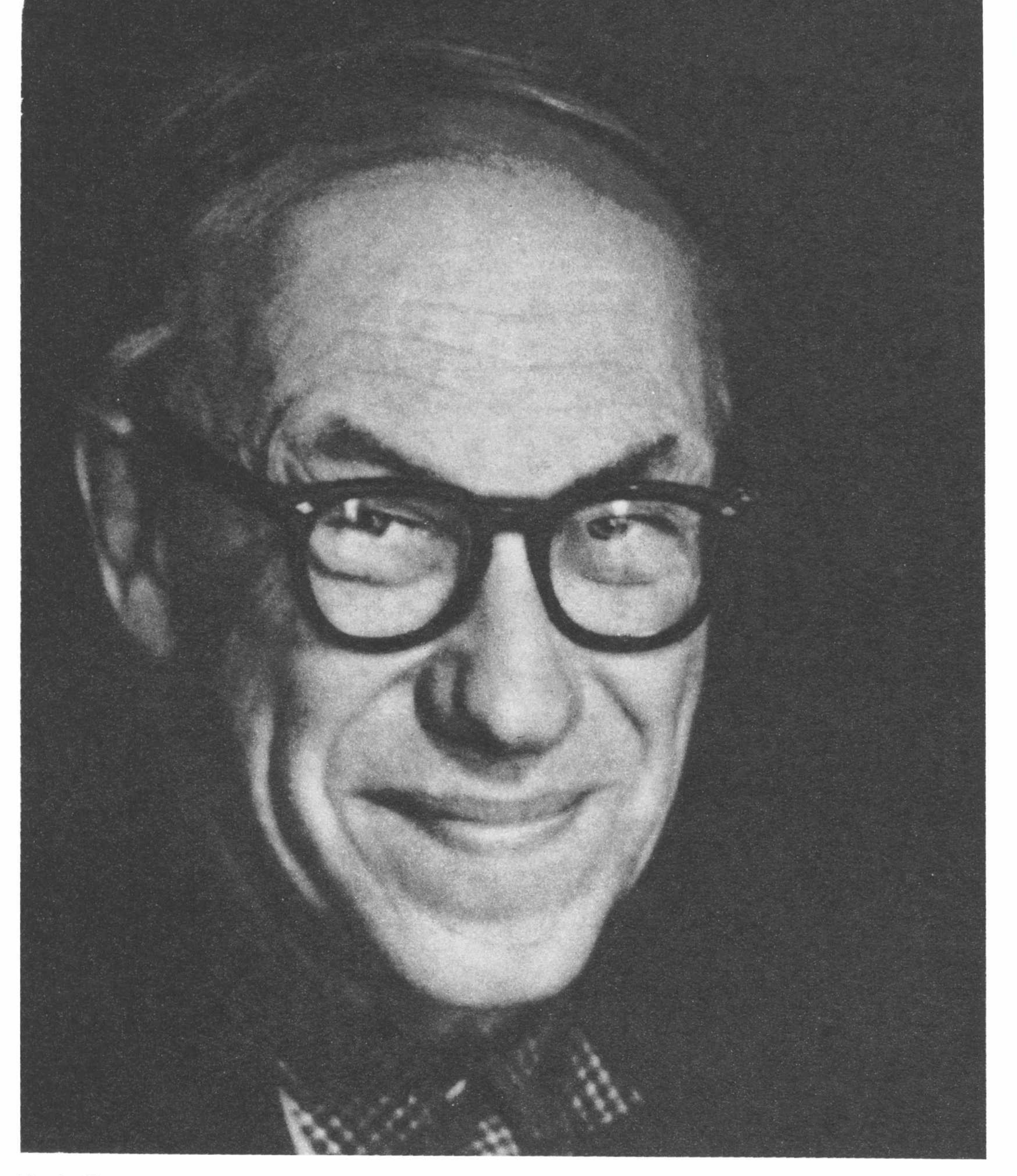
При обыске у Уоллингов ничего компрометирующего обнаружено не было. На следующий день об аресте американцев сообщили почти все русские газеты, сенсационная весть дошла до США. Состоятельный американец, внук кандидата в вице-президенты, известный журналист,— без видимых причин в русской тюрьме. И с ним две американские подданные, одна из которых — известная социалистка и писательница. Арест грозил вылиться в международный скандал, и через сутки полиция вынуждена была освободить иностранцев.

Так закончился визит Уоллингов в Россию. Шел октябрь 1907 года. Революционная волна спадала, наступала реакция, годы террора и гонений. Арест американских журналистов, прибывших понять великую Россию и рассказать о ней правду, был только маленьким звеном цепи, которую ковало на теле России черносотенное правительство кровавого Николая II.

Россия. 1905 год. Революционный митинг.

Этот снимок прислала Анна Струнская.

М. А. Лаврентьев.

Академик, с некоторым колебанием согласившийся выкроить время для разговора с корреспондентом, отвечает на традиционные журналистские вопросы и вспоминает прожитое.

Говорит о детстве. Об отце, профессоре Казанского университета, о влюбленных в науку друзьях отца. О брате-студенте, который зажег первое детское увлечение — химией и пиротехникой, с эффектным финалом в виде взрыва, чуть не вызвавшего пожар, и, разумеется, строгим родительским запретом на химические опыты. Было еще увлечение астрономией, а в юношеском возрасте — опять химия, и опять, увы, неожиданный взрыв, разнесший добротный вытяжной шкаф. И все время, под пиротехнический аккомпанемент, жила любовь к математике.

Михаил Алексеевич задумывается, шагает размашисто по кабинету и говорит о том, как важно рано выявить склонности человека и развить их «даже в ущерб так называемой широте образования». Последние слова подчеркиваются. Это—педагогическое кредо, упорно проводящееся в жизнь.

В Академгородке действует физико-математическая школа-интернат для детей, отобранных широчайшими общесибирскими олимпиадами. Занятия ведутся по особым программам, ребята кратчайшим путем идут к сложностям современного знания.

Я спрашиваю Михаила Алексеевича о его учителях, и он называет профессора Н. Н. Лузина, воспитавшего целую плеяду известных советских математиков. Лузин был буквально одержим наукой. Еще четырнадцатилетним подростком Лаврентьев был поражен его работоспособностью. Двадцать часов в сутки за письменным столом! А уже студентом постиг секрет успеха учителя — умение расчленять сложные проблемы на частные, находить и ставить задачи. Именно эта способность, с помощью Лузина настойчиво развитая в студенческие годы, стала для Михаила Алексеевича главной опорой в исследовательском труде. Так считает он сам.

Еще вопрос: когда Лаврентьев впервые побывал в Сибири?

Давно. Сорок лет тому назад он участвовал в большой туристической прогулке молодых математиков и физиков, проехавших верхом по Сибири и Алтаю. Побывал в захолустном тогда Барнауле, в немощеном Бийске, в Новосибирске, где только начинали строить нынешнюю центральную городскую магистраль — Красный проспект. Увидел и запомнил на всю жизнь

Мой дом в Золотой долине

Глеб АНФИЛОВ

Фото Г. Копосова.

Возле речки Зырянки, на крутом склоне, у самого леса, светлого и оглушающе тихого, вот уже семь лет стоит маленький одноэтажный домик, «домик, с которого все началось», как говорят местные старожилы. Самое старое здание Академгородка, знаменитой на весь мир столицы сибирской науки.

Живут здесь двое — академик Михаил Алексеевич Лаврентьев и его жена Вера Евгеньевна.

На звонок открывает улыбающаяся, энергичная хозяйка. В прихожей бросается в глаза четкое объявление: «Обезьяны в Сибири жить не могут, они замерзнут». Понимай как хочешь...

Выходит Михаил Алексеевич. Он высокий, прямой, с изучающим дружелюбием в проницательных глазах. Говорит как будто вполголоса, но получается так звучно, что низкий баритон его, иногда строгий, иногда смеющийся, слышен, наверное, на улице.

Лаврентьев — всемирно известный математик и естествоиспытатель, ученый очень широкого профиля. Глубины математических абстракций соседствуют в его творчестве с решением трудных прикладных задач аэродинамики и гидродинамики. Он автор серии блестящих исследований взрыва, создатель теории так называемых кумулятивных зарядов. По расчетам Лаврентьева и его сотрудников сейчас взрывами сокрушают льды, аккуратно и точно перебрасывают грунт, мгновенно сваривают металлические конструкции. В поле зрения его работ — гидродобыча угля, цунами, землетрясения, столкновения быстро летящих тел. Удивительное многообразие интересов!

У Лаврентьева своеобразная манера разговора. Нет ничего ораторского, фразы не круглые, не гладкие, но в них простота и ясность. И бодрая сила. Мне кажется, его очень трудно не слушать и не понимать.

красоту, щедрость, целинную нетронутость громадного края.

И вот опять Сибирь. Теперь она стала родным домом. Лаврентьев — председатель Сибирского отделения Академии наук, самого молодого из всех, очень продуктивного и своеобразного.

Здесь, в домашнем его кабинете, стены из гладких струганых досок. Большая классная доска с лотком для мела, на ней—нестертые формулы. Подле письменного стола — картина, исполненная в весьма современном духе. Изображен дельфин — символ гидродинамической загадки.

...Вечер. Мы с фотокорреспондентом поднимаемся от «домика, с которого все началось», вверх, к коттеджам академиков, к кварталам нарядных, свеженьких жилых домов. Четырехэтажные здания выстроились в улицы с романтическими именами — Золотодолинская, например, или Жемчужная. Горит реклама широкоэкранного кино, играет музыка в кафе, танцуют в клубе «Юность».

Скоро построят просторный Дом ученых. Почти готова гостиница — за свои девять этажей она гордо зовется небоскребом.

И снуют по тротуарам глубокомысленные молодые люди с портфелями, и командировочные озираются с удивлением, и лыжники стучат палками. Великое множество ребятишек. Кто-то заметил, что в Академгородке «ходишь по колено в детях».

Знакомясь с Академгородком, отчетливо понимаешь, что организаторы научного центра никогда не делали ставки на маньяков, способных всю жизнь самозабвенно трудиться в шалаше. Такие встречаются, конечно, и вызывают заслуженное умиление. Но жены маньяков, как правило, недолюбливают шалаши, предпочитают хорошо спланированные квартиры, кухни с элегантными электроплитами и приличные магазины.

По Морскому проспекту, что ведет к широкому пляжу на Обском море, катятся автобусы и разгуливают парочки с детскими колясками. А в другую сторону, ближе к Новосибирску,— главное богатство городка, его труд, его опора и цель его жизни: пятнадцать научно-исследовательских институтов. И университет, принявший в минувшем году тысячу студентов.

Вот в кратком и неполном перечне то «все», что началось семь лет назад с домика Лаврентьева на берегу Зырянки.

Вопрос о сроках переезда решали сами коллективы будущих сибирских институтов. Многие, кто реально мог, хоть и не были маньяками и любителями шалашей, не стали ждать блестящего паркета. Поехали немедленно. Первыми — математики, молодые физтеховцы — гидродинамики, взрывники. Ибо для общего дела было лучше ехать, чем ждать.

Расчет был «хитрый»: приехать и кричать «караул» (молча, конечно). Появится, скажем, какое-нибудь высокое начальство, увидит математический семинар в нетопленном бараке—и, будьте спокойны, кирпич и цемент прибудут своевременно. И поэтому громогласный, приветливый Лаврентьев водил по грязи важных гостей, показывал, рассказывал, приглашал приезжать еще. Вот и вся «хитрость».

Действовала она, правда, не всегда. Не раз по пути на стройку пропадали дефицитные материалы — некоторые руководители города рассуждали логично: стройка-де важная, без гвоздей и стекла ее не оставят, а у нас недостроена оперетта и кинотеатр, на это мы так скоро и легко материалов не получим. Тут уж Лаврентьеву приходилось и напоминать, и просить, и ругаться.

В распоряжении ученых были лес, ручей, тесный щитовой барак. Но регулярно, дважды в неделю, в бараке собирались семинары — обсуждались новые проблемы и задачи практики. Много занимались теорией. С самого начала создавались и опытные установки. Богдан Войцеховский, ныне член-корреспондент Академии наук, соорудил под открытым небом кольцевой лоток для изучения струйных течений. Взрывники на импровизированном полигоне испытывали новые приложения взрыва в народном хозяйстве.

Чуть ли не самой важной задачей, вставшей перед руководством создаваемого научного центра, был подбор ученых. Искали людей способных и умеющих работать. Но признавали пестроту человеческих характеров и поведений, уважали вкусы, проявляли терпимость к жизненным укладам, к манерам—разумеется (это очень важно), в пределах, диктуемых интересами дела. А главное, стремились заинтересовать свободой научной мысли, свободой выбора направления в исследовательском труде, применительно не только к отдельным людям, но к целым коллективам.

Было бы глубокой ошибкой считать, что достигнутое удалось без сучка и задоринки.

Если спросить Лаврентьева, случались ли у него ошибки в подборе людей, отказывали ли ему проницательность и интуиция, он без обиняков скажет: к сожалению, да. Кто-то из учеников подсчитал (математик!): академик ошибался примерно на два-три процента — в двух-трех людях из ста. Видимо, такая погрешность неизбежна, хотя бы в силу таинств человеческой природы. Складываясь же с погрешностями, допущенными помимо Лаврентьева, процент этот, увы, поднимался.

Но когда ошибка выявлялась, следовало повышенное внимание к неудачно выдвинутому, серия попыток исправить его, и только если окончательно выяснялась непригодность человека, совершались оргвыводы. Редко, но имели место столь тягостные финалы. Этого требовали общие интересы молодого научного центра, интересы науки. Ибо наука — главное везде и всегда.

И у председателя Сибирского отделения академика Лаврентьева, несмотря на обилие административных хлопот, наука прочно стоит на первом месте. Так было даже в хлопотные дни стройки. Только-только завершился ее первый этап — и Лаврентьев сделал два блестящих математических доклада на конгрессе в Стокгольме.

...Ежедневно в десять утра Михаил Алексеевич в своем рабочем кабинете — начинаются семинары, доклады, беседы с учениками. Организационные дела решаются после трех часов, фактически — после работы.

Идет семинар. Молодой румяный аспирант, сначала немного смущаясь, говорит о каких-то своеобразных волнах на поверхности воды. Лаврентьев, откинувшись в кресле, слушает, поглядывает на доску и вставляет басистые свои, благожелательно сказанные словечки вроде «да», «вот-вот», «ага», а после доклада в коротеньком резюме будто невзначай называет эти самые волны, подмеченные и изученные докладчиком, его фамилией. Я видел, как на лице аспиранта мелькнуло радостное замешательство: его волны!..

У Лаврентьева всегда ставка на самостоятельность. По словам учеников, академик дает свободу долго, месяцами думать, искать, не докучает непрерывными экзамена-

ДЕРЕВНЕ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Однажды итальянский крестьянин пахал на быках свое поле. Вдруг бык провалился в яму. Края ее осели, и крестьянин вскоре убедился, что яма имеет абсолютно круглую форму.

Так ученые нашли сельскохозяйственный центр, которому более 5 тысяч лет. Люди пахали тут землю в эпоху неолита.

Находка была сделана еще до войны. Но серьезные раскопки проведены лишь летом прошлого года. Профессор Пизанского университета Радмили и его студенты обнаружили 20 жилищ древнейших крестьян этой части Европы.

Раскопки велись близ местечка Риполи недалеко от берега Адриатики. Поэтому итальянские ученые назвали свою находку «культура Риполи». Они нашли образцы керамики, сельскохозяйственных орудий, каменные топоры, рубила, серпы, наконечники стрел. Топоры были весьма тщательно отшлифованы, а стрелы были очень острыми.

Люди жили здесь в землянках, накрытых сверху прутьями, обмазанными глиной. Форма жилищ была либо круглой, либо грушевидной. Диаметр ям — от 2 до 4 метров. Некоторые землянки сообщались между собой подземными лазами.

В одной из хижин ученые нашли древнее захоронение—человек с собакой. Рядом — примитивные сельскохозяйственные орудия и статуэтки божков.

ВМЕСТО МЯСА

Французским специалистам удалось получить из нефти белково-витаминный концентрат, не уступающий по своим качествам мясным продуктам. Помощниками ученых стали микроорганизмы, выращенные на питательной среде. На заводе в городе Лавера ежедневно получают 1 250 кг этого ценного концентрата. По расчетам специалистов, мировой дефицит в белковых продуктах, равный 15 миллионам тонн, может быть покрыт

ми. Но превосходно видит, когда творческий поиск превращается в спекуляцию. Такого, впрочем, и не бывает почти.

Еще одна черта. Мне рассказывали о юношеском азарте Лаврентьева-экспериментатора, особенно во время пиротехнических опытов (стойко детское увлечение!). Шестидесятичетырехлетнему академику страшно нравится своими руками уложить фигурный заряд, поджечь бикфордов шнур, а после взрыва бежать смотреть и объяснять, почему выброс такой, а не другой, и начинать все сначала. Однако всегда настороже у него чувство острой, годами крепшей ответственности. Не так давно в Новосибирске по просьбе какой-то организации ученые пробивали сложными направленными взрывами толстенную бетонную стену. Случай был интересный. Сделали несколько взрывов, получилось хорошо, и молодые экспериментаторы вошли в раж — не терпелось грохнуть еще, чтобы подровнять. Вот тут-то академик и наложил безоговорочный запрет: «Хватит, не испытывайте судьбу, взрыв — это взрыв».

Насколько я мог понять из рассказов и собственных коротеньких наблюдений, Михаил Алексеевич эмоционален, но внутренне очень собран и дисциплинирован. Он всегда спокоен. Азартную увлеченность допускает только в науку, и к этому же призывает учеников. Заниматься можно чем угодно — и шахматами, если хотите, и самодеятельными спектаклями (он, кстати, любит здешние капустники, восседает с Верой Евгеньевной в первом ряду, хохочет, помнит наизусть тексты песенок), но главные силы души надо оставлять для основного дела. Не все с этим согласны. Некоторые (преимущественно удачливые молодожены и спортсмены) считают, что душу можно делить ровно пополам. Лаврентьев не вступает в споры. Он просто старается по мере сил увлечь учеников и сотрудников целиком наукой.

Ученый недолюбливает в работе гладкость и размеренность, близкую к равнодушию. Его огорчают всезнайки, которые, нахватавшись верхов из бесчисленных книжек, теряют свежесть восприятия и интерес к загадкам. Загадок-то ведь множество кругом, они в самом простом, обыденном — в дождевой капле, в порыве ветра, в летящей птице. Надо видеть и разгадывать непонятное в понятном. Это целая философия. Это — отношение к миру, простирающееся от вещей громадных и важнейших до мелочей и пустячков. Надо всю жизнь хранить детскую способность удивляться. Красноречивая деталь: Михаил Алексеевич питает давнее пристрастие к проволочным головоломкам и прочим игрушкам с секретом, жалеет, что у нас их почему-то не делают — приходится везти из Франции.

Так вот, ради профилактики, чтобы поменьше было равнодушия и всезнайства, Лаврентьев более или менее регулярно провоцирует странные научные авралы. На очередном семинаре вдруг ставит всех в тупик внешне простеньким вопросом, например: «А кто знает, товарищи, почему плавают ужи?» Выясняется, что никто не знает. Хуже того, выясняется, что ужи вроде бы вообще не должны плавать, потому что у них нет ни хвоста, ни плавников — нечем отталкиваться от воды. Между тем они, оказывается, плавают. И быстро. Вот и встряска.

На следующем семинаре — несколько мнений. Обсуждение. И в результате в «Журнале прикладной механики» появляется статья: «О движении гибкого стержня в жидкости». Гибкий стержень — это и есть уж.

Наконец еще одно средство против гладкого однообразия, источник общения с жизнью — путешествия. И не какие-нибудь курортно-экзотические, а здешние, сибирские, северные, восточные, дальневосточные. Поселились в Сибири — извольте знать ее и помогать ей. С первого же года начались экскурсии и походы, близкие и дальние: Ангарск, Телецкое озеро, Иссык-Куль, Владивосток, Сахалин, Камчатка, Курилы, остров Диксон, Тюмень. Всюду знакомство с местными хозяйственными проблемами. И, глядишь, где-то шнуровыми зарядами взрывают ледовые перемычки, где-то проектируют осушение болот, активизируют освоение подземных горячих вод. Ведь Западная Сибирь лежит на океане кипятка. А сколько геотермальных источников на Курилах, на Камчатке!

Недавно побывал Лаврентьев на Саянах, там, где через несколько лет построят величайшую в мире Саяно-Шушенскую ГЭС. Приехал буквально очарованный — чудесный климат, красота необычайная, будет колоссальное обилие энергии.

Сегодня все это под пристальным взглядом сибирских ученых — давних обитателей этих мест и энтузиастов-новоселов. Сегодня живет, работает, расцветает, набирает силу Новосибирский научный центр.

...К одному из здешних физиков приехал в гости отец, мельник из Армении. Долго гулял по Академгородку, приглядывался ко всему опытными стариковскими глазами. И недоумевал. К нему на мельницу везут зерно, а вывозят с мельницы муку. В любой город что-то привозят, и из любого города что-то вывозят. А сюда, в Академгородок, только привозят. Много привозят: и хлеб, и продовольствие, и одежду, и мудреные машины, и диковинные приборы. Обратно грузовики едут порожняком. Разве что ящики пустые да почта.

Сын объяснил отцу, в чем дело. Продукция городка легка и компактна. Это — знание. Самое ценное, что может производить человек. И умещающееся в портфель, в почтовый конверт, бандероль или посылку. А чаще всего — просто в человеческую голову.

По самым скромным подсчетам, учитывая лишь полностью завершенные и внедренные в промышленность работы, добытое знание дало стране экономию, еще минувшей осенью с лихвой окупившую все громадные затраты на строительство и оборудование научного центра. А как учтешь рекордные сто миллионов градусов, до которых добрались здешние физики, штурмующие термоядерную проблему! Или исследования, обогнавшие в ряде отраслей мировую математику!

Содружество ученых крепнет. Есть много тем, особенно выдвинутых производством, которые решаются совместно тремя-четырьмя институтами.

...Люди идут на работу солнечным лесом. Сухой морозец веселит, вселяет бодрость, заставляет беспричинно улыбаться и пребывать в хорошем настроении.

Освежающую прогулку можно совершить когда угодно — утром, перед работой, если хотите, на ночь или в обеденный перерыв, что, кстати, частенько делает Лаврентьев.

Мы с фотокорреспондентом подстерегли академика за этим занятием и подслушали его разговоры со спутником — четырехлетним внуком по прозвищу «Кузнечик».

— Вот что я скажу тебе, дед,— объявил крошечный колобок-внук,— мне нужна палка.

Получил палку.

— Я сейчас тебя, дед, ткну!

— А если я тебя?

Только внуки панибратски в глаза называют Михаила Алексеевича дедом. Ученики и многие из коллег зовут его так за глаза. В прозвище этом не признак возраста (дедом можно стать и в сорок), а что-то улыбчивое и немножко родственное — смысл, близкий тому, что вкладывают в это слово внуки...

при переделке на мясо 1% мировой добычи парафинистых нефтей. При этом стоимость пищевых концентратов, получаемых из нефти, будет в 15—30 раз ниже, чем мясных продуктов.

ШПАЛЫ ИЗ ФАРФОРА

Новый материал под названием «Кварзизерам» разработали польские ученые. Это вещество внешне напоминает фарфор, но обладает прочностью стали. Благодаря своей высокой механической прочности стальной фарфор будет применяться в самых различных областях народного хозяйства. Из него можно делать линолеум, изоляционные устройства, посуду и даже железнодорожные шпалы.

СВЕРХТОЧНОЕ ВРЕМЯ

Ученые Чехословакии создали часовой механизм, который может ошибиться на одну секунду через 33 тысячи лет. Сердцем нового устройства служит квантовый генератор, сообщающий часам постоянную и независимую от внешних влияний частоту измерения. Она-то и гарантирует феноменальную точность хода.

ПРИШИТАЯ РУКА

Недавно в хирургической клинике Брно (ЧССР) была совершена интересная операция. Шестнадцатилетнему Индриху Крижу хирурги пришили раненую руку, висящую на кусочке кожи. Спустя тридцать дней больной уже смог шевелить пальцами пришитой руки.

КНИГА РАБОЧЕЙ ДОБЛЕСТИ

К 60-летию Аркадия Первенцева

«Телеграф, как и вокзал, был переполнен людьми. И сюда перекочевал устойчивый, будто спрессованный запах великого людского кочевья. Измученные телеграфистки в вигоневых кофточках и бумажных юбках с самоотверженным деспотизмом придавали хаосу какую-то стройную форму. Девушки исправляли телеграммы, переписывали адреса, листали пухлые справочники и ничему не удивлялись. Ранее неизвестные географические названия, словно грибы после теплого дождя, возникали на первых полосах газет, на кумачах, на телеграфных бланках и превращались в символы гигантски растущей индустрии».

И Николай Бурлаков — герой романа Аркадия Первенцева «Гамаюн — птица вещая», вчерашний боец кавполка, становится бойцом многомиллионной армии, ведущей невиданную в истории битву за гигантский рост индустрии.

В романе отражены самые острые конфликты не только между противостоящими друг другу социальными лагерями, но и конфликты внутри рабочего коллектива, правдиво раскрывающие всю сложность утверждения новых производственных отношений. И если один из героев романа, Жора Квасов, упорно сопротивлявшийся упорядочению расценок, стремившийся как можно больше урвать от государства, в финале книги находит свое место в рабочем строю, то мастер Фомин, бывший партизан, краснознаменец, уже не способен остановиться на пути своего перерождения. Самоубийство Фомина — закономерный итог его борьбы против исторически неодолимого процесса.

Аркадий Первенцев принадлежит к тому поколению советских писателей, которое пришло в литературу, имея за плечами большой и трудный жизненный опыт. Рабочий, затем инженер, Аркадий Первенцев много сил отдал строительству молодой оборонной промышленности страны. О чем бы он ни писал: о рабочих людях или крымских партизанах, о военных моряках или о самоотверженном труде советских ученых,—всегда в его книгах бьется напряженный пульс боевой, страстной партийности, активной гражданственности.

Значительную часть своего времени писатель отдает общественным обязанностям: Аркадий Первенцев — депутат Верховного Совета Российской Федерации, заместитель председателя Общества советско-болгарской дружбы.

Шестидесятилетие Аркадия Первенцева совпадает с выходом в свет номера журнала «Октябрь», в котором печатается его новый роман — «Оливковая ветвь».

Юрий ИДАШКИН

Сердце матери

Гарольд РЕГИСТАН

Бьет колокол.
Глухой,
Чуть слышный,
Дальний.
Я слушаю,
Тоскую и молчу.
Не надо, мама,
Не смотри печально.
Глазами не прощайся.
Не хочу!

Ты не больна.
Ты, как всегда, устала
И тихо засыпаешь до утра.
Тебе сейчас не «жаба» сердце
сжала,
А жалость,
На которую щедра!

Бьет колокол.
Холодный.
Равнодушный.
Он словно нарастает на бегу.
Не надо, мама,
Ты его не слушай.
Не плачь.
Я помогу.
Я помогу!

Будь проклято бессилье человека!
Мы атом рвем.
Мы рвемся в небеса.
И все-таки живем всего полвека
И закрываем жадные глаза.
И все.
Ни белых звезд.
Ни трели птицы.
Ни маленькой былинки на ветру...

Дай, мама, помогу тебе напиться.
Дай руки ледяные разотру!

Бьет колокол.
В нем гул холодной стали.
Откуда он?
Откуда этот звон?!
Так это ж на заснеженном вокзале
Бьют отправленье,
Подан эшелон.
И паровоз, страдая от одышки,
Уже теплушки забирает в плен.
А в тех теплушках глупые
мальчишки
В отцовских гимнастерках
до колен.

Они поют.
И весело смеются.
И я пою.
И мне неведом страх.
А у тебя устало слезы льются.
И волосы седеют на глазах.

И в тот момент, когда, глотая дали,
За мокрым снегом скрылся
эшелон,
Тебе с размаху в первый раз
ударил,
Ударил в сердце колокольный
звон.

И в первый раз оно остановилось.
И вся земля остановила бег.
И в первый раз за сердце ты
схватилась
И опустилась медленно на снег...

* * *

О женщины,
О матери России!
Прошу у всех прощенья я сейчас.
Вы тяжело под сердцем нас
носили,
Рожали в муках
Непутевых нас.
В ответ —
Неблагодарные мальчишки,
Мы все старались делать вам
назло,
Хоть вы свои последние пальтишки
На хлеб меняли
С мыслью: повезло!

Как пододвинуть ты свой хлеб
умела!
И как тебе тогда был нужен он!
Все чаще сердце по ночам
болело,
И звон какой-то обрывал твой сон.

Но я его не слышал...
До него ли?
Мир...
Институт...
Стихи...
Глаза девчат...

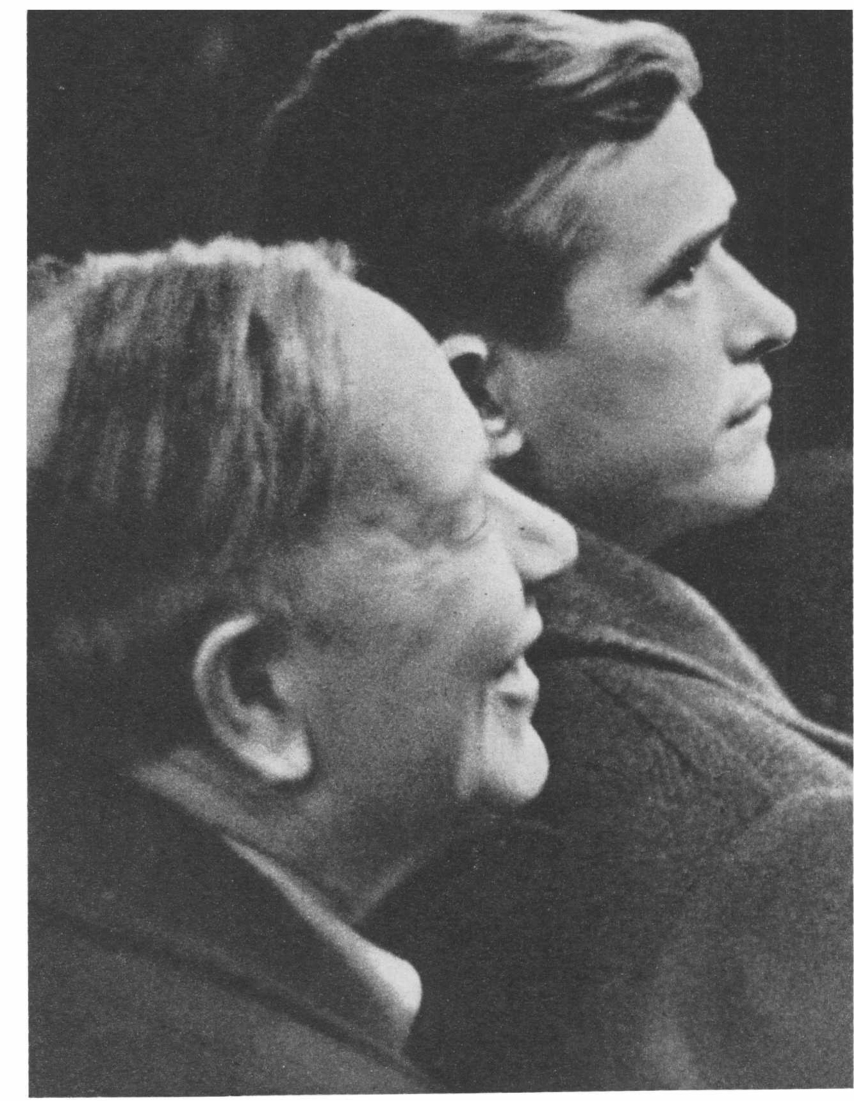
Как я теперь твоей терзаюсь
болью!
Как я перед тобою виноват!

Бьет колокол.
То замирает словно,
То вдруг набатом бешеным звучит.
Как нестерпимо гулко и неровно
Больное сердце матери стучит!

Скорей,
Скорее, «Скорая»!
Скорее!..
Нельзя мне, мама,
Без твоей любви!
О, если б было можно,
Не жалея,
Свою бы отдал жизнь.
Живи!
Живи!

Врачи...
Уколы...
Гул немного тише...
Набат стихает...
Умолкает звон...
Ты засыпаешь...
Ты спокойно дышишь...
Пусть будет благодатным этот сон!

Пусть ласковым крылом тебя
коснется
Моя любовь —
Ее не занимать!
Как хорошо,
Что утром вновь проснется
Мать!

Необыкно

Это отнюдь не рецензия, хотя речь и пойдет о конкурсе певцов. Все было, как положено: и исполнители, и публика, и строгие судьи, делавшие какие-то записи. Потом, после долгого совещания, объявили лауреатов.

Необыкновенным был заключительный концерт лауреатов. Они пели одновременно. Отнюдь не ансамблем,— каждый исполнял свою песню. Непосвященному человеку это могло показаться какофонией, но знатоки, переполнившие зал, слушали, затаив дыхание.

Словом, шел конкурс певчих птиц.

...Пение канарейки очень мелодично, нежно и разнообразно. Сидевшие за судейским столом держали перед собой оценочные листы, куда заносили баллы за каждое выполненное канарейкой колено: виртуозы выполняют до двадцати колен. Судьи ставят баллы отдельно за трели и басы, за флейты и колокольчики, за раскаты и россыпи. Запевка оценивается максимум в девять баллов, а флейта — только в шесть. Но если вдруг в голосе певца послышится, не дай бог, скрип или, еще того хуже, тявканье, с него, как и с всамделишного певца за «петуха», снимут сразу шесть баллов.

Вот видите, как все это сложно и серьезно.

Давным-давно, еще в XV веке, испанцы, став хозяевами Канарских островов, завезли в Европу этих маленьких певчих птичек. Торговля ими стала выгодным бизнесом тех времен. Но испанские бизнесмены, не будь дураками, не выпускали из своей страны канареек-самок и почти сто лет оставались монополистами в этой области. Но вот как-то вблизи берегов Италии произошло крушение одного испанского корабля, на котором перевозили самок-канареек. Итальянцы тоже не растерялись, быстро прибрали их к рукам. С тех пор и пошли канарейки гулять по белу свету.

Канарейку называют птицей-пересмешницей. Это значит, что она быстро перенимает звуки и пение других птиц. Воспитание певца начинается очень рано. Над его клеткой ставят клетку поющих самцов,— они и предназначены в учителя начинающему. Изредка их ставят даже друг против друга, с тем чтобы ученик видел горло и клюв своего учителя. В возрасте двух-трех лет певец (если он окажется способным, а учитель добросовестным) окончательно сформирован. Теперь его можно выставлять и на конкурс.

Судите сами, как все тут замысловато и как по праву торжествует владелец канарейки, если его певец становится лауреатом!

Когда конкурс начался, меня больше всего волновал вопрос: а вдруг певцы откажутся петь или голос их не будет звучать, как это нередко случается у настоящих певцов? Но тревога оказалась на-

венный концерт

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Дм. Бальтерманца.

прасной: канарейки — почти безотказные певцы. Правда, их для этого несколько дней держат в темноте. На конкурс приносят тоже в затемненных клетках. Птицы молчат. Потом, когда судьи и зрители усаживаются на свои места и наступает тишина, точно такая же, как в Большом зале консерватории, с клетки снимают покрывало, и истомившаяся от длительного молчания канарейка выдает свои многочисленные колена в полном блеске.

Среди судей я вижу Александра Ивановича Рыбанина, полковника в отставке. У него первая судейская категория, высшая, а всего их три. Мне привелось побывать у него дома и вдоволь насладиться канареечным пением. Александр Иванович поставил на свой письменный стол три клетки, и певцы трудились без устали все время, а пробыл я у Рыбанина добрых два часа. Это были лауреаты прошлых конкурсов. И мне почудилось, будто нет за окном трескучего мороза, и не гуляет по улицам снежная метель, и нахожусь я не в уютной комнате, а в глухом лесу, среди птичьего царства.

Но в этом лесу водятся не одни только канарейки. Вот я вижу в зале, где проходит конкурс, Николая Федоровича Кузьмина, почетного железнодорожника, принадлежащего к другому лагерю любителей птиц. Канареек он невысоко ценит. Ему подавай лесных, диких птиц. Надо сказать, что оба лагеря ревниво относятся друг к другу. Так же, как, чего греха таить, порой бывает и между всамделишными певцами. Одни птичники называют других пренебрежительно «дикарями», а те бросают им в ответ не менее язвительное «канареечники». Не берусь судить, кому отдать пальму первенства, но сам Николай Федорович — горячий любитель родной природы. Это увлечение перешло к нему по наследству от отца — тоже железнодорожника и тоже большого поклонника птиц — вместе с украшенной инкрустациями птичьей клеткой, которая уже лет сто висит вместо люстры в былой гостиной. Стены комнаты украшены дипломами и клетками с птицами, удостоенными этих наград.

Пятнадцать золотых медалей было выложено на стол,— таковы трофеи Николая Федоровича за последние годы. Потом была принесена папка с письмами, полученными хозяином от многочисленных любителей птиц, в том числе и из-за границы.

Николай Федорович снимал со стен клетки и показывал мне их обитателей. При этом он сам любовался ими. Поставит славку-черноголовую и приговаривает: «Королева! Живет шестой год. Поет лучше соловья любого... Золотая медаль. Я мог бы включить магнитофон — у меня голоса всех птиц на пленку записаны,— да отвез его к внучке: приучаю и ее любить птичье пение. Может, пойдет по стопам деда».

Вдосталь насмотрелся я в этом древнем домике и на зяблика, и на синичку-московку, и на юлу — премированных медалистов.

Николай Федорович еще и птицелов; очень уж это редкостное в наше время занятие. Называет он его охотой, хотя никогда в жизни не убил ни одной птички. Получив задание от детских садов и школ своего Дзержинского района, еще затемно уезжает он с друзьями на электричке подальше от города. Берет с собой немалый груз: клетку с птичкой, которую называют «манной», потому что пением своим она приманивает других птиц, специальные сетки, корм для птиц и для себя с дружками, конечно. Бродят птицеловы по лесу, прислушиваются. А слух у Николая Федоровича отменный, музыканты называют его абсолютным. Услышит птицелов соловья или зяблика, оценит его пение и, если стоит того, сеть свою расстилает, манную птичку ставит, маскировку наводит, чтобы не спугнуть лесного певца. Если в тот день постигнет его неудача, он зарубку сделает, чтобы потом это место найти. И на другой, на третий день вернется сюда и изловит пугливого певца.

Питомцы Николая Федоровича тоже без дела не сидят. То он их на ВДНХ повезет, то удивит ими посетителей Манежа, где показывают диковинные цветы, а то в соседней школе ребят порадует и притом так много им интересного о птицах расскажет, что они готовы его без конца слушать.

В Москве нетрудно оказаться в подлинно птичьем царстве. Садись на трамвай № 10 и поезжай в Останкино. Там, где еще сохранились старинные деревянные домишки, и укрылся птицеводческий питомник московского городского общества охраны природы. Представьте себе, что вы входите в комнату, залитую дневным светом, и видите два цветущих деревца. На их ветвях густо уместились разноцветные птички. Их больше сотни. Это зрелище так очаровывает, что вы не слышите даже неумолчного птичьего гомона. Это волнистые попугайчики. Голубые, зеленые, салатные, белые, желтые, самых разных цветов и оттенков. Я бы лично каждой птичке присудил медаль за красоту. Судьи — а для этого есть специальные, строгие судьи — более скупы в своих решениях и удостаивают лауреатского звания лишь попугайчиков выдающейся окраски и стати.

В соседнем помещении содержатся молодые канареечки. Они еще неучи, петь не умеют. Ни один посторонний звук не должен проникнуть сюда, чтобы не повлиять дурно на их певчие способности. Они предназначены для столичных зоомагазинов и оттуда уже попадут в заботливые руки новых хозяев, будь то пионеры или академики. А потом мы их, может быть, тоже услышим в необыкновенном концерте.

ПУТЕШЕСТВИЕ • КРУГОСВЕТНОЕ
ОГОНЕК
КРУГОСВЕТНОЕ • ПУТЕШЕСТВИЕ

Приглашаем вас в кругосветное путешествие «Огонька». Вместе с нашими специальными корреспондентами, вместе с известными советскими и зарубежными писателями и журналистами вы побываете в различных уголках планеты, на всех ее континентах. Первая остановка на нашем пути —

• ТОКИО

КИМОНО и ТРАНЗИСТОРЫ

Генрих ГУРКОВ
Специальные корреспонденты «Огонька»

Фото Льва БОРОДУЛИНА и автора.

Устарел ли губернатор?

Солнце казалось неправдоподобно большим. Будто и не стало ничего вокруг — ни волн, ни неба, ни скалистого берега. Только солнечное багровое зарево, заполнившее мир. Поднималось солнце из Тихого океана, а берег был Японией. И оттого, должно быть, что-то взволнованно-тревожное виделось в этом зареве. Сполохи минувшей войны. Пылающий котел Пирл-Харбора. Атомный апокалипсис Хиросимы...

Но было утро. Просто утро. Свежее, светлое. На фок-мачте нашего корабля — японский флаг с багровым, как настоящее, солнцем на белом фоне. Традиционная морская вежливость: мы уже в Токийском заливе, в доме хозяина, а потому его флаг — на мачту.

В доме... На экране телевизора, установленного в кают-компании, выплясывают гёрлс, ножки взлетают. Всмотришься в лица — вроде бы японки. По другой программе передают какой-то старинный обряд: пожилые монахи в длинных одеждах молчаливо колдуют возле парня в сюртуке и девушки в кимоно. Свадьба, должно быть... Третья программа — бейсбольный матч, стадион ревет... И через каждые четыре-пять минут — рекламная вставка. Улыбки, ритмы, галоп мультипликации. Про пижамы, про соусы, про холодильники. Реклама врывается без предупреждения, броско и нахально. Как в Америке.

В штурманской рубке — карта. От мыса Инубоэ до острова Микомото бегут нервные пунктиры. Район «Чарли». Район «Дельта». Район «Майк»... В сносках пояснения: «Ежедневно и круглосуточно здесь проводятся артиллерийские и зенитные стрельбы...» «Учебный район постановки мин с самолетов и подводных лодок...» «Бомбометания и артиллерийские стрельбы с самолетов проводятся ежедневно с 7 часов 00 минут до 20 часов 00 минут...»

Район «Майк». Район «Чарли»... Это Япония. Ставят мины, бросают бомбы и проводят стрельбы американцы.

Со школьной скамьи мы знаем, что Япония два с лишним столетия, начиная с 1639 года, была полностью изолирована от внешнего мира. Закон под страхом смерти запрещал японцам покидать страну, а иностранцам — приближаться к берегам Ниппона. «Японскому глазу больно видеть чужие суда в портах Японии»,— без излишней дипломатии заявлял, например, нагасакский губернатор Овосава Бунгоно ками сама. Было это в 1853 году. Иван Александрович Гончаров, чиновник российского департамента внешней торговли и автор «Обыкновенной истории», записав в дневник слова «его японского превосходительства», заметил: «Не правы ли они до некоторой степени? От европейцев добра видели они пока мало, а зла много: оттого и самое отчуждение их логично». «Запертым ларцом с потерянным ключом» назвал Гончаров Японию.

Американский коммодор Перри был человеком военным. Он действовал по надежной формуле: приказ есть приказ, и сложные проблемы добра и зла его мало волновали. Войдя в июне 1853 года с четырьмя кораблями в Токийский залив и встав на якорь примерно там, где сейчас находится база подводных лодок США, Перри заставил японцев принять письмо американского президента с ультиматумом: открыть порты. Через полгода Перри вновь появился в заливе, на этот раз уже с семью кораблями, и навел пушки на Токио. Так подбирались ключи к запертому ларцу.

Ключи, впрочем, были и другие. Русский вице-адмирал Е. В. Путятин избрал путь равноправных переговоров с Японией. И достиг большего, чем прямолинейный Перри: таинственный Ниппон открылся миру. Голландец Зибольд, проживший в Японии семь лет и лучше других знавший ее проблемы, писал: «Честь мирного склонения японского правительства на столь богатую последствиями меру единодушно и справедливо приписывается русской экспедиции под начальством адмирала Путятина...»

Но это история. Сейчас не 1853-й.

...Сначала нас приветствовали вертолеты — они носились взад и вперед над самыми мачтами, время от времени замирая в воздухе, словно позируя фото- и кинокамерам. Потом приветствовали дельфины — долго кувыркались метрах в ста от корабля.

Порт. Море флажков. «Добро пожаловать в Токио!» — надпись на затянутом в леса здании. Каждая буква — с этаж высотой. Надпись на английском языке.

А на причале девушки в нарядных кимоно с хризантемами в руках. «Японскому глазу больно видеть чужие суда»... Так, кажется, говаривал старик губернатор Овосава Бунгоно?..

Да, времена явно переменились. Но нельзя сказать, что губернаторская точка зрения вполне устарела. Когда наследники коммодора Перри приводят в японские порты авианосец «Рейнджер» с ядерными боеголовками на борту или атомную подводную лодку «Морской дракон», это действительно больно японскому глазу. И Япония встречает подобных гостей отнюдь не хризантемами.

На нашем корабле не было ни бомб, ни пушек. Нам приветливо махали цветами с берега девушки в кимоно.

Цех бога Дайкоку

Есть на свете города, хорошо знакомые задолго до первой с ними встречи. Книги и фильмы, газетные фотографии и почтовые открытки создали не обязательно точные, зато привычные, почти физически ощутимые образы. Скажут «Нью-Йорк» — и перед глазами, хочешь не хочешь, появятся глыбы небоскребов, врезающиеся в небо, бешеный перепляс огней на Бродвее... Заговорят о Лондоне — и память услужливо подбрасывает старый Тауэр, каменное кружево Вестминстера, колонну с одноглазым адмиралом... Париж? Это, конечно, изысканная и строгая геометрия площади Этуаль, ажурная конструкция Эйфеля, веселое лоскутное одеяло Монмартра... Никуда от этих образов не денешься, они настойчивы и безапелляционны, как заклинание «Пейте кока-кола!».

А вот Токио,— каков его туристско-открыточный портрет? Прежде всего это Гинза, центр столицы.

...Три с половиной века назад по приказу сёгуна Е-ясу из династии Токугава была открыта небольшая фабричка, где отливались серебряные монеты. «Гин» — серебро, «за» — цех. Так появилось название. Цеха, конечно, никакого больше нет, но к монетам Гинза имеет, как и прежде, прямое отношение. Здесь сейчас сотни, тысячи магазинов и магазинчиков. Токийский прилавок № 1.

Магазин короля жемчуга Микимото предлагает ожерелья и перстни. «Жемчуг Микимото? Конечно!» — бодро приглашает гигантская реклама. «Покупайте, покупайте! Виски «Сантори» — для гурманов». «Камеры «Кэнон» — мир еще не видел таких». «Раньше японским сувениром была деревянная куколка — теперь транзистор «Нэйшнл». Купите, вы не разочаруетесь!..»

Есть магазины. Есть море света, вспыхивающего, вздрагивающего, переливающегося. Света, вознесенного в небо на причудливых металлических конструкциях в виде шаров, прямоугольников, цилиндров и бог его знает еще чего. Нью-Йорк, Бродвей... А здесь, между прочим, света больше.

Главная улица любого европейского города в часы пик рядом с Гинзой выглядела бы чуть ли не безлюдной пустыней. В Токио, утверждает статистика, десять с половиной миллионов жителей. Правда, не подсчитано, какое число токийцев предпочитает гулять вечерами по Гинзе, но их более чем достаточно. Смотришь сверху — уму непостижимый человече-

Гинза.

В театре «Кабуки».

GRILL
EA·ROOM
キャラメル
大和證券

Япония, Япония...

Токийский полдень.

А он не спешит.

ский муравейник. Попадаешь в него сам — теряешь всякий ориентир, всякое представление о том, куда и как тебе идти. Плотная, непробиваемая, сосредоточенно движущаяся толпа. Прибавьте еще к этому нагромождение подземных и надземных переходов и тоннелей, бесчисленные тупики и улочки, помножьте все это на нестерпимый грохот трамвая, электрической железной дороги, визг тормозов такси — а токийские таксисты не признают малых скоростей и носятся как угорелые,— и вы получите представление о хаосе, который называется Гинзой, о хаосе звуков, света, бесконечной мельтешни людей и машин.

И над всем этим хаосом четко прорисовываются в ночном небе слова: «Мицубиси», «Тосиба», «Меджи»... Названия концернов, банков, универмагов.

В одной из витрин — символическая фигурка, изображающая толстяка в расшитых золотом парчовых одеждах, с большим мешком за плечами. Толстяк хитро и самодовольно улыбается. Это Дайкоку, бог денег, бог наживы. Ему есть отчего улыбаться. Он здесь полновластный господин. Гинза — его империя. Его, и только его.

«Тосиба, Тосиба превыше всего...»

Большой комфортабельный автобус, сверкающий и элегантный, разворачивается на площадке возле отеля «Империал», перед высоким современным зданием, где расположен главный офис фирмы «Тосиба».

«Тосиба» — это великаны-генераторы и крошечные транзисторные приемники, это троллейбусы, которые ходят по улицам Буэнос-Айреса, и трамваи, перевозящие жителей Каира, это 26 заводов и девяносто лет истории, 119 тысяч рабочих и «фабрика идей» — 1 100 ученых, располагающих всем необходимым для самых смелых экспериментов.

Так говорит реклама.

...Автобус вырвался из толчеи центральных токийских улиц на широкую автостраду и мчится в направлении Иокогамы. Позади — роскошные парки с пестрыми, словно детские игрушки, храмами, позади призрачно-нежные ивы Гинзы. Здесь справа, слева — повсюду два цвета: серый, черный. Здесь царство заводов и лачуг, здесь все пропитано пылью и копотью, фабричной гарью и человеческой бедностью, которая еще страшнее, когда ее фон — грандиозные промышленные гиганты.

Мисс Мияги, сотрудница фирмы «Тосиба», аккуратная, тоненькая, с характерной для многих японок застенчивой, чуть виноватой улыбкой, подносит к губам микрофон.

— На этом заводе — вы его видите впереди—установлены трансформаторы «Тосиба».

Через несколько минут:

— Справа — одно из наших предприятий.

Еще через минуту:

— Это тоже завод «Тосиба». В районе Токио — Иокогама у нас одиннадцать заводов.

«У нас»... Мне говорили, что на многих японских предприятиях всячески насаждается так называемый «национальный пафос». Фирмы имеют свой гимн, который перед началом каждой смены репродукторы разносят по цехам. Гимн фирмы «Ниппон кокан» начинается словами: «Наша техника — лучшая в мире», гимн «Тосиба» звучит: «Тосиба, Тосиба превыше всего...» «Штурмовым отрядом в экономическом наступлении Японии» назвал западногерманский журнал «Шпигель» фирму «Кэнон», производящую фото- и кинокамеры. 35 процентов ее продукции идет на экспорт. «На общем собрании персонала, происходящем каждое утро,— рассказывает «Шпигель»,— люди должны петь с яростной убежденностью солдат о том, что никто и нигде «не обойдется без камеры «Кэнон»...

— Мы проехали завод Цуруми, одно из наших предприятий,— щебечет мисс Мияги.

В 1863 году сэр Резерфорд Олкок, чрезвычайный и полномочный посланник Англии, в своей книге «В столице сёгуна» писал: «В настоящий момент мой взор устремлен на Японию, где мы можем обеспечить себе один из новых рынков сбыта промышленных товаров, производство которых в западных странах все увеличивается... Обогнув земной шар в двух направлениях, мы встретимся в Японии».

В 1963 году, через сто лет, Япония занимала первое место в мире по судостроению, опередив Англию, ФРГ, США. Она обошла Англию и ФРГ по выплавке стали, вышла на второе место в мире по электронике и искусственным волокнам. Западная Европа завалена японскими транзисторами и магнитофонами. Первый американский космонавт Джон Гленн вел съемки в космосе японской камерой.

Журналист из «Иомиури», острый и язвительный, сказал мне:

— Вы, может быть, читали, что накануне Олимпиады в Токио встретилось около тысячи руководителей гангстерских банд. Они постановили: ввести двухнедельный мораторий на кражи, грабежи и убийства в районах, граничащих с Олимпийской деревней и Национальным стадионом. Членов банд призвали к самодисциплине и к поддержанию порядка: пусть иностранные гости думают, что в Японии всегда тишь и благодать. И действительно, никого не убили и не ограбили. Чувствуете, какая организованность? Это у гангстеров, это и у промышленников. Они очень много говорят рабочим о чести страны и фирмы и очень мало платят. Вы можете найти массу карликовых предприятий, где платят только за жилье и питание. Безработных и полубезработных у нас около четырех миллионов. Так что или выбивайся из сил во славу фирмы, или ступай за ворота.

...Со мной в автобусе десятка полтора прилизанных мальчиков в темно-синих пиджаках с какой-то неизвестной мне эмблемой на кармашке. Их сопровождают три священника — черные сюртуки, белые нейлоновые воротнички, похожие на ошейники. Познакомились. Один из воротничков мне сообщает, что мальчики — из колледжа святой Марии.

— Католический колледж?

— Нет. У нас 34 религии. Воспитанники из восьмидесяти стран.

— А по какому принципу подбираются ученики?

Святой отец басисто гоготнул:

— По очень простому: если родители могут заплатить.

— И много?

— Тридцать тысяч иен за обучение. Шестьдесят — за пансион. Всего набегает около ста тысяч.

— В год?

Воротничок затрясся от смеха:

— В месяц, конечно!

...Мы ходили по заводу транзисторов. Цехи, ослепляющие чистотой. За стеклом, огораживающим проход, нитки конвейера — девушки склонились над выпуклыми экранами. Белые халаты, черные одинаковые головки. Темп, темп, темп...

— Это девушки с Хоккайдо, из Северной Японии,— поясняет директор цеха, круглый, вежливо улыбающийся толстячок.

— Почему именно оттуда?

— Там мало работы. И кроме того, городских девушек в Токио подстерегают всевозможные соблазны, а эти здесь никого не знают и редко куда ходят. Они живут в специальном общежитии, предоставленном фирмой. И еще: наши врачи установили, что у девушек из города хуже нервы, у них могут дрожать пальцы, а это отражается на качестве транзисторов.

— Сколько вы платите в месяц работницам?

— Примерно восемнадцать тысяч иен.

— Это вдвое меньше, чем зарплата мужчины, не так ли?

— Верно.

— Почему такая разница?

— Но ведь это девушки!

— Ну и что?

Толстяк пожимает плечами. Прилизанные мальчики смеются над чем-то своим: им неинтересно.

У выхода две кланяющиеся фигурки в кимоно. Вручают большой пакет—рекламные проспекты, пластинка в целлофане: «Тосиба, Тосиба превыше всего...»

Нет спроса на мечи

В старой книжке о стране Восходящего Солнца, изданной в начале века в Санкт-Петербурге, я прочитал такие слова: «Интеллектуальная история Японии, как это часто бывает у женщин, есть история ее романов. Увлеченная китайцами, она в течение целых столетий японизировала у себя все китайское; теперь ей вскружили голову европейцы, и она целиком отдается насаждению европейской культуры. Однако под наружной подражательностью японцев скрывается медленная и трудная работа освоения и изменения, переделки воспринятого по-своему».

После войны, как известно, старушка Европа — я имею в виду Западную Европу — сама потеряла голову. В Италию, Францию, Западную Германию, многие другие страны с силой, не уступающей страшным тихоокеанским цунами, хлынула волна американского образа жизни, изменив внешний облик городов, людские манеры и обычаи, адаптировав и удешевив духовную пищу масс до куцего словаря комиксов, заселив киноэкраны и головы подростков отчаянными героями «вестернов».

Произошло такое в Японии? В какой-то мере да. Удобно расположилась на афишах токийских кинотеатров красавица Элизабет Тэйлор — идет «Клеопатра», фильм грандиозных расходов и менее чем скромных художественных достоинств. В двух минутах ходьбы от прославленного «Кабуки» — театра обворожительного и своеобразнейшего — разместилось в большом круглом здании кабаре «Ничигеки». Там, в «Кабуки»,— национальные танцы, мелодии, нежные и благоуханные, как ветка сакуры. А здесь музыка другая: американская. На сцене парни в костюмах самураев и девушки в кимоно «топлесс», с открытой грудью, выплясывают твист и басанова. У импортированного из США бейсбола сейчас, пожалуй, не меньше болельщиков, чем у старинной японской борьбы сумо, а в выставочном зале сверхмодерного «Токио Принц Отеля» собирают толпу работы сюрреалиста Сальвадора Дали, кумира американских художественных салонов.

Это так.

И все же нет в Японии той удручающей американизации городов и душ, с которой встречаешься кое-где в Западной Европе. Япония неповторима, народ сумел сберечь добрую самобытность, не изуродовать ее крикливой американской косметикой. И дело не только в том, что в японском доме, где на полу лежат соломенные циновки, вас угостят любопытной церемонией приготовления чая и покажут старинные танцы. И не только в том, что школьники, как и много лет назад, сделают для гостей гирлянды из бумажных журавликов, приносящих счастье...

Япония не хочет быть копией — чьей бы то ни было. Страна много читает—второе место в мире после СССР по числу издаваемых книг, третье место по тиражу газет. Япония размышляет, ищет.

Есть разное. Есть политики, аплодирующие американским бомбардировщикам и атомным подводным лодкам. Есть другие, что нашептывают: «Нация пацифистов не может стать великой нацией». Кочует по телевизионным экранам умный и коварный самурай, разя в ночи всех и всяческих врагов, а на собраниях кое-каких религиозных сект (их в Японии двести тысяч) вспоминают девиз мифического императора Дзимму: «Собрать восемь углов мира под одной крышей...»

Но не о мече думает сегодня огромное большинство японцев. Разве величие нации определяется арифметикой походов и сражений? Друзья, а не враги нужны Японии.

И потому берут авиабилеты на Москву коммерсанты из Токио, потому японские импрессарио наперебой приглашают советских мастеров искусств, а на книжных полках школьников, студентов, ученых Японии появляется все больше переводов с русского, потому город Ниигата побратался с Хабаровском, а Майдзуру — с Находкой.

Япония ищет путь.

ПЯТЬ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

В фоторепортаже «Битва хоккейных богов», опубликованном в № 51 «Огонька» за 1964 год, были показаны ведущие наши тренеры в моменты наивысшего напряжения, когда их команды ведут борьбу на ледяном поле. Теперь мы решили побеседовать со знатоками хоккея в спокойной обстановке, узнать у них, что они думают об этой яркой, динамичной игре, с каждым годом все больше привлекающей внимание любителей спорта.

Правда, спокойствие это относительное. Идет напряженная подготовка к чемпионату мира, который состоится в начале марта в финском городе Тампере, и хоккеисты зря времени не теряют. Наши первая и вторая сборные команды провели успешное турне по США и Канаде, а молодежная сборная выступила в Швеции. Теперь возобновились игры на первенство СССР, впереди контрольная встреча с канадской сборной в Москве.

Куда же идет хоккей, каким он будет в ближайшем будущем! Такой вопрос задали спортивные журналисты А. Колодный и Е. Рубин Н. Эпштейну, В. Боброву, А. Чернышеву, А. Тарасову и Д. Богинову.

Итак, куда идет хоккей!

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ЗАРУБКИ

Николай ЭПШТЕЙН
(«Химик», Воскресенск)

Так уж устроено человеческое зрение — оно не улавливает перемен в том, что наблюдает изо дня в день. Только подведя ребенка к сделанной на двери зарубке, родители с удивлением узнают, что их дитя за год изрядно выросло...

Вот давайте мы с вами и подведем наше «дитя», наш хоккей, которому этой зимой исполнилось девятнадцать, к зарубке, сделанной, ну, скажем, семь лет назад.

В 1957 году еще играл знаменитый Всеволод Бобров. И не просто играл, а был самым лучшим нашим нападающим. Так что по нему можно было смело измерять рост советского хоккея.

Ну, а теперь поставим Боброва рядом с нынешним нападающим хоккейной команды мастеров. Как вы думаете, сумел бы тот, прежний, ничуть не изменившийся Бобров дотянуться до своего преемника? Нет, тот, прежний, не смог бы! Тот, прежний, не знал, что значит трудиться в поте лица в обороне, ему не приходилось подставлять грудь навстречу летящей со скоростью снаряда шайбе, он не мчался на добивание шайбы, продираясь сквозь строй защитников, он не умел «держать» «своего» защитника по всему полю. А ведь все это умеет теперь делать любой средний хоккеист хотя бы того же воскресенского «Химика».

Я не сомневаюсь, что, родись Бобров несколькими годами позже, он и сейчас был бы лучшим. Он вырос бы вместе с хоккеем, хотя для этого ему пришлось бы, кроме своего прежнего амплуа — блестящего солиста,— изучить еще и роль чернорабочего хоккея, ибо без этого немыслим ныне классный игрок.

Да, хоккей вырос и возмужал очень быстро. Но ему еще расти и расти. Недавно я встретил на одном матче Юрия Баулина, известного в прошлом хоккеиста. Он теперь тренирует команду в Усть-Каменогорске — есть такой город в Казахстане.

— Знаешь,— говорит он,— Семеныч, есть у меня два парня — большими мастерами должны стать. Надеюсь их когда-нибудь в сборной увидеть.

Вот она, примета будущего роста советского хоккея: из Усть-Каменогорска — в сборную!

Сейчас хоккей испытывает острый голод на хороших игроков. Сборную мы еще кое-как собираем, а спортсменов на несколько команд уже не хватает. Даже в ЦСКА — самой богатой хоккеистами команде — нет трех равноценных троек нападающих. О других командах и говорить нечего. В московских «Динамо» и «Спартаке» болезнь одного игрока превращается чуть ли не в катастрофу для команды.

Но скоро времена изменятся. Хоккей у нас полюбили всюду. В хоккей теперь играют на огромной территории — от Прибалтики до Магадана. Появились искусственные катки в Киеве и Новосибирске, скоро они появятся в Горьком, Перми, Ленинграде, Минске, Ангарске и еще во многих городах. Значит, будет большой приток талантливых игроков. Видите, вот и в Усть-Каменогорске уже намечают своих кандидатов в сборную.

Иногда говорят, что хоккей ждет участь баскетбола: со временем он станет игрой гигантов. Я в это не верю. В хоккее ценен не большой рост, а большой характер. Именно ему обязаны Виктор Якушев, Вячеслав Старшинов, Борис Майоров, Анатолий Фирсов — люди совсем не гигантского роста — тем, что стали выдающимися мастерами хоккея. Они люди трудолюбивые, и они настоящие бойцы. Это и значит, что у них «хоккейный характер». А вот на редкость одаренный Евгений Грошев так и увял, не успев расцвести. Ростом-то его природа наделила, а характером обошла. Нет, рост мы из баскетбола не позаимствуем. Но другая черта этой игры со временем станет и чертой хоккея. В баскетболе деление на нападающих и защитников очень условно. В атаке — все нападающие, в защите — все защитники. Так будет и в хоккее. Универсализация неизбежна. Игроки, которых я только что похвалил, да и некоторые другие, Виктор Кузькин, например, уже во многом обладают этим качеством — универсальностью. А Николая Сологубова потому и назвали идеальным защитником, что он, непревзойденный игрок обороны, попав в чужую зону, действовал не хуже нападающих.

Мы говорим: «Хоккей — игра красивая». А какой она станет, когда у хоккеистов прибавится силы, техники, скорости!

СОЛИСТ И АНСАМБЛЬ

Всеволод БОБРОВ
(«Спартак»)

Вот уже год, как я хоккейный тренер. Но в душе по-прежнему нападающий. И потому мне ближе разговор не о том, каким станет когда-нибудь хоккей вообще, а как изменяются хоккейные форварды.

Времена «сольных номеров» уходят в безвозвратное прошлое. Защитника теперь обвести трудно: он заботится не о том, чтобы отнять у тебя шайбу, а о том, чтобы отбить тебя от шайбы, сбить с ног. Да и самого защитника подстраховывает партнер. А «пятачок» перед воротами нынче стерегут так, что к нему в одиночку и не пробьешься. Издалека забить гол тоже стало трудней, чем в былые времена: все научились играть в обороне, как вратари.

Теперь силен тот, кто не только владеет самыми эффектными приемами, но и умеет принести красивейшие из них в жертву командной игре. Победа в современном хоккее приходит не к отдельным солистам, а к слаженному ансамблю.

Дух коллективного творчества — думаю, что его развитием и будут определяться изменения в игре нападающих. Пройти современную защиту — а ее методы станут скоро еще более совершенными — смогут только люди, умеющие мгновенно решать головоломные тактические задачи и так же мгновенно схватывать замыслы своих партнеров. И тут успех ждет того, чей ум более гибок, а значит, и более развит.

НАМ НУЖНЫ МОЛОДЫЕ ВЕТЕРАНЫ

Аркадий ЧЕРНЫШЕВ
(«Динамо», Москва)

Еще не так давно канадцы считались «вечными чемпионами». Но прошло время, и к ним незаметно подкрались европейские хоккеисты, а затем команды Швеции, Чехословакии и СССР обогнали их. Здесь много причин, но главная, на мой взгляд, в правильном подборе и воспитании игроков.

Издавна тренеры ведут спор: что важнее — молодость или опыт? Я сторонник «золотой середины». Нам нужны молодые ветераны, то есть игроки, сочетающие в себе и молодость и опыт. Это задача не из легких. Но мне кажется, что нынешняя сборная в большой степени отвечает этому требованию. Вот некоторые факты в подтверждение.

Из 18 игроков сборной 11 участвовали в трех чемпионатах мира, четверо дважды защищали честь советского хоккея на мировых первенствах и лишь двое дебютировали в Инсбруке. В возрастном отношении нынешняя сборная делится строго на две группы. Первая из них — старшая — насчитывает 4 человека от 29 до 31 года. В младшей — 14 игроков от 22 до 26 лет. Видимо, к встречам в Тампере команда пополнится еще молодежью из второй сборной. Кстати, все они не новички в международных турнирах.

Такое разумное сочетание — залог успехов, и вроде бы оснований для волнений сегодня нет. Но нужно смотреть вперед и, чтобы когда-нибудь не оказаться в положении канадцев, продолжать поиски. Ведь хоккей как вид спорта не остановился в своем развитии. Я уверен, что у него большое, интересное будущее. Какое же?

Прежде всего универсальность игроков. Все в нападении — все в защите. Думаю, что через несколько лет совершенно исчезнет деление на защитников и нападающих. Если вы попробуете сравнить игру представителей обороны сейчас и пять лет назад, то увидите, насколько активнее и разнообразнее она стала.

Сейчас никого уже не удивляют смелые рейды к воротам противника защитников сборной — Иванова, Давыдова, Кузькина. Многие тренеры сегодня делают защитников из нападающих. Правда, пока это носит характер эксперимента. Но я уверен, что хоккеист ограниченных возможностей в конце концов полностью уступит место хоккеисту-универсалу.

Пять впереди и пять сзади! Такая тактика, безусловно, расши-

рит диапазон действий команд. Повысятся требования и к игрокам. Универсальность потребует от них большой разносторонности, высокой скорости, техники, хорошего видения поля.

Сразу появиться игроки такого класса, конечно, не могут. Их нужно воспитывать и готовить заранее. Вот для этого нам и нужны молодые ветераны.

ТРИ ДОБРОДЕТЕЛИ

Анатолий ТАРАСОВ
(ЦСКА)

Размышляя о будущем хоккея, тренеры и просто любители спорят, чему отдать предпочтение: технике, скорости или задору?

Прежде чем высказать свою точку зрения, я позволю себе совершить небольшой экскурс в прошлое.

Советский хоккей появился девятнадцать лет назад. Его «родитель» — русский хоккей, отличительные черты которого — высокий темп и комбинационность. Поэтому новый хоккей приобрел прежде всего эти черты.

Сначала к манере нашей игры не могли приноровиться лучшие зарубежные команды, и дважды сборная СССР побеждала на чемпионатах мира, но затем противоядие было все же найдено, и переучиваться у канадцев и американцев пришлось нам.

Вот плоды этой учебы: золотые медали на мировом чемпионате в Стокгольме и на IX Олимпийских играх в Инсбруке.

Сегодня хоккей достиг того уровня, когда нельзя выигрывать, имея преимущество в какомнибудь одном компоненте. Вот почему спор, с которого я начал, считаю никчемным.

Предположим, если из трех составных убрать хотя бы одну — скорость. Как обеднится тактика игры! Если же отказаться от задора, то вообще не могу представить такой хоккей. Я глубоко убежден, что три добродетели хоккеиста будущего — это техничность, скорость и задор. Уже сейчас лучшие игроки отличаются этими качествами. И вот прямой результат — тактическое разнообразие, умелая силовая борьба.

Одним из элементов такой борьбы является прессинг. До сих пор он применялся в обороне, но я убежден, что если правильно подобрать игроков, то прессинг будет не только разрушать, но и наступать. Это — дело тоже будущего.

И еще на одной проблеме мне хочется остановиться. Мечтая о хоккее будущего, каждый из нас надеется, что грубость — «грязная» игра — останется за бортом ледяного поля. Увы, сегодня удары по рукам и по туловищу, толчки на борт, подножки еще присутствуют на поле. С «грязной» игрой надо бороться, но значит ли это, что из хоккея будущего будет исключена силовая борьба? Конечно, нет! Разве можно лишить эту мужественную, экспрессивную игру атлетизма? Просто судьям будущего надо будет тщательно отличать задор, стремление играть смело и жестко от грубости.

ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ НУЖНО РЕШИТЬ

Дмитрий БОГИНОВ
(«Динамо», Киев)

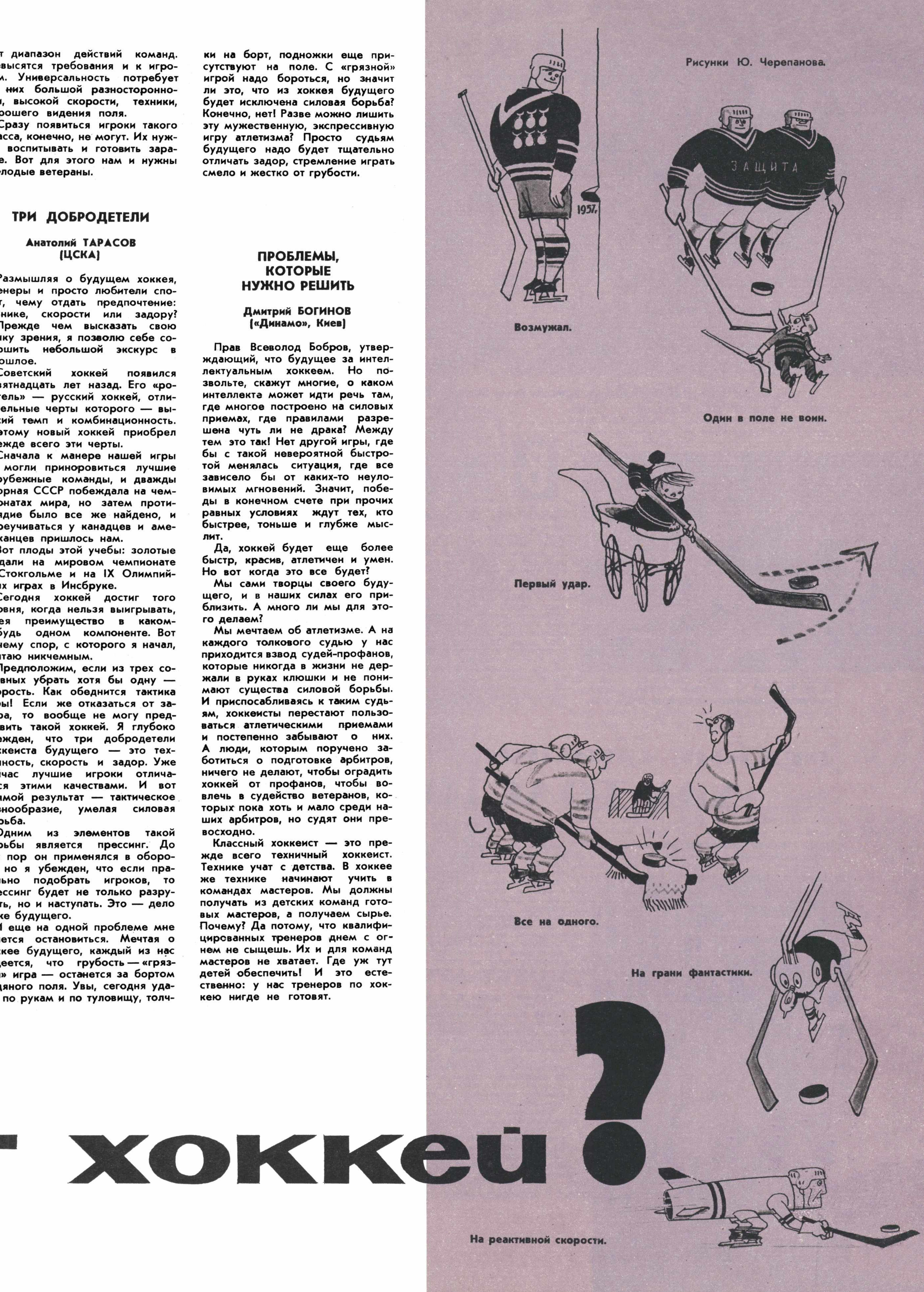
Прав Всеволод Бобров, утверждающий, что будущее за интеллектуальным хоккеем. Но позвольте, скажут многие, о каком интеллекте может идти речь там, где многое построено на силовых приемах, где правилами разрешена чуть ли не драка? Между тем это так! Нет другой игры, где бы с такой невероятной быстротой менялась ситуация, где все зависело бы от каких-то неуловимых мгновений. Значит, победы в конечном счете при прочих равных условиях ждут тех, кто быстрее, тоньше и глубже мыслит.

Да, хоккей будет еще более быстр, красив, атлетичен и умен. Но вот когда это все будет?

Мы сами творцы своего будущего, и в наших силах его приблизить. А много ли мы для этого делаем?

Мы мечтаем об атлетизме. А на каждого толкового судью у нас приходится взвод судей-профанов, которые никогда в жизни не держали в руках клюшки и не понимают существа силовой борьбы. И приспосабливаясь к таким судьям, хоккеисты перестают пользоваться атлетическими приемами и постепенно забывают о них. А люди, которым поручено заботиться о подготовке арбитров, ничего не делают, чтобы оградить хоккей от профанов, чтобы вовлечь в судейство ветеранов, которых пока хоть и мало среди наших арбитров, но судят они превосходно.

Классный хоккеист — это прежде всего техничный хоккеист. Технике учат с детства. В хоккее же технике начинают учить в командах мастеров. Мы должны получать из детских команд готовых мастеров, а получаем сырье. Почему? Да потому, что квалифицированных тренеров днем с огнем не сыщешь. Их и для команд мастеров не хватает. Где уж тут детей обеспечить! И это естественно: у нас тренеров по хоккею нигде не готовят.

Рисунки Ю. Черепанова.

Возмужал.

Один в поле не воин.

Первый удар.

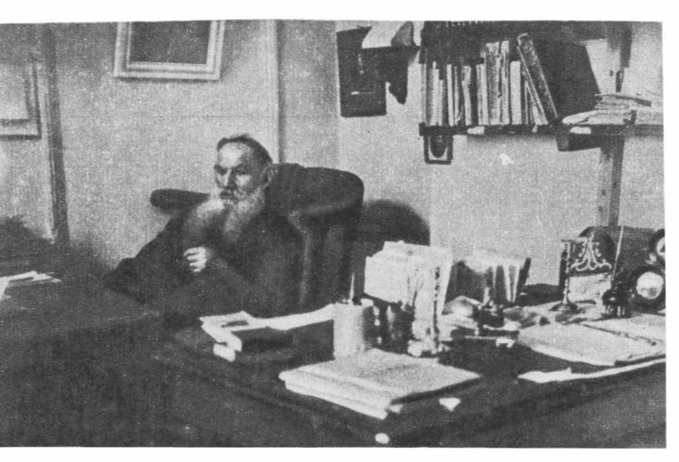
Все на одного.

На грани фантастики.

На реактивной скорости.

С. А. Толстая, Л. Н. Толстой и П. А. Буланже. Ясная Поляна, июнь 1903 года.

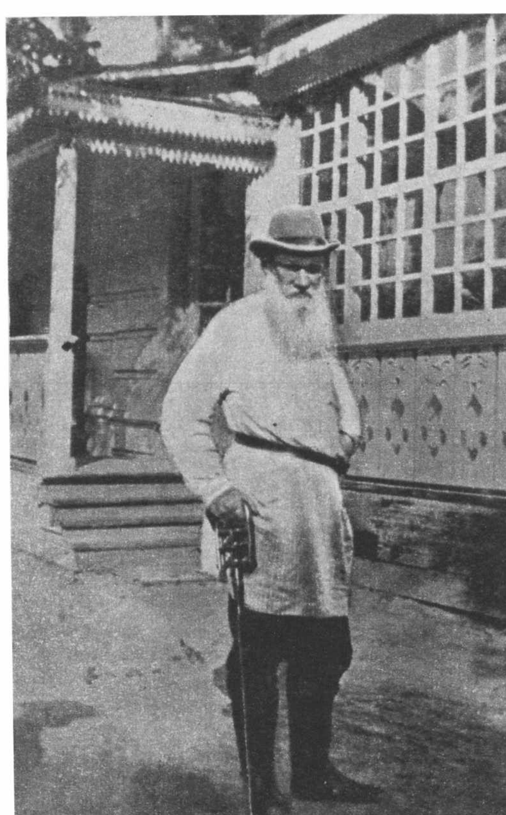
Л. Н. Толстой за рабочим столом в яснополянском кабинете. Декабрь 1907 года.

В фонде Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве хранится несколько малоизвестных любительских фотографий. Особенно увлекалась фотографированием Софья Андреевна. Вот она промывает снимки — это единственная фотография, запечатлевшая Софью Андреевну в такой момент. Справа — П. А. Буланже, близкий знакомый Толстого, приехавший к нему в Ясную Поляну. Снимок сделан одной из дочерей Толстого в июне 1903 года.

Среди ценнейших коллекций музея — около тысячи снимков, сделанных Софьей Андреевной. Здесь опубликована первая по времени фотография Толстого за рабочим столом в яснополянском кабинете (декабрь 1907 года). Позднее писателя снимали в кабинете и другие — П. А. Сергеенко, К. К. Булла, В. Г. Чертков, но почти все снимки уступают этому. На большинстве из них Толстой снят либо с опущенными глазами (читающим или пишущим), либо учтиво смотрящим в сторону фотографа. Эта фотография совершенно иная: глядя на нее, вряд ли можно допустить, что Толстой специально позировал. Выражение его глаз поражает глубокой сосредоточенностью. Толстой весь ушел в себя и, возможно, просто не заметил, не слышал, как вошла Софья Андреевна, как навела на него объектив, как щелкнул аппарат...

РЕДКИЕ СНИМКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой возле террасы яснополянского дома. Лето 1910 года.

На последней из публикуемых фотографий мы видим Толстого около террасы яснополянского дома в характерной для него позе: он стоит, заложив руку за пояс; в другой руке — палка-стул, с которой Толстой почти не расставался во время прогулок.

Снимок сделан Е. В. Волконской в 1910 году — в год ухода Толстого из Ясной Поляны, в последний год его жизни. Несмотря на крайне напряженную обстановку, которая создалась в это время в семье Толстого, в Ясную Поляну по-прежнему часто съезжались гости. Бывали у Толстых и Черкасские, имение которых находилось по соседству. С ними в Ясную Поляну приезжала их родственница, Е. В. Волконская, проводившая лето в имении Черкасских.

Однажды она попросила у Толстого разрешения сфотографировать его. Толстой согласился. Одну из фотографий (воспроизведенную в этом номере) Волконская подарила подруге, которая передала ее затем в музей. Остальные снимки Волконской пока неизвестны.

О. ЕРШОВА

ИЗГН

Фрэнк ХАРДИ

Эрни Лайл сидел на корточках у грядки бобов в огородике, разбитом перед его домом на Лердиберг-стрит, и аккуратно выпалывал сорную траву. Работал он не торопясь, как всякий человек, которому по душе огородничать. Он ласково поглаживал пальцами растения, на которых уже обозначались молодые бобовые стручки. Да, урожай будет неплохой, только поскорее бы: дети уже много недель не видали свежих овощей. Но бобы — это все, что он соберет нынешним летом. На заднем дворе грядки пустуют: не на что было купить семян. А цветов Эрни разводить не любил: их ведь не положишь в суп...

Домишко, правду сказать, тоже давно развалился бы, если бы не умелые руки Эрни. Он не жалел ни денег (в тех редких случаях, когда они были), ни времени (которого вот уже год у него более чем достаточно), чтобы содержать дом в порядке, изредка производя собственными силами ремонт. Прохудится крыша — Эрни чинит ее; протекает кран — он меняет прокладку; покосится ограда — ставит подпорки. Эрни даже спас от грибка бревна стен, заботливо их окрасив. Для этого он позаимствовал у штатного городского маляра несколько жестянок с остатками краски на донышке.

А вот домовладелица, миссис Плант, за все эти годы не затратила и нескольких шиллингов на ремонт дома, и Эрни Лайл ни разу не попросил ее об этом. У миссис Плант было много такого недвижимого имущества в Бенсонс Велли, и съемщики знали ее как хозяйку прижимистую и жадную. Эрни же ко всякому человеку относился так, каким этот человек ему казался: он полагал, что миссис Плант — просто безобидная старая гусыня, разумеется, если вовремя вносить ей плату за квартиру. Но вот пришло время, когда Эрни не в состоянии делать это: сначала он задолжал за неделю, потом за месяц, а теперь уже за полгода. И трудно сказать, кого больше обеспокоило это обстоятельство: миссис Плант или самих супругов Лайл — Эрни и Элен.

Эрни кончил полоть грядки, и перед его глазами снова встала незаполненная графа в счетной книге миссис Плант против его имени. Вспомнились и письма, которые она с некоторого времени стала ему посылать... На недельное пособие по безработице Элен еще как-то ухитряется накормить и одеть ребят, но для выплаты долга миссис Плант не остается буквально ни пенса. Что поделаешь: на первом месте еда. А ведь рассчитаться со старой гусыней было бы намного важнее. Когда тебе грозит остаться без крыши над головой — это уже самое последнее дело. Эрни даже по ночам просыпается весь в поту от этой мысли...

По противоположному тротуару шли двое бродяг, оборванных, с тощими мешками за плечами. «Им-то что! — вдруг подумал Эрни.— Они перешагнули уже все границы отчаяния. Живут себе, как вольные птицы. Спят там, где застанет их сон. Никто им не указ, никто не пристает с долгами, не грозит выбросить на улицу...» Он оперся на ограду и глядел на бродяг со смутным чувством зависти.

— Нет ли какой работы в городишке, приятель? — крикнул один из бродяг.

АНИЕ ЭРНИ ЛАЙЛА

Рассказ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

— Разве что в симфоническом оркестре,— ответил серьезно Эрни.— Но тебя все равно не примут с твоей глиняной свистулькой...

— А кусок хлеба бесплатно подадут?

— Ступайте в кооперативную пекарню на Главной улице. Первый поворот налево. Спросите там Клэрри Симпсона.

Мысли Эрни Лайла снова вернулись к проклятому долгу за квартиру, к письмам миссис Плант, к ней самой...

Говорят: вспомнишь про дьявола, а он тут как тут!

Эрни словно по команде вскочил, выпрямился и вытер руки о штаны. К дому подъезжала открытая машина миссис Плант, за рулем сидела ее дочь Присцилла. «Хороша девчонка!» — промелькнуло в голове у Эрни.

Пока миссис Плант вылезала из машины и подходила к Эрни, он уже выглядел нашкодившим, пристыженным мальчишкой. Особенно стыдно было ему за разбитые башмаки без шнурков, грязную рубашку, за весь свой нищенский вид.

Домовладелица фигурой и костюмом напоминала отставную опереточную певицу. Она была бы еще недурна, если бы не тяжелые, резкие черты лица и холодный взгляд, говорящие о зачерствевшей душе. Уж много лет подряд миссис Плант выколачивала деньги из людей, нуждающихся в крыше над головой.

— Я приехала поговорить о вашем долге, мистер Лайл! — объявила она.

— Что ж, миссис Плант, так оно и есть, как я писал вам,— проговорил, запинаясь, Эрни.— Я уже почти год без работы... Надеюсь вот, что с началом сезона уборки яблок...

— Да, я знаю, очень тяжелый год,— вздохнула домовладелица.— Но я все время терпеливо ждала...

На крыльцо выбежала, торопливо втыкая шпильки в растрепанные волосы, Элен Лайл.

— Мы заплатим все до последнего пенни, когда Эрни получит работу, миссис Плант,— сказала она неуверенно.

— Для вас это помещение слишком дорого, миссис Лайл,— возразила домовладелица твердым, хотя и любезным тоном.— Не лучше ли вам поискать что-либо подешевле?

Эрни хотел было сказать, что для него теперь никакая квартира не будет дешевой, но смолчал.

— Я могла бы сдать вам тот коттедж, внизу у реки, возле газового завода,—объяснила миссис Плант.

— Как?! — изумился Эрни.— Старую трущобу, где жила когда-то семья Кили, а теперь ночуют бродяги? Да этот сарай скоро рассыплется на куски!

— Я велю привести коттедж в порядок.

Элен Лайл вдруг собралась с духом. Отбрасывая всякую вежливость, она закричала:

— Просто грязная старая развалина, вот что это такое! И там повернуться негде! Где же дети будут спать?..

— Я распоряжусь. Коттедж будет как с иголочки,— уклончиво пообещала миссис Плант.

— Если бы вы могли потерпеть еще немного...— начал Эрни и сам удивился своему просительному тону.

— Этого я не могу себе позволить, мистер Лайл. Почти все мои съемщики задолжали.

Элен Лайл хотела что-то возразить, но вздрогнула от резкого гудка клаксона машины. Это Присцилла Плант звала мать:

— Кончай скорее! Я опаздываю к парикмахеру.

— Не вижу смысла в этом споре, миссис Лайл,— сказала домовладелица; нетерпение дочери заставило ее изменить тон.— Имейте в виду: у меня на руках судебный приказ. Если не уплатите к концу месяца все, что задолжали, вам придется освободить этот дом.

Она кивнула им и пошла к машине, но остановилась и добавила:

— Очень сожалею, миссис Лайл. У меня на примете другой жилец, желающий вселиться в это помещение. Коттедж у реки будет приготовлен для вас. Всего пять шиллингов в неделю. А долг уплатите, когда у мужа будет работа.

Она села в машину. Присцилла так и не обернулась ни разу. Машина с места взяла большую скорость.

— Мы всегда платили исправно! Одиннадцать лет! — успела крикнуть вслед Элен Лайл.

Потом она заплакала. Эрни взял ее за руку, пытаясь успокоить. В калитку вбежали дети—девятилетний мальчик и семилетняя девочка. Мальчик шел босиком.

— Папа,— сказал он,— мне нужны ботинки. Меня записали в футбольную команду для младших.

— Посмотрим, мальчик, что-нибудь придумаем,— рассеянно отозвался Эрни.

— Почему ты плачешь, мама?—испуганно допытывалась девочка.

— Я не плачу,— с трудом выговорила Элен, поднимая дочку на руки.— Боже милостивый, вы только посмотрите на эти грязные пальцы!

— Эгей, мама, я голоден! Могу я получить кусочек хлеба? — спросил мальчик и побежал за матерью в дом.

* * *

Элен и Эрни лежали в кровати. В темноте комнаты незримо витал ультиматум миссис Плант. Снова и снова они обсуждали его вполголоса. Эрни был, как всегда, сдержан. Казалось, даже угроза впервые после свадьбы очутиться с детьми на улице не могла вывести его из равновесия. Элен, наоборот, была не по-обычному возбуждена и старалась заразить Эрни своим негодованием. Нет, она не утратила веры в мужа даже в этот ужасный год, когда безработица день за днем подтачивает его душевные силы. Но как раз в эти месяцы ее не раз охватывало отчаянное желание купить и надеть нарядное платье, побывать в косметическом кабинете, чтобы Эрни снова мог гордиться ее красотой, как в первые годы...

— Это наш дом, Эрни, и никто не может отнять его у нас! — твердила она.

Эрни придвинулся к ней поближе, и Элен почувствовала, как вздрагивает его сильная рука.

— Я просто неудачник, Элен. Не могу даже заработать, чтобы заткнуть рот этой старухе,— пробормотал он и спрятал голову у нее на груди.

Она принялась успокаивать его тихими словами, гладить по голове, как огорченного ребенка. Наконец он обнял ее и прижал к себе, крепче и горячее, чем даже в прежние времена...

Потом они лежали молча, усталые и умиротворенные, и, казалось, не думали больше о свалившейся на них беде. Элен заговорила первая:

— Послушай, Эрни, а не повидаться ли тебе с Лори Дигдичем?

— Лори Дигдич — поверенный старухи Плант,— возразил Эрни.— Он ходит перед ней на задних лапках.

— А я слыхала, что он выручал некоторых съемщиков,—настаивала Элен.—И потом можно еще сходить к местному депутату.

— Хотел бы я посмотреть, какую рожу скорчат ребята, особенно Дарки, когда узнают, что я постучался к этому жирному болтуну Коулсону,— усмехнулся Эрни.— Тогда уж лучше пойти за советом к лейбористам...

Кто-то из детей раскашлялся, и Эрни на цыпочках пошел в соседнюю комнатку. Вернувшись, он чмокнул Элен в щеку.

— Знаешь, ты права. Нам нельзя сидеть сложа руки. Мы будем бороться.

Они поговорили еще о том, что делать и к кому идти. Потом уснули обнявшись, как утомленные дети.

* * *

Они поднялись рано. Пока Элен кормила проснувшегося двухлетнего малыша, Эрни сварил на дровяной плите овсяную кашу без молока и сахара. Старшие дети позавтракали и ушли в школу. Эрни тщательно побрился безопасной бритвой, надел синюю пиджачную пару, предварительно усердно почистив ее щеткой. Потом смочил волосы и гладко причесал их на пробор. Впервые за долгие недели он повязал галстук. На ноги надел старые лакированные туфли, в которых ходил когда-то танцевать с Элен,— туфли давно валялись в шкафу.

— Ну, я пойду. Повидаюсь со всеми, о ком мы с тобой говорили,— сказал он и обнял Элен за плечи.— Поцелуй меня на счастье, дорогая, и не тужи: нас еще не приперли к стенке.

Они поцеловались, как любовники в кино.

Эрни медленно двинулся в сторону Главной улицы. Оглянувшись, он внимательно посмотрел на дом, словно видел его впервые. Дом выглядел очень уютным в густой зелени раскидистого дерева, росшего во дворе. «Это мой дом,— подумал Эрни,— я в нем живу!..»

Он миновал живую изгородь, за которой помещалась резиденция приходского католического священника, отца Эллиса. Тот, как всегда по утрам, играл на лужайке в гольф, старательно загоняя мяч в лунку. Эрни не любил его: отец Эллис приглашал на партию в гольф одних только богатых франтов.

— Хэлло, отец! — довольно невежливо крикнул Эрни.

— Хэлло, Эрни! — ответил священник.— Все без работы?

Эрни почудилось в голосе священника что-то вроде упрека, и он зашагал прочь, хмуро пробормотав:

— Какая уж работа в этой дыре!

Дойдя до ограды церкви, Эрни остановился, чтобы пропустить другого священника, отца Бейли, веселого толстяка, выезжавшего из ворот на своей потрепанной машине.

— Доброе тебе утро, Эрни, сын мой,— ласково приветствовал его священник.—Может, подвезти тебя?

Эрни колебался. Отец Бейли был в числе тех, к кому они с Элен решили обратиться за помощью, если уж не будет другого выхода. Помедлив, Эрни уселся рядом со священником. Он не был католиком, но отец Бейли ему нравился: старик не прочь был выпить кружку пива, даже поставить на лошадку на скачках, и аккуратно раз в неделю ходил в кино. Говорили, что между двумя священниками установились весьма натянутые отношения и что причиной вражды отца Эллиса к отцу Бейли были повадки последнего, не вполне приличествующие сану, и излишне радикальные суждения по поводу тягот и притеснений, выпадающих на долю бедных людей.

— Вы что-то вырядились сегодня, Эрни! Нашли наконец работу?—осведомился отец Бейли.

Эрни чувствовал на затылке горячее дыхание расположившегося на заднем сиденье кокерспаниеля, верного пса священника. Он досадливо поморщился и сказал нехотя:

— Да нет, мне надо заглянуть в контору к Дигдичу.

— Вот как! — воскликнул священник, в котором сразу проснулось природное любопытство ирландца.— Значит, неприятности с квартирной платой?

— Да,—ответил Эрни.— Она собирается выставить меня из дома.

Священник озабоченно пощелкал языком.

— Мамаше Плант что-то понравилось в последнее время выгонять людей на улицу.

Они замолчали. Эрни раскаивался: не надо было откровенничать с этим попом. Не надо было даже садиться к нему в машину. Ну, конечно! Машина, обогнув пивную «Королевский дуб», выезжает на Главную улицу, и на углу уже торчит, широко расставив ноги, Бац-Маннерс и таращит глаза на обоих.

Эрни слез у универмага, напротив конторы Дигдича. Отец Бейли наклонился к нему и сказал:

— Есть маленький старый домик за церковным двором. Правда, в нем много лет не живут, но можно немножко прибрать... Я ничего пока не обещаю, поговорю с приходским советом. Вы могли бы вместо платы за помещение поработать немного в церковном саду.

— Спасибо, отец,—сказал Эрни.—Я дам вам знать.

Он твердо решил, что останется в своем доме, чего бы это ни стоило!..

Ожидая в вестибюле, откуда дверь вела в контору Дигдича, Эрни чувствовал, как его решимость начинает таять. Он рассеянно перелистывал старый номер иллюстрированного «Австралийского журнала» и думал о том, что не такой уж он желанный клиент для Лори Дигдича. Эрни перевел глаза на вывеску над дверью и прочел написанное большими четкими буквами:

«Дигдич и Макферсон — Складские и транспортные операции — Сделки по земельным участкам — Оценка имущества, закладные — Аукционные распродажи».

«И еще... Помощь миссис Плант в выселении жильцов!» — мысленно добавил Эрни.

— Мистер Дигдич очень занят,— в третий раз ответила ему красивая молодая блондинка, сидевшая за конторкой в первой комнате.— Может быть, я запишу вас? Или обратитесь к мистеру Кларку.

— Мне нужен лично мистер Дигдич,— настаивал Эрни.— Времени у меня хоть отбавляй. Я подожду.

Он услышал вдруг щелканье бильярдных шаров в нижнем этаже дома и вспомнил тот вечер, когда Дигдич выступал в знаменитом финале бильярдного турнира.

Эрни Лайл ждал больше часа, пока наконец Лори Дигдич вышел к нему из конторы, выхоленный, самоуверенный, поглаживая подстриженные щеточкой усы.

— Хэлло, Эрни,—сказал он небрежно.— Заходите. Как вы насчет бильярда? В форме?

— Давно уже не играл,— ответил Эрни, следуя за Дигдичем, который и виду не показывал, что ему известно об ультиматуме миссис Плант.— Но вот какое дело,— добавил Эрни поспешно,— миссис Плант приезжала ко мне вчера, и она...

— Она решительная дама,— заметил Лори Дигдич, и лицо его сразу стало жестче, как только они с Эрни уселись по обе стороны стола.— Я пробовал убедить ее дать вам отсрочку, но у нее на примете другой жилец.

— Я получу работу в уборочный сезон,— сказал Эрни.— Смогу каждую неделю погашать задолженность за полмесяца. И понемногу выплачу все...

— По мне, это и было бы самое лучшее,— сказал Дигдич,— но я ведь только агент. Я должен делать то, что мне прикажет миссис Плант.— Он вынул из ящика стола пачку сигарет и торопливо закурил:— Хотите? — протянул он пачку Эрни.

Сигарет Эрни не покупал уже давно. Он собирал окурки и бывал рад, если ктонибудь угощал его целой сигаретой. Но он пересилил себя.

— Нет, спасибо. Я бросил курить.

— Я советовал миссис Плант устроить вас в каком-нибудь другом месте,— продолжал Дигдич; как здешний человек, он не прочь был на людях попенять по поводу выселения в этот тяжелый год. Эрни слушал и прикидывал в уме, насколько искренен его собеседник. Дигдич меж тем уже заканчивал довольно длинную речь: — Я постараюсь, чтобы тот коттедж возле реки подготовили для вас наилучшим образом.

— А что вы сделаете, если я откажусь выехать? — спросил вдруг Эрни.

— Я сделаю то, что мне приказывают, Эрни, как и всякий подчиненный.

— Выгоните меня из дома?

— Увы! У миссис Плант на руках судебный приказ.

Эрни шел от Дигдича как в тумане. Впервые перед ним встала ужасная картина: Элен с детьми сидит на улице, окруженная их небогатым домашним скарбом... Попытаться занять немного денег? Он перебрал мысленно всех знакомых — нет, ни один не сможет уделить даже мелкую сумму. Ноги сами повели его к конторе Коммерческого банка. Он остановился и задумался. Управляющий банком Комбер—неплохой малый. Однажды, в добрые старые времена, он даже предлагал Эрни денег взаймы на приобретение дома в рассрочку. Может быть, он расщедрится и сейчас? Всего на десяток фунтов, чтобы Эрни мог выплатить хоть половину долга?

В кабинете Комбера Эрни Лайл очутился скорее, чем в кабинете Дигдича, но гораздо быстрее вышел оттуда. Управляющий банком был краток. Он делает то, что ему приказывают: никаких займов без твердого обеспечения.

Эрни снова бесцельно зашагал к Главной улице. Список людей, на которых он мог рассчитывать, быстро таял, а ведь еще было далеко до полудня.

На Чарли Коулсона, члена парламента от Бенсонс Велли, Эрни натолкнулся как раз в ту минуту, когда депутат выходил из бара при гостинице и направлялся к своей машине. Коулсон одно время баллотировался от консерваторов, а теперь именовался независимым. В парламенте он почти ни разу не выступал просто потому, что ему нечего было сказать. Удерживал он за собой депутатское кресло только тем, что усердно выслушивал всякие просьбы избирателей и столь же усердно каждому что-либо обещал.

«Это Элен захотелось, чтобы я обратился к Коулсону»,— подумал Эрни, тревожно оглядываясь вокруг, не торчит ли близко кто-либо из приятелей.

— Прошу прощения, мистер Коулсон,— сказал он.— Могу ли я отнять у вас несколько минут?

Коулсон, в спортивной шляпе и с сигарой во рту, остановился — весь любезное внимание. С несомненным сочувствием выслушал он рассказ Эрни о постигшей его беде. Близились выборы, и Коулсон заставлял себя быть терпеливым в этих делах. Но, разумеется, он сразу смекнул, что ему нечего соваться в такое щекотливое дело, как выселение неплательщика.

— Все мы обязаны подчиняться закону,— заговорил он, когда Эрни кончил.— Как раз с повиновением закону дело обстоит из рук вон плохо. Закон и порядок не ставят ни во что! Полагается вовремя вносить плату за жилье, Эрни... Знаете, что я сделаю для вас? Я попробую вас устроить на какую-нибудь канцелярскую работу в городском учреждении. Разумеется, если меня снова выберут депутатом. А вы поможете мне во время предвыборной кампании, правда, Эрни?

Эрни на мгновение представил себя разносчиком предвыборных листовок, призывающих голосовать за Коулсона. Интересно, что сказал бы по этому поводу Дарки!

Вспыхнувшая вдруг надежда на какую-нибудь работу быстро померкла. Эрни знал, что Коулсон раздает такие же обещания десяткам людей, в том числе и многим, кто едва умеет читать и писать...

— Я человек рабочий,— сказал он, повернулся и пошел прочь. И тут же подумал: «Может, и впрямь попросить помочь кого-либо из местных лейбористов? Но кого именно?»

Эрни решил, что пойдет к Джеку Кайлу, одному из вожаков лейбористов. Джек, наверное, уже пришел с фабрики домой завтракать, соображал Эрни и поспешно свернул в переулок. В доме Кайла пришлось подождать на кухне, куда его ввела миссис Кайл, невысокая, толстенькая женщина. Эрни молчал, его решимость бороться уже почти испарилась. Никто ничего не может сделать. Никто и не хочет ничего делать...

— Не позавтракаете ли с нами, Эрни? — предложила хозяйка.

— Нет, благодарю, я как раз иду домой завтракать,— солгал Эрни.— Но от чашки чая не отказался бы, миссис Кайл...

Разговор с Джеком Кайлом был недолгим и бесплодным. Провожая Эрни Лайла до калитки, Джек говорил:

— Одно скажу тебе, Эрни. Не поддавайся этим затеям — силой отстоять свое жилье, как это пытался сделать Том Роджерс, когда выселяли семью Бино Джексона. Для Бино это кончилось плохо. Вся беда Тома Роджерса в том, что он напичкан всей этой коммунистической пропагандой. Вот он и подбивает вашего брата следовать примеру мельбурнских коммунистов.

У Эрни не было никакого желания спорить. Все так запуталось, жизнь стала такой безрадостной! Одно Эрни знал твердо: его хотят выгнать из дома, и никто не в силах ему помочь...

Он распрощался и направился домой на Лердиберг-стрит. Он решил не скрывать от Элен, что дела их совсем плохи: придется, видимо, переезжать в ту трущобу у реки. По дороге ему попались Дарки и Мэтчис Андерсон. Они очищали лопатами от грязи водосточный желоб, должно быть, отрабатывали пособие по безработице.

— Как дела, приятель? — спросил Дарки и выпрямился, опершись на лопату.

— Даже если бы бесплатные квартиры падали с неба, как дождь, меня, наверно, огрело бы по черепу каким-нибудь унитазом,— ответил, невесело усмехаясь, Эрни.

— А у нас с Мэтчисом дела как нельзя лучше! — подмигнул Дарки.— Мы скоро будем влиятельными персонами в городе.

— Да, да,— подхватил Мэтчис.— Дарки вдруг полюбился городскому советнику Таю, и тот скоро уступит ему свой пост.

— Эрни, как у тебя дела с мамашей Плант? — перешел к делу Дарки.

Эрни рассказал им о том, что его грозятся выбросить на мостовую, и о бесплодных разговорах, в которых у него прошло все утро. При этом он поостерегся упомянуть о депутате Коулсоне и отце Бейли, опасаясь дружеского негодования Дарки.

— Надо бы ее хорошенько проучить, эту протухшую рубленую печенку! — нахмурился Дарки.— Ты, Эрни, скажи им прямо: выезжать отказываюсь! — добавил он решительно.

— У нее судебный ордер о выселении,— ответил Эрни.

— Ну это мы еще посмотрим! — проворчал Дарки.

— А что тут поделаешь? — уныло сказал Эрни.— Вспомни, чем кончилось с Бино Джексоном.

— Ну, в тот раз они дали обвести себя вокруг пальца новому полицейскому! — махнул рукой Дарки.

— Эй, смотри в оба — сам мистер Тай сюда жалует! — прервал его Мэтчис Андерсон.— Берись-ка за лопату, надо хоть вид показать, что мы работаем...

Уходя, Эрни Лайл услышал, как Дарки говорил советнику Таю:

— Почему вы сидите сложа руки и позволяете выгонять людей на улицу?

Потом донеслись слова Тая:

— А что прикажете делать, раз эти люди не вносят квартирную плату?

Ответа Дарки Эрни уже не расслышал. Да и что толку в разговорах! Им с Элен остается одно: укладывать вещи и выбираться из дома.

Элен он застал в кухне. Несколько мгновений она смотрела на него, чего-то ожидая; потом, вглядевшись в его лицо, даже не спросила, с чем он пришел.

— Там осталось немного чая,— сказала она.— Я вскипячу тебе. А из еды — только хлеб и джем.

— Я завтракал у Джека Кайла,— с трудом выговорил Эрни.

Весь остаток дня он копался в огороде. Окончательно покорившись судьбе, он уже обдумывал, как справиться с переездом. Но что сказать детям? И где достать напрокат грузовик или хотя бы тележку?..

Пришли из школы двое старших — он отправил их гулять: ему не хотелось, чтобы они слышали его разговор с Элен. Элен кормила маленького. Теперь Эрни рассказал ей подробно все.

— Есть все-таки хорошие люди в городе,— сказал Эрни и тихо добавил: — Элен, вот бы хорошо теперь остаться здесь: у нас было бы бесплатное освещение!..

После того как дети ушли спать, Эрни и Элен еще долго сидели в кухне в молчаливом раздумье. Вдруг у ограды послышались голоса. Потом мощная фигура Дарки выросла в дверях. Он вошел в комнату, следом за ним — Том Роджерс.

— Мы с Томом решили заглянуть к вам, посмотреть, как тут у вас и что,— несколько туманно объяснил Дарки.

Эрни пододвинул им стулья. Поговорили о погоде, о последних матчах крикетных команд, но все это казалось Эрни каким-то призрачным, нереальным.

— Я слыхал, миссис Плант собирается вас выселять,— начал после неловкого молчания Том Роджерс, смущенно поглаживая пальцами свою шляпу.

Элен Лайл внимательно смотрела на него. Седые волосы и черные кустистые брови,

— Нам остается одно: выезжать отсюда,— заключил он.

— Да, не иначе,— ответила она беззвучно.— Уже отключили свет.

— Когда?! — крикнул он, только теперь заметив, что она сидит при свече.

— Когда тебя не было, приходил какой-то. Сказал, что не очень ему приятно это, но он делает то, что ему велят.

— Все делают то, что им велят! — с горечью отозвался Эрни.— Если бы от них требовалось по службе, они и пристрелили бы нас, не задумываясь.— Он протянул руку к выключателю.— Никогда не думал, что когда-нибудь не смогу зажечь свет в моем доме.— Он щелкнул выключателем, и свет зажегся.— Что это значит, Элен?—спросил он удивленно.

— Мне и самой показалось, что этот монтер как-то странно себя вел,— неуверенно заговорила Элен.— Он сказал, что может выключить свет только для виду, что ли. И тогда нам не станут больше присылать счетов. И никто не будет проверять наш счетчик.

темная пиджачная пара и целлулоидный воротничок делали Тома больше похожим на актера драматического театра, чем на безработного слесаря. Элен подивилась, как это Роджерс находит в себе силы поддерживать в беде других, когда у него самого такая нелегкая жизнь: большая семья, частые увольнения с работы. Вот и сейчас его выставили за ворота с молочного завода.

— Мы переезжаем в тот домишко у реки, возле газового завода,— глухо сказал Эрни, заранее решив отклонить любые советы Тома Роджерса.

— Комитет безработных обсудил этот вопрос и постановил: сопротивляться выселениям! — громко сказал Роджерс.

Эрни показалось, что он собирается произнести речь.

— Это не помогло Бино Джексону,— перебил он Роджерса.

— Да я же говорил тебе, ребят просто надул тогда новый полицейский! — нетерпеливо бросил Дарки.— А на этот раз, когда

он явится к вам с ордером, здесь буду я, Дарки.

— Он не явится,— сказал Эрни, вскакивая со стула.— И... мы с Элен не хотим ничего такого...

Том Роджерс тоже поднялся.

— Одну минутку, Дарки.— Он понизил голос и продолжал сердечно: — Подумайте вы оба, Эрни и Элен. Если мы будем молчать и сидеть сложа руки, половине города скоро придется жить в палатках. История с Бино Джексоном нас кое-чему научила. И если вы будете действовать с нами заодно, мы сможем...

— А что вы собираетесь делать? — недоверчиво остановила его Элен.

— Мы с Дарки толковали на этот счет. Мы хотим предложить миссис Плант, чтобы она согласилась пока взять пять фунтов в счет вашего долга...

— У меня нет и пяти шиллингов,— сказал Эрни.

— У комитета безработных найдутся на текущем счету эти пять фунтов. Завтра вечером у нас будет собрание. Мы предложим миссис Плант в обмен на эти пять фунтов вернуть в суд ордер о вашем выселении.

— А если она не захочет? — спросил Эрни.

— Тогда мы посмотрим, кто кого. Ты всегда был исправным съемщиком, Эрни. И не твоя вина, что ты остался без работы.

— Может быть, нам все-таки попробовать, Эрни? — тихо проговорила Элен; ей уже казалось, что миссис Плант непременно согласится взять пять фунтов — и все останется по-прежнему.

Эрни колебался.

— Давай, Эрни! — сказал Дарки.— Помнишь, ты увел однажды для наших ребят целый грузовик дров. И ты шагал со всеми в прошлогодней демонстрации безработных в Мельбурне. Давай вместе научим старую волчицу уму-разуму!

Напоминание о мельбурнской демонстрации снова пробудило в Эрни то чувство, которое он испытал тогда и которое где-то дремало в нем до сих пор. Он едва ли мог бы сам объяснить, что это за чувство; просто смутное ощущение того, что люди могут добиться многого, если будут действовать дружно и сообща.

— Ладно, Том, я согласен,— сказал он твердо.— Я готов ко всему.

* * *

На следующий вечер группа безработных собралась в своей штаб-квартире. Это был полуразвалившийся сарай на заднем дворе пивной «Королевский дуб». Члены комитета уселись за старым расшатанным плотничьим верстаком. Свет керосинового фонаря бросал причудливые тени на бревенчатые стены.

Мэтчис Андерсон, высокий, пожилой, очень серьезный, обстоятельно доложил о денежных поступлениях от лотереи и турнира любителей юхра[1]. Потом он подвел общий баланс: фонд комитета достиг к данному моменту ровно семи фунтов и трех пенсов.

Спарко по прозвищу Ругатель с присущей ему выразительностью комментировал заслушанный доклад.

— Старый (такой-растакой) Мэтчис вывернется из самого (непроизносимого) положения, при котором даже такая-разэтакая лиса подохла бы от голода,— сказал он.

Спарко пять часов ехал на разболтанном старом велосипеде, чтобы попасть на заседание комитета; под курткой вокруг пояса у него была прикреплена запасная велосипедная камера. Она выпирала сзади на манер дамского турнюра, когда Спарко поминутно вскакивал с места.

Том Роджерс поставил на обсуждение вопрос о выселении Эрни Лайла.

— Если старуха откажется взять деньги, придется показать ей, где раки зимуют! — заключил он.

— Много это поможет бедняге Эрни! — воскликнул с иронической улыбкой Арти Макинтош.— У меня другое предложение. Поджечь дом, где живет старая ведьма, и делу конец!

— От таких предложений мало толку,— сказал Том Роджерс, боясь, что слова Арти снова могут поколебать присутствующего на собрании Эрни Лайла.

— Ладно, но можно все-таки выкинуть какое-нибудь коленце, чтобы у нее глаза на лоб полезли,— настаивал Арти Макинтош.— Например, подпилить рулевую баранку в ее машине? Или подсыпать стрихнину ей в чай?..— Он оглядывался вокруг, ища сочувствия своему сомнительному юмору, но все сосредоточенно молчали.

— Эти богатые владельцы недвижимого имущества — самый паразитический класс, братцы,— строго объяснил Мак-Дугал по кличке Полковник, который по случаю собрания комитета весь день не брал в рот хмельного.— В Мельбурне мы, бывало, вели против них настоящую войну нервов. Швыряли, например, кирпичи в витрины контор их агентов и адвокатов...

Прежде чем Том Роджерс успел утихомирить Полковника, Эрни встал и сказал:

— Не забывайте, что мы с Элен тут вроде этих... кроликов, которых потрошат для опытов!

Эрни всю прошлую ночь провел без сна и уже сожалел о своем решении.

— Боевые действия — единственный язык, который понимают богачи, братец,— сказал назидательно Полковник-Мак-Дугал.

— Эрни — один из самых боевых парней в нашем городе! — вмешался Дарки.— Разве он не показал себя на демонстрации в Мельбурне?

— Дарки прав,— подтвердил Том Роджерс,— нам нечего бояться, что Эрни подведет. Правда, Эрни? Но надо действовать с умом. Если миссис Плант откажется от пяти фунтов, мы напишем в газету, а если семью Эрни станут выселять, уговорим всех городских носильщиков не прикасаться к их мебели.

— А если носильщики все-таки явятся вместе с новым полицейским? — упирался Эрни.

— Не забудь, Эрни, вот этот самый Дарки будет на месте! — заявил Дарки, ударяя себя кулаком в грудь.

— Ничего, мы скрестим с ними шпаги,— поддержал его Том Роджерс.— Итак, утром я и Мэтчис наносим визит миссис Плант.

Собрание на этом кончилось. Том Роджерс проводил Эрни до угла Лердиберг-стрит. Когда они прощались, Том положил руку на плечо Эрни и сказал то, о чем, видимо, не раз размышлял:

— Я знаю, нелегко тебе и Элен, нелегко. Но если мы на этот раз возьмем верх, сколько людей будет спать спокойнее! Ведь на очереди у старухи и я сам, и Дарки... В мире полно горя и несправедливости, Эрни, и только такие люди, как мы с тобой, способны по-настоящему бороться против этого. Только бедные станут помогать бедным.

* * *

Городок Бенсонс Велли еще не знавал ничего подобного. Новый полицейский, сержант Стерлинг, принялся приводить в исполнение судебные приказы о выселении неплательщиков. И вскоре весь город уже следил за маневрами и контрманеврами противоборствующих сторон.

Миссис Плант отказалась от предложенных пяти фунтов: эта сумма, заявила она, не покроет и половины задолженности семьи Лайл; впрочем, она готова принять этот взнос, но уж, конечно, без всякого обязательства с ее стороны аннулировать приказ суда о выселении. Услышав такой ответ, Том Роджерс, естественно, воздержался от вручения ей денег.

Безработные сделали новый шахматный ход: в местную газету «Экспресс» было направлено весьма вежливое письмо, в котором подчеркивалась аморальность таких жестоких актов, как выселение безработных. Письмо составил Том Роджерс, он же и подписал его в качестве председателя комитета безработных, снабдив подпись затейливой завитушкой. Однако на выручку миссис Плант немедленно ринулся Лори Дигдич: он уговорил редактора газеты не печатать письма.

К концу месяца все «за» и «против» бурно обсуждались на перекрестках улиц, у оград домов, в кабачках. Подавляющее большинство горожан стояло за Эрни Лайла — ведь на многих из них тоже лежало бремя задолженности за жилье! Предлагались десятки способов заставить противника отступить. Полковник-Мак-Дугал решительно настаивал на том, что надо забросать кирпичами витрину конторы Лори Дигдича. Мэтчис Андерсон столь же решительно возражал: Дигдич не более как агент, лицо подчиненное, рассуждал он.

— Надо сделать так, чтобы профессия агента по недвижимым имуществам стала опасной профессией,— втолковывал ему Полковник-Мак-Дугал.

Пришлось Тому Роджерсу бросить на весы свой авторитет: необдуманное насилие может только испортить все дело!

Рыжая Макушка-Пиктон и вся его шайка подростков с улицы Лердиберг начали самостоятельные, сепаратные действия. С помощью приятельницы Пиктона, работавшей на телефонной станции, они стали систематически нарушать покой миссис Плант: звонки по телефону поднимали ее с постели в самые глухие ночные часы. Пиктон, неумело подделывая голос, называл себя то сержантом Стерлингом, то советником Таем, то для разнообразия — местным богачом Таннером или просто анонимно угрожал домовладелице всякими муками, если она выселит семью Лайлов. Ночные звонки, впрочем, скоро прекратились: полиция сцапала Рыжую Макушку в телефонной будке у почты, и ему было предъявлено обвинение в нарушении тишины по ночам, распространении зловредных слухов и угрозах по адресу мирных граждан.

Однажды в пивной «Королевский дуб» Аткинс по прозвищу Как-ни-верти выступил с непревзойденным до сих пор юридическим разъяснением по делу семьи Лайлов.

— Как тут ни верти, а дело, скажу я вам, обстоит так: старуха не может их выселить. На стороне Эрни и Элен закон, ибо существует «статус о предельных сроках», как ни верти!

Ругатель-Спарко уставился на Аткинса.

— Какая там еще (непроизносимая вслух) статуя? Ты, наверно, говоришь о той (непечатной) американской статуе Свободы? — спросил его Спарко.

— Я честно скажу, ребята.— Это из-за стойки вмешался в разговор Бац-Маннерс, кабатчик.— Аткинс верно говорит о статусе, а не о статуе. Это такое положение в законе насчет давности и сроков... Вас не могут привлечь к ответственности, если истекло определенное время.

— Как ни верти! — торжествующе закричал Аткинс и выпятил подбородок.— Теперь глядите: Эрни проживает в доме более десяти лет, а задолжал он только за несколько месяцев! Значит, тут вступает в силу закон о предельных сроках, и как ни верти...

Аткинса очень воодушевило веселье и дружные аплодисменты, которыми был встречен его смелый экскурс в область права. Он немедленно предложил и дальше идти легальным путем: нанять местного адвоката Никольсона по прозвищу Попрыгунчик, и пускай он ведет в суде дело Эрни.

Но предложение было отвергнуто единодушно и без прений.

— Попрыгунчик еще ни разу в жизни не выиграл ни одного процесса,— сказал

---

[1] Австралийская карточная игра.

Филипс Воуверман. 1619—1668. ВИД В ОКРЕСТНОСТЯХ ГААРЛЕМА.

Адам Пейнакер. 1622—1673. БАРКА НА РЕКЕ.

презрительно Арти Макинтош.— Вот если бы его подсунуть старухе Плант в качестве адвоката, тогда это было бы на пользу Эрни!..

Том Роджерс попросил всех держаться ближе к делу. Он сказал, что надо поговорить по душам с шоферами грузовиков, которые работают вместе с носильщиками. Один из шоферов, Коротышка-Эшер, присутствовавший на собрании, тут же обещал созвать остальных для дружеской беседы. Почти все шоферы согласились занять позицию нейтралитета в разгоревшемся конфликте и не перевозить мебель Эрни.

— Вот только беда,— сказал Коротышка-Эшер,— есть один владелец грузовика, он работает на нем сам, не нанимая шоферов. Как бы он не испортил всего дела!

* * *

Ровно в полдень первого числа сержант Стерлинг постучался в дверь к Эрни Лайлу и прочел ему какую-то бумагу. Бумага гласила, что в силу решения, принятого судом от такого-то числа, сержант Стерлинг уполномочивается произвести выселение такого-то со всеми домочадцами, личным имуществом, предметами домашнего обихода и прочее и прочее...

Стерлинг очень удивился, когда Эрни, глядя ему прямо в глаза, твердо заявил:

— Меня зовут Эрнест Джон Лайл. Я ничего дурного не совершил. И не имею ничего больше к этому добавить.

Эту формулу сочинил и передал Эрни через Тома Роджерса Полковник-Мак-Дугал. Эрни она казалась магическим заклинанием, способным сразить любого блюстителя закона.

— Только не давай ему перехитрить себя, Эрни! — послышался с противоположного тротуара голос Дарки.

Дарки вместе с Томом Роджерсом держались поблизости, чтобы оказывать Эрни и Элен всяческую моральную поддержку. Судя по виду Эрни, он очень нуждался в этом.

— Желаете вы подчиниться судебному приказу и освободить данное помещение? — спросил Стерлинг.

— Я предлагал миссис Плант пять фунтов, она отказалась их принять,— ответил Эрни.

— Тогда я буду считать, что вы намерены продолжать незаконно занимать это помещение.

— Не отвечай ему, молчи! — посоветовал Дарки.

Стерлинг обернулся и бросил на Дарки испытующий взгляд. Потом он заявил Эрни:

— Хорошо. Если вы завтра к полудню не освободите помещение, делу будет дан законный ход.— Он вышел за калитку, помедлил, потом обратился к Тому Роджерсу:— У меня служба, я человек подчиненный... Закон есть закон. И не советую вам затевать ничего такого...

Когда Стерлинг ушел, Эрни позвал Роджерса и Дарки к себе. Элен подала чай; руки ее дрожали, когда она разливала его в чашки.

— Теперь можете оставить нас в покое,— сказала она почти враждебно.— Мы сегодня же переезжаем. Ты ведь достанешь для нас грузовик, Дарки?

— Но ведь они еще не приперли вас к стенке, Элен! — воскликнул Дарки.— Весь город на вашей стороне.

— Вам хорошо говорить,— возразил Эрни.— Если бы полицейским был попрежнему сержант Флаэрти, у нас была бы какая-то надежда. А Стерлинг вышвырнет нас без долгих разговоров и с превеликим удовольствием.

— Еще не известно, раздобудет ли он грузовик для перевозки вашей мебели,— задумчиво сказал Том Роджерс.— Мы тут замолвили словечко у шоферов грузовых машин и у носильщиков.

Эрни и Элен промолчали. Они были слишком подавлены, чтобы возражать или соглашаться.

* * *

Назавтра в полдень сержант Стерлинг в сопровождении констебля Лоутона, носившего кличку Между прочим, проследовал по Лердиберг-стрит, остановился у дома Эрни Лайла и посмотрел на ручные часы. Группа горожан, включая Тома Роджерса, Дарки, Арти Макинтоша, Полковника-Мак-Дугала и Ругателя-Спарко, наблюдала за происходящим с противоположного тротуара.

По улице прогромыхал и остановился возле сержанта Стерлинга грузовик. На борту его красовалась надпись: «Дж. Вуд. Перевозка грузов».

Том Роджерс подошел к человеку, сидевшему за рулем, и спросил вполголоса:

— Ты понимаешь, что собираешься делать?

— Я зарабатываю деньги,— проговорил неуверенно владелец машины.— Я выполняю то, что велено.

— Кто тебя нанял?

— Миссис Плант.

— Едва ли у тебя будет много работы в городе, когда люди узнают,— сказал, подойдя поближе, Дарки.— Запомни это. Мы поставим у тебя на лбу черную печать, вот тебе весь сказ.

К ним поспешно приближался сержант Стерлинг.

— Прошу посторонних не вмешиваться! Иначе я привлеку вас за противодействие должностному лицу при исполнении обязанностей.

— Мы не противодействуем вам,— возразил Том Роджерс.— Мы просто беседуем с мистером Вудом. Это его право — принять заказ или отказаться от него.

— Да мне ни к чему все это беспокойство! — бормотал, оглядываясь вокруг, владелец грузовика; он был явно испуган.

— Получишь сполна, если не смоешься отсюда! — гаркнул ему прямо в ухо Дарки.

Владелец грузовика повернулся к сержанту:

— Видите ли, сэр, у меня сегодня срочный груз на Мельбурн. Очень срочный. Я ведь только заехал сюда предупредить вас, что занят.

С этими словами он умчался.

— Вы, я вижу, ловкачи,— скривился Стерлинг.— Я хотел помочь Эрни Лайлу перевезти его пожитки в тот дом у реки. Что ж, теперь придется вам, его дружкам, тащить туда мебель на себе. Идем, констебль, возьмемся за дело.

Оба вошли в калитку.

Народу собралось напротив дома уже довольно много, все больше женщины с детьми и старики. Люди держались на почтительном расстоянии и молча ждали.

Сержант Стерлинг постучал в дверь. Когда Эрни открыл ему, оба полицейских молча вошли и скоро снова появились в дверях, неся старый диван. Они вынесли его за ограду и поставили на тротуар.

— Ну что ж, ребята,— негромко сказал Том Роджерс.— Вы, я думаю, знаете, что надо делать.

Арти Макинтош и Ругатель-Спарко подошли к дивану и ухватили его за оба конца.

— Да нет, давайте-ка мне,— сказал подоспевший Дарки. Он с некоторым усилием взвалил диван себе на плечи и понес назад к дому.

Эрни наблюдал за ним из двери. Он не знал, как ему быть, но посторонился, пропуская Дарки, и даже помог ему поставить диван на прежнее место.

Полицейские с помрачневшими лицами снова отправились в дом. Стерлинг появился, таща старое кресло с вылезшими пружинами. Сзади шел констебль Лоутон с овальным зеркалом в руках. На зеркале была старая трещина.

— Полюбуйтесь-ка! — сказал Ругатель-Спарко.— Он (так его и этак) еще и зеркало разбил! Семь лет ему (непечатно) без (непроизносимо) ходить!..— Спарко схватил зеркало, как только Лоутон приставил его к ограде, и побежал с ним обратно в дом.

Обе процессии двигались одна навстречу другой довольно долго. Жители Лердиберг-стрит посылали детишек оповестить друзей и знакомых в других частях города — пусть бегут поглядеть на восьмое чудо света! Скоро толпа выросла до двух сотен человек. Элен Лайл вышла из дома с ребенком на руках и, перейдя улицу, скрылась у соседей, словно не желая больше присутствовать при разыгравшемся состязании. Ей вслед неслись слова ободрения и сочувствия. Постепенно толпа сгрудилась у ограды дома Эрни и заполнила мостовую.

Стерлинг с Лоутоном снова вынесли диван, но Дарки выхватил его у них чуть ли не из рук. Потом они притащили кровать вместе с матрацем и подушками; Арти Макинтош и Полковник-Мак-Дугал немедленно водворили все обратно. Полицейские принялись работать живее, они почти бегали взад и вперед, вынося домашнюю утварь. Но руки уже многих добровольцев немедленно возвращали вещи на место.

— Между прочим,— сказал, отдуваясь и расстегивая воротник мундира, констебль Лоутон,— это ведь может продолжаться круглые сутки. Между прочим.

Стерлинг с трудом просовывал через калитку тяжелый деревянный кухонный стол. Он поставил его на тротуар.

— Если кто-либо прикоснется к этой вещи,— сказал он угрожающе,— я привлеку его по соответствующей статье закона.

В толпе притихли. Тогда Том Роджерс выступил вперед и ухватился за стол. Неся его перед собой на руках, он удачно форсировал калитку. Стерлинг остановил его и вынул записную книжку.

— Ваше имя?

— Вам известны мое имя и адрес,— пробурчал Роджерс и с помощью Эрни внес стол на крыльцо и стал проталкивать его в дверь.

Стерлинг писал что-то в записной книжке.

— Почему вы не даете нам покоя? — закричала вдруг какая-то женщина и дернула сержанта за рукав.— Убирайтесь обратно в ваш Мельбурн! Мы вас сюда не звали!

— Это все старуха Плант! — поддержала ее другая женщина.— Это она подзуживает полицию на такие дела!

— Ну, ну, потише! — сурово сказал Стерлинг.— Вы мешаете нормальному движению по улице. Прочь отсюда, или я и вас запишу!

— Записывай! — взвизгнула та, что дергала сержанта за рукав.— Валяйте! Записывайте меня! Записывайте всех!

По толпе пробежал угрюмый шумок. Все эти люди испытали немало горя, и сочувствие семье Лайл стало перерастать в гнев и раздражение против властей.

Том Роджерс вышел на веранду.

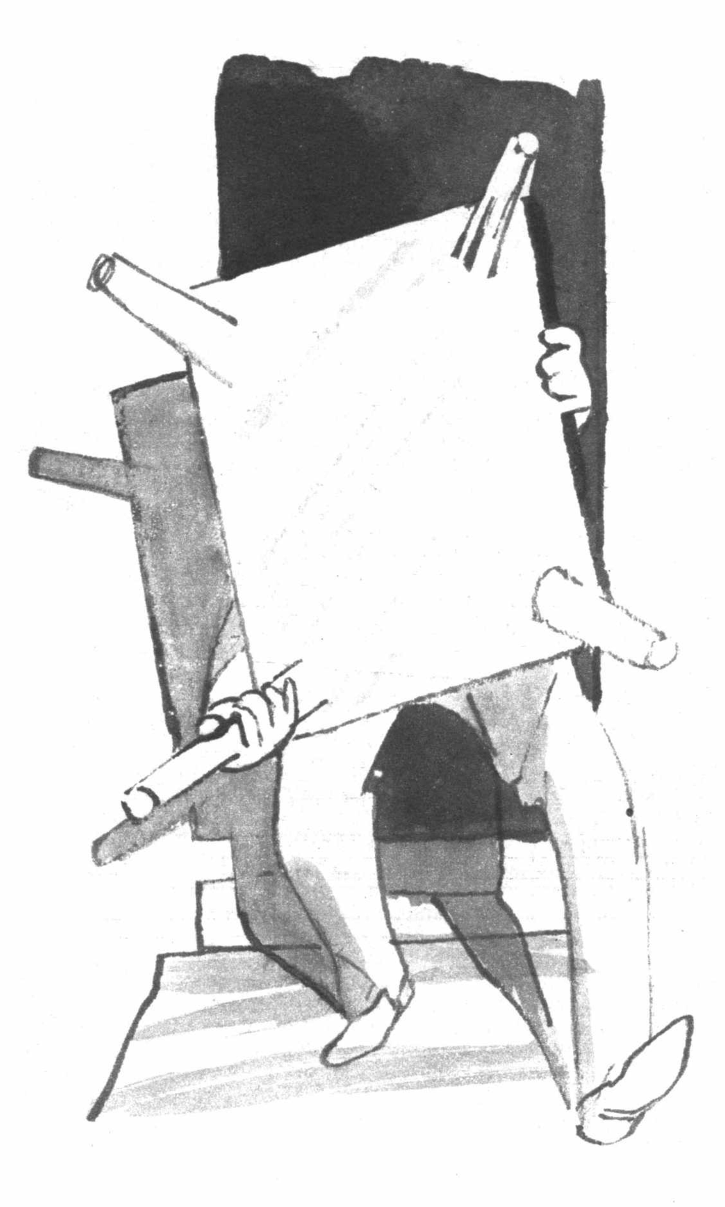
— Одну минутку! — крикнул он.— Все мы нарушаем закон. Но есть несправедливые законы, и их иногда надо нарушать! Если бы миссис Плант удалось выселить Эрни и Элен, никто из нас не чувствовал бы себя в безопасности. Поднимите же руки все, кто согласен поддержать нас! Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока все вещи Эрни Лайла не будут возвращены в дом.

Люди поднимали руки, одобрительными возгласами поддерживали Роджерса, осыпали руганью полицейских. Толпа росла, вновь пришедшие вытягивали шеи, чтобы разглядеть происходящее. Констебль Лоутон был явно встревожен. Сержант Стерлинг хмурился, но стоял перед толпой молча, не собираясь отступать.

— В последний раз предлагаю вам разойтись! — крикнул он, но в голосе его уже не было прежней начальственной уверенности.

— Давай, давай! — усмехнулся Том Роджерс.— Если потребуется, мы будем таскать вещи весь день и всю ночь. И у нас хватит добровольных помощников. Вы устанете раньше нас!

— Следующий ход теперь за домовладельцами,— заключил Том Роджерс.— Только мне кажется, что не скоро увидим мы в нашем городе новое выселение неплательщика!..

* * *

Сержант Стерлинг совещался с миссис Плант и Лори Дигдичем.

— Мы не можем допустить оскорбление закона,— говорил Стерлинг.— Я могу вызвать полицейские подкрепления из Мельбурна.

Миссис Плант не желала ничего лучшего. Она была очень расстроена и чуть не со слезами говорила, что если история на Лердиберг-стрит пройдет даром смутьянам, никто из ее жильцов и не подумает платить за квартиры.

Но Лори Дигдич держался другого взгляда.

— Будем осторожны. Тут дело может дойти и до кровопролития,— сказал он.— Посоветуемся сначала с мистером Таем.

Он позвонил городскому советнику, который и сам был немало напуган событиями. Тай посоветовал не предпринимать ничего, пока не улягутся страсти. Стерлинг же настоял на том, чтобы Том Роджерс был привлечен к ответственности немедленно.

Прослышав об этом, штаб безработных спешно собрался в своем сарае и принял резолюцию, требующую немедленного прекращения дела против Роджерса, а заодно и против юного Пиктона. Это дополнение к резолюции было принято после того, как Полковник-Мак-Дугал в трогательных выражениях изобразил беспокойного подростка как невинную жертву полицейской расправы.

Борьба разгоралась. Отголоски ее дошли до Мельбурна. Оттуда шли письма и телеграммы с выражением сочувствия и обещанием поддержки. Вскоре в Бенсонс Велли пожаловал инспектор мельбурнской полиции. Он надолго заперся с сержантом Стерлингом, после чего обвинение против Тома Роджерса было снято. Что касается Рыжей Макушки-Пиктона, то его приговорили к пяти фунтам штрафа, но предупредили, что могут еще привлечь за оскорбление власти — оказывается, он совершил какую-то непотребность в камере,— и тогда ему не миновать исправительного лагеря.

Штраф за Рыжую Макушку-Пиктона уплатил все тот же штаб безработных. Андерсону пришлось для этого устроить целых две лотереи, новый турнир в юхр и вдобавок самодеятельный вечер песни.

Лори Дигдич пригласил миссис Плант к себе в контору.

— Мне кажется, я нашел выход,— сказал он.— У вас есть большой кусок земли по ту сторону реки, возле Диллингли. Там вы уже заложили фундамент для дома. Так вот, перевезите туда целиком дом, где живет Эрни Лайл, и поставьте на фундамент. А на фундаменте дома Лайла возведите новый и поселите там вашего жильца.

Миссис Плант последовала этому мудрому совету. Он спасал ее престиж суровой и требовательной домовладелицы. Правда, потребовались некоторые затраты, но она скрепя сердце пошла и на это. Из Мельбурна было доставлено специальное оборудование и мастера, понаторевшие в передвижке небольших домов.

Когда наступил назначенный день, миссис Плант и Лори Дигдич не стерпели и сами отправились в машине поглядеть на необычное зрелище. Сержант Стерлинг и констебль Лоутон тоже не преминули присутствовать на случай какого-либо нарушения порядка. Не пришли только Том Роджерс и Дарки — им было не до зрелищ: на этот день был созван митинг в поддержку безработных.

Ограда вокруг дома была аккуратно снята. Под дом, заранее поднятый домкратами над фундаментом, подвели платформу на колесах, и мощные тягачи потащили дом по шоссе, к новому месту.

Когда дом проплывал мимо миссис Плант, она заметила ребячий нос, прижатый к стеклу кухонного окна.

— Смотрите! — воскликнула она.— Они даже не вышли из дома. Как это вам нравится?!

Дигдич вылез из машины, подошел к дому, заглянул в окошко и развел руками. Да, действительно, вся семья Лайл восседала вокруг стола в кухне...

* * *

Так произошло в городе Бенсонс Велли изгнание Эрни Лайла — вместе с домом, домочадцами и мебелью — изгнание на другое, более живописное место, с хорошим видом на реку. Когда переезд закончился, Эрни, говорят, вздохнул и сказал с некоторым сожалением:

— Все-таки лучше бы остаться на старом месте. Нам не пришлось бы там платить по счетам за электричество!

Перевел с английского

Л. Чернявский.

Стерлинг сжал кулаки.

— Я привлеку вас, Роджерс.— Он повернулся к толпе.— Роджерс — коммунистический агитатор. Не давайте ему водить вас за нос!

В толпе многие замолчали.

Дарки поднял руки и закричал во всю мощь легких:

— Я с детства живу в этом городе. И заявляю: Том Роджерс — самый справедливый и честный человек, какого я видал в жизни! Уж во всяком случае почище Стерлинга или Тая. Нам надо держаться дружно, ребята!

Искренние слова Дарки подействовали. Толпа стала напирать на полицейских, отделяя их друг от друга. Дарки изловчился и рявкнул Лоутону прямо в ухо:

— Убирайся отсюда да прихвати и начальника!

— Послушайте, сержант,— бормотал Лоутон, ища глазами Стерлинга.— К чему, между прочим, таскать на улицу эту рухлядь? Они ведь будут вносить ее обратно, между прочим...

Сержант Стерлинг помедлил, потом стал проталкиваться сквозь толпу. Лоутон радостно устремился за ним.

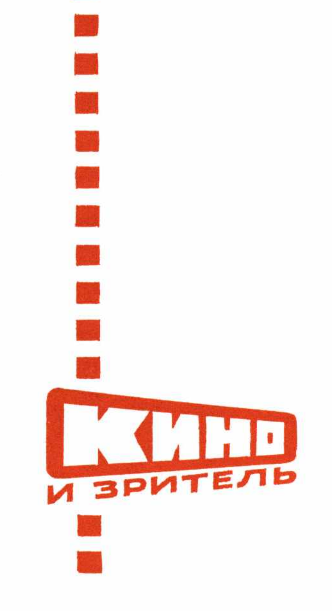
— Предупреждаю вас, делу будет дан законный ход! — крикнул Стерлинг уже издали.

Пыль на поле боя улеглась, но генеральный штаб противоборствующей стороны не стал считать раны. Надо было готовиться к следующей схватке. Роджерс тут же выступил с речью. Это был самый многолюдный митинг, какой удавалось созвать в Бенсонс Велли комитету безработных. В заключение он поздравил Эрни и Элен Лайл, отдал должное их мужеству и преданности общему делу, а также поблагодарил всех добровольных участников выигранного сражения.

ОТКРЫТИЕ ЧУВСТВ

Сергей БОНДАРЧУК,
кинорежиссер, лауреат Ленинской премии

В последнее время многие с серьезным видом стали «спорить»: кто к кому должен идти навстречу — художник к зрителю или зритель к художнику. А тут еще и хождение «теорийки» о том, что непонятность будто признак гения...

Не знаю, как для кого, но для меня пустой кинозал — трагедия. И я убежден: настоящего художника не может не взволновать то, что его фильм почему-то не воспринимается зрителем... Я думаю также, что художники должны всегда и возможно чаще встречаться с читателями, слушателями, зрителями. Встречаться как требовательные друзья, разговаривать как добрые собеседники. И при этом помнить об общем интересе к искусству, несущему людям высокие идеалы.

Меня волнует вопрос, который я часто слышу от зрителей: «Почему у нас до сих пор еще много картин средних, слабых и просто плохих?» А в среде кинематографистов приходится слышать тревожные разговоры, что вот, мол, чего ждать от зрителей, если «Крепостная актриса» имеет у них успех!

Давайте же попробуем вместе во всем этом разобраться.

Кино и зритель — проблема важнейшая. И, конечно, не без причины о ней много говорят и спорят... И спорят не только у нас. На Западе тоже. Но решается эта проблема у нас и у них совершенно по-разному. Буржуазному кинематографу, преследующему коммерческие цели, нет никакого дела до творческой индивидуальности художника. Лишь бы деньги. Как можно больше денег!.. Я уже писал как-то, что в разговоре с одним очень известным американским кинорежиссером мне пришлось услышать от него: «Публика? Дура!»

Я думаю, что понял его правильно. Очевидно, этот человек давно уже забыл о том, что такое настоящее, большое искусство. А теперь пробует свалить вину с больной головы на здоровую.

Настоящее искусство всегда и везде делается с уважением к человеку. Конечно, на Западе даже прогрессивный кинематографист должен думать о коммерческом успехе своего фильма. В противном случае ему не удастся заручиться поддержкой продюсера, а значит, не удастся получить деньги на постановку следующего фильма. Вот, наверное, почему даже многие талантливые зарубежные режиссеры не брезгуют порой дешевыми приемами.

И мы заинтересованы в прокате. И у нас речь идет о том, чтобы наши фильмы посмотрело как можно большее количество зрителей. Но никто не требует от нас, чтобы мы добивались этого, шли к этому через идейный или художественный компромисс...

Когда художник думает о человеке — читателе или зрителе,— любит и знает его,— только тогда ему удается создать произведение, близкое и понятное людям, являющее миру особенности художественного мастерства.

Что же в конечном счете определяет успех или неуспех фильма?

По-моему, в основе любого произведения искусства всегда лежит открытие. Это — открытие человека, героя. Открытие мира. Открытие чувств.

Если зритель узнаёт в картине — как нечто для себя новое — тех людей, рядом с которыми он живет и трудится, видит в них душевные, нравственные черты, достойные восхищения и подражания,— успех фильму обеспечен.

Люди знали, что жил на свете Чапаев; но только бессмертный фильм сделал Чапая любимцем миллионов. Все знали о подвиге молодогвардейцев. А фильм о молодогвардейцах открыл всему миру их душевную красоту, отвагу и бесстрашие, их любовь к жизни, гордое умение презирать смерть. И все мы, узнав простых и честных ребят, юношей и девушек, полюбили их, приняли навсегда в свое сердце. Они наши современники, однако их облик уже стал достоянием истории.

Конечно, это не значит, что по образцу Чапая либо молодогвардейцев теперь будут «делаться» все герои кино.

Советское реалистическое искусство, добиваясь создания образа положительного героя,— нашего современника, исходит из того, что этот герой не схема, но всегда новый, всегда живой человек со всеми присущими его характеру и его времени особенностями. Еще интереснее, когда это характер сложный, многогранный. И не нужно бояться, что кому-то он вдруг может сначала показаться «не совсем» положительным, и поэтому будет поставлена под сомнение его воспитательная ценность.

Вспомните, как написан у Толстого Андрей Болконский. В первых главах романа князь Андрей наделен такими чертами, которые вызывают у читателя мысль, что это человек страшный, крайне эгоцентрический. А ведь именно Болконский постепенно вырисовывается как один из главных положительных образов «Войны и мира», как идеальный герой.

Поиски героем самого себя, выявление глубокого нравственного смысла жизни, внутренние сомнения, поиски, разочарования и находки — вот всегда путь становления положительного героя у Толстого. Героя человечного, с богатой и живой душой. И я думаю, что, несмотря на все различие эпох, несмотря на то, что внутренний мир человека изменился весьма существенно с изменением своего времени, требование Толстого знать и понимать прежде всего духовный облик героя, уметь раскрывать его бесстрашно в его сложностях, в его сдвигах остается, как и прежде, применимо ко всякому искусству. И к современному тоже.

Я вспоминаю, что произошло, когда впервые я показал нескольким членам комиссии едва оконченный мною фильм «Судьба человека». Они тогда предложили мне изменить известный ныне зрителям финал картины, сделать возвращение Андрея домой и все последующие события более «светлыми». Я отказался. Во-первых, не так было у замечательного, любимого мною писателя Михаила Шолохова. А во-вторых, я считал, что финал и рассказа и фильма именно и есть светлый, оптимистический финал! Только оптимизм, жизнеутверждение не поднесены зрителям «на блюдечке с голубой каемочкой».

И больше всего, яснее всего, мне кажется, именно в финале видно, что Андрей Соколов победил зло и смерть, воплощенные в фашизме, оставшись человеком, у которого есть еще в душе неисчерпаемые запасы добра для других!

Андрей ведь и сам, конечно, больше всего хотел отдохнуть в родимой хате и возродиться к жизни,— увидев близких,— радостным, обновленным... Шолохов же решает свою проблему трагичнее, но уважительнее к Андрею — к герою нашего времени вообще. Соколов, подобно тысячам людей, обездоленных войной, остался совсем один — без единой близкой души. Но мальчонка Ванюшка на пути Соколова — это не милостыня судьбы Соколову, а новый труд, новая борьба, если угодно, новый подвиг Соколова. Жизнь обрела для него новый смысл: есть для кого жить! А жизнь в представлении таких, как Соколов, только хороша своим внутренним смыслом, своими большими задачами.

Таким знаю и люблю я сам своего Андрея Соколова. Хотя приходилось мне слышать от иных критиков по адресу Соколова, что это, мол, образ «не совсем» положительный. Я же, работая над картиной как режиссер фильма и как актер — над образом Андрея, был полностью проникнут ощущением, что Шолохов, подобно Толстому, копает источники человеческого добра в самой гуще народной жизни, ничего в ней не выдумывая, но глубоко осмысливая ее...

О таких героях Толстой сказал, что они обладают скрытой теплотой патриотизма. И для меня очень важно было сохранить эту скрытую теплоту, дать ощутимо почувствовать ее в Соколове, который тоже ведь проявляет сдержанно, мужественно свой патриотизм — глубочайший патриотизм советского человека. Проявляет не на словах, а на деле, как присуще это русским людям, когда попадают они в трудные, а то и вовсе трагические жизненные обстоятельства.

И когда ток добра и света, ток, источаемый сильной человеческой душой, идет к зрителю с экрана без подсказки, но как бы по законам самой жизни, иной зритель, быть может, и задумается: «А что хорошего сделал людям я?»

Эта мысль, это чувство незаметным толчком отзовется в человеческом сердце и обогатит его. Именно так, исподволь, незаметно, воздействует настоящее, большое искусство на человека, и он, часто сам того не замечая, становится лучше, сильней.

Мне кажется, что для нашего современного кинематографа критерий жизненной правды приобретает с каждым днем все большее значение. Но тут иногда возникают глубокие недоразумения. Забота о достоверности многое сейчас меняет в технике и принципах киносъемки. Как говорится, меняет не по дням, а по часам. Однако дело все же не в технике, хотя некоторые кинематографисты считают, что современным будет, например, только тот фильм, который снят самой усовершенствованной ручной камерой.

По-моему, секрет успеха совсем не в этом! Вернее, не только в этом.

Теперь уже все посмотрели превосходный

фильм «Гамлет». Он снят Григорием Козинцевым в общем-то традиционно. И тем не менее я могу утверждать, что эта картина гораздо дороже и ценнее тридцати других, вместе взятых, «нетрадиционных» фильмов, где демонстрируются чудеса современной кинотехники, но зато нет ни одной интересной, а главное, большой, нужной людям, своей мысли.

Что делает картину «Гамлет» фильмом по-настоящему современным?

Правда философской и художественной концепции. Правда характеров и обстоятельств. Опять-таки не навязываемая художником зрителям, а глубоко скрытая в самой сути всего происходящего. Эта правда не лежит на поверхности. Зритель извлекает ее самостоятельно, улавливает высокие мысли шекспировских героев и обогащается ими, становясь участником творческого процесса. Он смотрит на экран не бездумно, не в поисках пустого развлечения. Фильм несет ему радость мысли. Радость познания...

Вы, конечно, согласитесь: личность художника во многом определяет характер творчества.

Каким же большим, чистым и добрым должен быть человек искусства — сам художник! И поэтому художника тоже нужно воспитывать. Почему я говорю об этом? Вот почему. Сразу после войны мы начали учиться в мастерской Сергея Аполлинарьевича Герасимова. Я никогда не забуду, как заботливо учил он нас самому главному—чувству коллективизма, товарищества. Никогда не забуду, как снималась «Молодая гвардия»: мы все одинаково стали соавторами этой картины. Мы помогали друг другу чем могли и как могли. В перерывах между труднейшими съемками читали стихи, шутили, смеялись, вели откровенные беседы о жизни. Так родилась дружба, которую многие из нас пронесут через всю жизнь. И такая дружба необходима. Без нее нельзя работать...

Я не думаю, что от зрителя нужно скрывать «тайны кинематографической кухни». Пусть он знает, что и у нас, художников кино, есть свои сложности, свои сомнения, тревоги. Нас волнует не только то, как наши фильмы принимает зритель, но и многое другое. Например, отсутствие хороших, талантливых сценариев. А плохие роли — примитивные, лишенные мыслей — киноактер, если только он настоящий, талантливый, большой актер, не хочет играть! И постепенно он — именно в силу хороших своих качеств — вообще перестает сниматься, не желая терять уважение и любовь зрителей.

Вот почему многие актеры так редко появляются на экране...

Я сам прежде всего актер. Поэтому меня волнует любой разговор о проблеме актерского мастерства. Я считаю, что самое высокое и ценное в нашей профессии — это когда персонаж и исполнитель будто сливаются воедино, воспринимаясь отныне зрителем как один человек. Но еще и еще раз скажу: успех всегда зависит от роли, от качества драматургии. Зритель должен знать об этом! Хорошая роль может воспитать актера. У нас иногда, к сожалению, бывает наоборот: актер оказывается умнее и талантливее той роли, которую он играет. Понятно, что на таких ролях актер не растет, а уже безуспешно повторяет сам себя.

Мне как актеру посчастливилось. Я сыграл замечательные роли — Шевченко, Отелло, Дымов, Соколов... И все же я неудовлетворен. Я чувствую, что мог бы играть чаще, больше.

Наверное, это одна из причин того, что я обратился к кинорежиссуре, которая дает художнику огромную возможность сказать людям о том, что его волнует.

В Толстом я открываю для себя все снова и снова бесценные сокровища мысли.

Экранизируя «Войну и мир», я представляю, что герои Толстого понятны и близки нам с вами — современникам. Поэтому для меня не так важно одеть статистов в лапти, как создать фильм, где был бы передан самый дух этого глубоко национального, патриотического произведения.

Но — признаюсь зрителям,— работая над Толстым, думаю о фильме, в основу которого легла бы удивительная история жизни Константина Феоктистова — первого в мире советского ученого-космонавта, настоящего героя нашего времени.

Есть у меня еще одна мечта — когда-нибудь снова вернуться к героям Шолохова...

Майя РУМЯНЦЕВА

Лирика

У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Над площадями ты вставал живой,
В распахнутом пальто,
С открытой головой.
И от империи
летели
перья.
Была империя — и нет империи.
...Последний самодур
с шальной пролетной тройки
Бросает пятаки,
как на помин души.
Последний фабрикант
под бурю забастовки
Последние
считает барыши.
И глаз заплаканный
притихшего притона.
Последний раз
униженный
качается.
И царь — уже не царь.
И царство — вне закона.
Продажная
империя
кончается.
И это все для поколений память.
Вот памятник.
И алое полощется...
Тебя не из гранита
надо ставить —
Из голосов,
бушующих над площадью...
Я знаю больше,
чем скульптура скажет.
Я знаю голос твой,
Твое движенье
каждое.
Я знаю жизнь твою,
И тяготы гоненья,
И этот
проклятый веками пистолет.
...Я знаю,
где болит
твое раненье,
Которого
на всех скульптурах
нет...
Над площадями
ты стоишь живой,
В распахнутом пальто,
с открытой головой.
На перекрестке
четырех ветров
Ладонь твоя широкая
застыла.
...Я подойду,
Я застегну твое пальто,
Чтобы тебе
теплее
было...

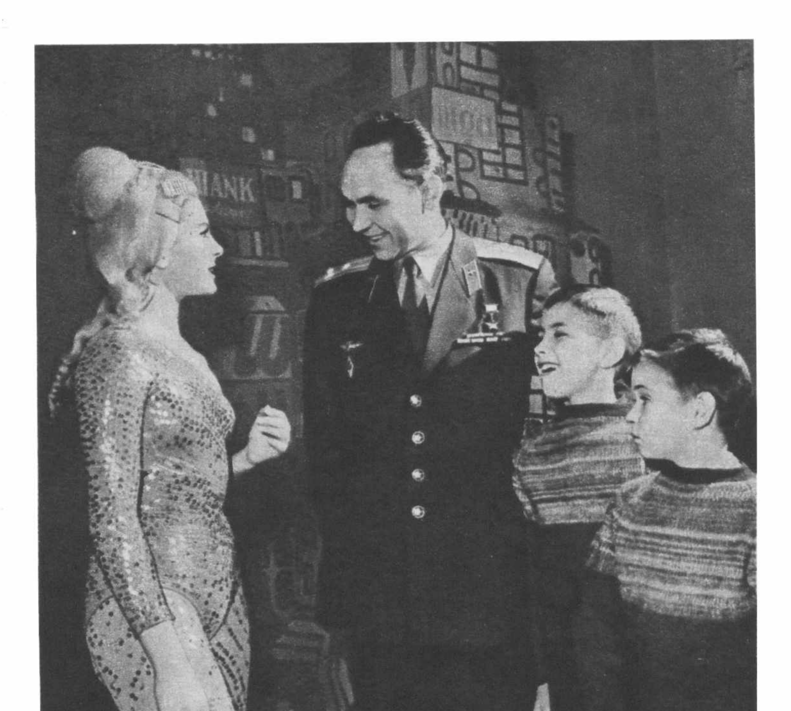
ПОЗДНЕЕ ОПРАВДАНИЕ

(Короткая поэма)

1

Говорят, что бабка Прасковья
Была первой красавицей здешней
И жених был,
конюх кудрявый,
Да погиб от коня на выгоне.

ОБЕЩАННАЯ ВСТРЕЧА

В антракте поздравить Таню Катковскую, солистку молодежного украинского ансамбля «Балет на льду», пришел Герой Советского Союза Георгий Мосолов.

Не так давно Таня лежала в больнице с серьезной травмой. Там же лечился и Мосолов после тяжелой катастрофы. Он ободрял девушку, уверял, что оба они непременно вернутся в строй: он снова поднимется в воздух на самолете, она, трехкратная чемпионка Москвы по фигурному катанию, будет вновь выступать на льду. Георгий пообещал Тане: он обязательно придет на ее первый концерт.

И вот — обещанная встреча.

На концерт во Дворец спорта Георгий Мосолов пришел с сыновьями; младшему всего 8 лет, но уже три года он занимается фигурным катанием.

О. ЗАХАРОВА

Фото В. Трепетова.

Убивалась. Собрали приданое
Да за Прошку
рыжего
выдали.
Он наматывал косы на руку.
«Потаскуха!.. Шлюха!» — кричал
И из душной
ситцевой спаленки
На мороз
босиком
выгонял...
— Сын не мой!..— гремел басовито.
— Твой, поверь... Не виновна я...
Сколько слез было в снег пролито,
На щеках прогорело огня!
Сколько раз под дождями мокла,
Под полою сынишку пряча...
...На селе
бабы добрые охали.
На селе
бабы злые судачили...

2

Говорят, что бабка Прасковья
Была первой красавицей здешней...
В тридцать лет морщины глубокие
Да седые брови
подковой.
Говорят, что была ясноокою,
Да ослепла от слез Прасковья.
Может, рада была Прасковья
Вдруг не видеть
глаз мужа зеленых

И не видеть
рыжие брови
Да над бровью
родинку черную.
Говорил он: «Держу из милости».
Говорил он: «Кормлю не свово».
Только б сына,
ей думалось,
вырастить,
И терпела все ради него.

3

Нынче в доме идет веселье.
Подарила невестка внучка,
И летают
над всем селеньем
Смех да гомон
да песни звучные.
Эх, Прасковья, белые волосы,
Сколько прожито тяжких лет!
Слышит бабий говор вполголоса:
— А внучонок-то — вылитый дед.
Говорят, что рыжие брови,
А над бровью — родинка черная.
Что ж ты плачешь,
бабка Прасковья,
Над притихшим своим внучонком?..

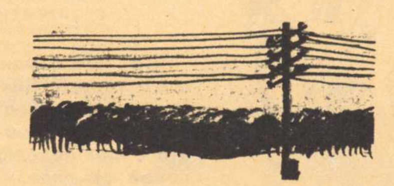
Не унять,
не сдержать рыданий.
Плачь!
Выплакивай жизнь свою!
Это позднее
оправданье —
Как награда
за скорбь твою.
Прохор смотрит на бабку
незрячую,
Будто что-то недосказал.
Прохор, Прохор,
куда же ты спрячешь
Подобревшие вдруг глаза!..
Пейте, гости, за мир с любовью,
За оболганных и безгрешных!
...Говорят, что бабка Прасковья
Была первой
красавицей здешней...

* * *

Трубочистом в детстве
пугали.
Говорили: «В трубу унесет...»
А дрова в печи затихали,
В горле труб
молчал дымоход...

И тогда
приходил он, черный,
Как из сказки
какой-то страшной,
Трижды руганный,
Трижды копченный,
улыбался ребятам странно...
И пугающе вдруг слепила
И белков
И зубов белизна...
И тогда
непонятная сила
Вдруг из комнаты нас несла...
Пусть простят мне
детство несмелое,
Пусть простят мою веру в небыль...
...Трубы — это соединение
Малых печек
с огромным
небом...
И теперь я знаю, как трудно,
Если очень высокие
трубы...
И теперь я знаю, как мудро
Прокопченным стоять на ветру,
Тягу дымную
дерзко и шумно
За собою
позвать
в высоту...

Кто сказал, что печи без звука?
В них огонь распляшется рьяно —
Донесется до вашего слуха
Широта и размах
органа...
Расскажите же глупому детству
Про волшебников
добрых и черных,
Тех,
Кто в печи
приносит
песни
На плечах своих
прокопченных...

ПОЕЗДАМ

Ненавижу я вас, поезда,
Потому что
несете
разлуку,
Потому что поют провода,
Когда в горестном
трепете
руки...
Не люблю я
измученность рельс:
Ведь крутые их
повороты
Не на землю
падают
здесь —
На мою тоску да заботу...
Тяжело паровоз пыхтит,
Человечьим вдруг чем-то
растрогал...
Друг железный... Ты мне возврати
Мое счастье из дальней дороги...
Я приду...
Я приду на вокзал...
Среди рук,
среди лиц незнакомых
Буду долго искать глаза,
Без которых тоскливо в доме...
Как люблю я вас, поезда,
Потому что вы против разлуки...
Потому что поют провода,
Когда в радостном трепете
руки...

ПАРИКМАХЕРСКАЯ НА КОЛЕСАХ

Ранним утром, каждый раз в одно и то же время, выезжают со двора комбината бытового обслуживания Харьюского района один за другим два автобуса. Автобусы как автобусы, от обычных отличаются лишь тем, что на окнах белеют занавески да нет номера и маршрутной таблички. Зато если заглянуть внутрь...

До выезда остается несколько минут. Израель Ильме проверяет свое хозяйство: салфеток достаточно, бигуди тоже, лак для волос, отвар льняного семени, одеколон... Включает сушильные аппараты — исправны.

Идут приготовления и за перегородкой. Орудия производства здесь: молотки, гвозди, иголки, дратва да кожа разных цветов... Словом, все для ремонта обуви.

Сегодня один автобус держит путь в бригаду «Каяка» колхоза Вихтерпалу. Другой с нетерпением ждут в совхозе «Соммерлинг». И тут и там работы предстоит много.

Сейчас по дорогам Эстонии ездит тридцать таких автобусов, а вскоре Тартуский авторемонтный завод приступит к серийному выпуску передвижных филиалов комбинатов бытового обслуживания. В прицепе к автобусу будут приемные пункты химчистки, пошивочных ателье, разных ремонтных мастерских.

Н. СЛАВИНА

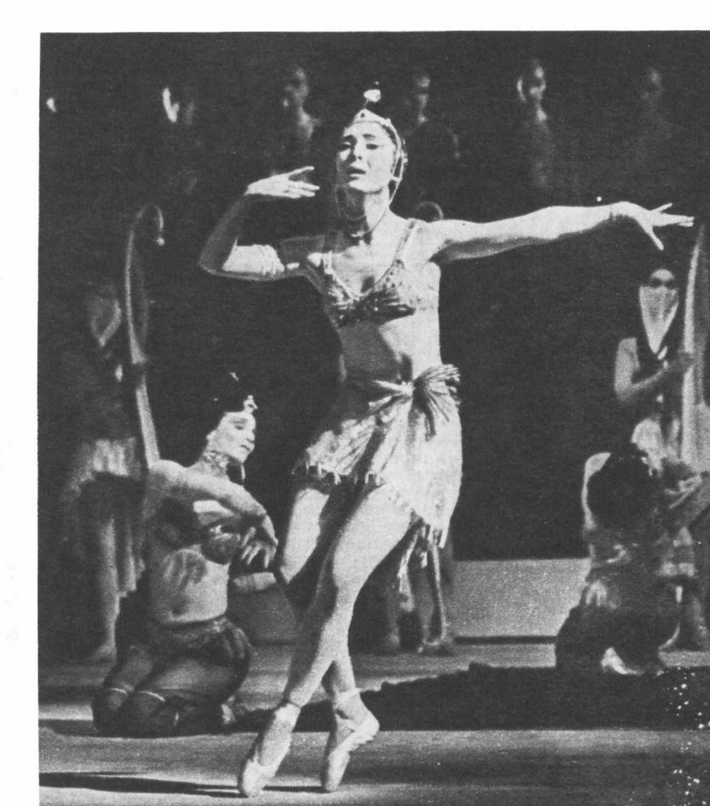
ЛЮБОВЬ, ПЕРЕЖИВШАЯ ВЕКА

Большой театр показывает премьеру — «Лейли и Меджнун» (см. первую страницу обложки). Композитор Сергей Баласанян и либреттисты К. Голейзовский и Сергей Ценин создали новую музыкальную редакцию балета.

Прекрасный знаток танцевального искусства постановщик К. Голейзовский строит спектакль красочно, образно; интересные дуэты главных героев сменяются развернутыми сценами, рисующими нравы и обычаи того далекого времени. Действие происходит на фоне легких, воздушных декораций художника Г. Епишина.

Нежную, любящую Лейли, отстаивающую право на счастье, показывает Раиса Стручкова. Танец ее привлекает женственностью, изяществом, не говоря уж об отточенности отделки. Талантливо передал и В. Васильев характер юноши Кайса,— его самоотверженную любовь, ни перед чем не знающую отступления, пережившую века.

Ар. ГРИГОРЬЕВ

Лейли — народная артистка СССР Раиса Стручкова.

Фото Е. Умнова.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ с Виктором?

Рассказ

Владимир ЛИФШИЦ

Что происходит с электриком нашего гаража Виктором Малышевым? Этот грубый, неотесанный малый меняется буквально на глазах. Началось это с ним неделю назад, когда в столовой со словами «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас!» он пропустил вперед мойщицу Марусю и та от неожиданности чуть не уронила поднос. Да и сам Малышев удивился своим словам не меньше Маруси — с полминуты стоял, растерянно глядя ей вслед.

На другой день выдавали получку. Подойдя к кассе, Витька вместо обычного «Ну как, скрипишь еще, старый хрыч?» обратился к кассиру со следующими странными словами:

— Здравствуйте, Матвей Петрович, добрый день! Как ваше здоровье? Выглядите вы превосходно. Будьте любезны, покажите, где я должен расписаться...

Все прямо-таки остолбенели, услышав эту тираду, а Матвей Петрович — тот высунул из окошечка покрасневшую от негодования лысину и закричал:

— Ты мне брось юморески строить!.. Мальчика себе нашел!.. Расписался, получил — и отваливай!..

Что касается самого Витьки, то на него просто жалко было в эти минуты смотреть. Получив деньги, он криво усмехнулся и пошел было от кассы, но тут же вернулся и неуверенно произнес:

— Большое спасибо, Матвей Петрович. Всего вам доброго. Привет вашей супруге!

И ушел, втянув голову в плечи, при общем сочувственном молчании.

Кто-то высказал предположение, что Витька в обед «принял», но всем было известно, что за Малышевым на работе такого не водится. Сошлись на том, что Витька либо влюбился, либо заболел.

Это последнее предположение энергично поддержал на другой день кладовщик дядя Саша.

— Ребята,— сказал дядя Саша двум слесарям, когда они пришли за инструментом,— электрик-то наш... того...— И он выразительно повертел указательным пальцем у виска.

— А что?—спросили слесаря, переглянувшись.

— А то, что втулка ему понадобилась. Ему бы, как всегда, сказать: «Гони, кривой черт, втулку!»— а он вместо этого: «Будьте добры... пожалуйста... благодарю вас!..» Даже напугал, честное слово!

— Вот и мы замечаем за ним это самое,— сказали слесаря.— Словно подменили парня. Вежливый стал — прямо спасения нет. А за инструмент спасибо, дядя Саша!

Короче говоря, за одну какую-то неделю Витька Малышев — самый отчаянный в гараже сквернослов — стал образцом вежливости и предупредительности. Вначале у него наблюдался даже некоторый перебор вежливых слов и выражений, да и употреблял он их не всегда к месту: то вместо «спасибо» скажет «пожалуйста», то вместо «пожалуйста»—«не стоит благодарности». Но к концу недели все вошло в норму. Ну, а вежливые слова потянули за собой и вежливое обхождение.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ВМЕСТО МЕЧЕЙ — ЗОНТИКИ

В гардеробе британской палаты общин на каждой вешалке под крючком находится небольшая петля из красной кожи. Раньше на нее депутаты вешали свои мечи, а сейчас — зонтики.

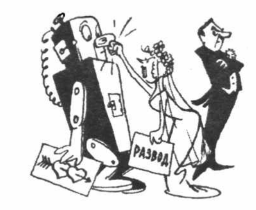

ГОВОРЯЩАЯ ЗУБНАЯ ПАСТА

Шведская фирма по производству зубной пасты «Хуз» придумала оригинальный способ рекламировать свой товар. При отвинчивании крышки тюбика приятный женский голос произносит: «Употребляйте только зубную пасту «Хуз». К крышке прикреплен кусочек пластика, на котором записаны эти слова. При повороте крышки миниатюрная иголка, проходя по канавке записи, воспроизводит звук.

ЭЛЕКТРОННЫЙ БРАК

Первый электронный брак в США оказался несчастливым. После сложных расчетов универсальная электронная машина установила, что Джон Керан и Барбара Смит, оба из Лос-Анжелоса, представляют собой идеальную брачную пару. Барбара и Джон отнеслись с доверием к электронике и вступили в брак. Однако спустя шесть месяцев молодожены развелись. Барбара заявила: «Старый способ заключения брака мне кажется более надежным, чем электронный».

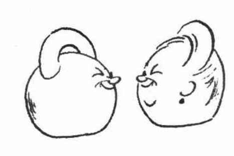
ЧТОБЫ НЕ СКУЧАЛИ

Все спасательные шлюпки французского флота будут снабжены колодой карт, завернутой в клеенку. По мнению психологов, самое страшное для потерпевших кораблекрушение — это скука, которую можно развеять игрой в карты.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ АВТОМОБИЛЬ

В витрине лондонского магазина, торгующего автомобилями, на одной спортивной машине висит реклама: «Если бы Шекспир был сейчас жив, он бы наверняка выбрал себе эту машину, так как в ней есть что-то драматическое».

КЛУБ ТОЛСТЫХ ЖЕНЩИН

В Париже уже несколько лет существует Клуб толстых женщин. По случаю выдачи тысячного членского билета состоялось торжество, во время которого председательница клуба Гадон Перье (вес — 194 килограмма) вручила своим подругам воззвание: «Толстухи, не стремитесь похудеть! Знайте, что полнота — не минус для женщины».

Все дамы из этого клуба в сумме весят 135 тонн.

— Я же говорила, его надо было угощать после того, как он установит оборудование.

Рисунок В. Воеводина.

— И давно вы меня ждете?

Рисунок А. Грунина.

Возвращаемся мы как-то с работы. Едем вместе в автобусе. Народу тьма. Толпа выносит к нам какую-то старушку. Мы сидим, она стоит. Раньше бы Витька что сделал? Отвернул бы физиономию в сторону. А сейчас не успел я приподняться, как он уже вскочил — уступает место:

— Прошу вас, садитесь, пожалуйста, я постою.

Та говорит: «Спасибо, сынок» — и садится. А Витька стоит,— держится за ручку.

— Слушай,— говорю я ему, тоже уступив место пожилому гражданину,— что с тобой случилось?

— Сам не понимаю. Я это все делаю механически, словно реле какое-то во мне срабатывает. Но, знаешь, приятно. Ты к людям с уважением, люди к тебе с уважением. Честное слово, приятно. Я уже во вкус вошел.

Малышев — он ведь, в общем-то, и прежде неплохой был парень, добродушный.

Приехали в общежитие. Попрощались. Разошлись по своим комнатам. Он в другом конце коридора живет, со слесарями.

Встаю я ночью с постели и иду по коридору. И вижу этих самых слесарей, что живут с Витькой в одной комнате. Оба сидят на подоконнике — курят. Слово за слово, я им про Витьку, какая с ним приключилась метаморфоза, чудеса, да и только!

— Пора бы тебе знать,— важно говорит один из соседей,— что чудес не бывает. Читай «Технику — молодежи». Любое явление природы можно объяснить научно.

— Даже то, что произошло с Витькой Малышевым?

— Даже и это. Молчать умеешь? Пошли!..

Повели меня слесаря в свою комнату. Иду за ними и сгораю от любопытства.

Входим. Горит ночничок. Две койки пустые, на третьей под байковым одеялом спит Витька Малышев. У изголовья стоит стул, на стуле — магнитофон системы «Яуза-5»; он включен и негромко, но убедительно, на разные голоса произносит одну и ту же фразу: «Не откажите в любезности», «Не откажите в любезности», «Не откажите в любезности». И так раз двадцать или тридцать. А потом, после небольшой паузы, начинает вкладывать Малышеву в ухо другую фразу: «Благодарю вас», «Благодарю вас». Витька забормотал что-то во сне, а магнитофон: «Садитесь, пожалуйста, я постою», «Садитесь, пожалуйста, я постою...»

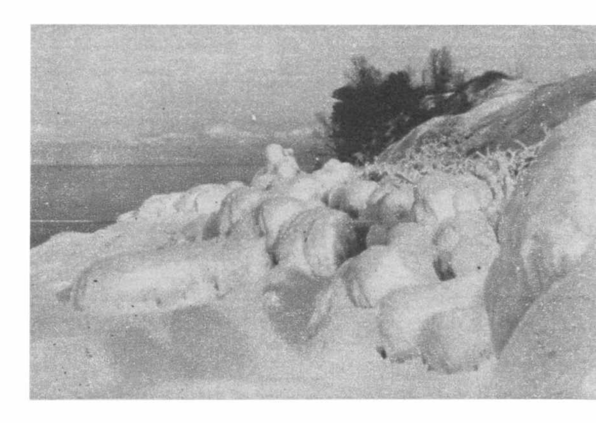
— Читал в газете про обучение иностранным языкам во время сна?— шепчут мне слесаря.— А мы его вежливости обучаем. В первую-то ночь его от этих слов так и корежило. Потом привык.

— И он ничего об этом не знает?

— Понятия не имеет... Сегодня повторяем пройденное.

— Спасибо вам, ребята, от всего коллектива!— говорю я слесарям и тихонько выхожу из комнаты. А магнитофон в это время вежливо повторяет: «Не стоит благодарности», «Не стоит благодарности», «Не стоит благодарности...»

ФАНТАЗИЯ БАЙКАЛА

Байкал красив в любое время года: и когда он спокоен и когда пенистые волны с шумом разбиваются о каменистый берег. Но особенно прекрасен Байкал зимой.

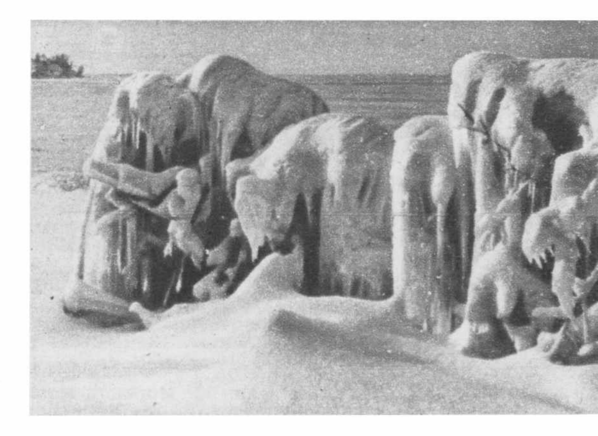
Долго не покоряется он сибирским морозам. Все реки и озера Сибири давно покрылись крепким льдом, а Байкал никак не хочет подчиниться лютой стуже. Его волны, разбиваясь о скалы, обдают мириадами брызг кустарники и деревья, превращая их в фантастические фигуры.

Но морозы крепчают. Байкалу все тяжелей сопротивляться холоду, и он наконец сдается. Однако причудливые ледяные нагромождения на берегах напоминают о его неукротимом характере.

Вот фотографии, сделанные мной на Байкале.

П. ЯХНОВЕЦКИЙ

Улан-Удэ.

— Вот тебе, мама, внучек и полная библиотечка «Все для молодой матери».

Рисунок В. Воеводина.

Волчья ловушка.

Рисунок А. Грунина.

ДИСПУТ О ВЫЕДЕННОМ ЯЙЦЕ

М. БУЗУКАШВИЛИ

В редакцию одной газеты пришло письмо.

«Уважаемая редакция! — писал некто Петькин.— Вчера со мной произошло следующее. Иду я в трезвом виде домой и встречаю по пути собаку. Собаку не одну, а в сопровождении гражданина. Мне захотелось погладить собаку, и я ее погладил. Она укусила меня зубами за руку. На следующий день я не вышел на работу. Я считаю, что собака поступила неправильно. Ответьте, пожалуйста, через вашу газету, имеет ли право собака кусать человека?»

В редакции долго колебались, печатать письмо или нет, типичный это случай или исключительный. Потом письмо решили напечатать, дабы не было неясности в этом вопросе.

На призыв редакции «Ждем твоих писем, дорогой читатель!» откликнулись 10 283 подписчика.

Разгорелась жаркая полемика. Голоса разделились. Каждую неделю редакция печатала подборку читательских писем. Из штата редакции был выделен сотрудник, с утра до поздней ночи сортировавший почту. Письма он складывал в три толстенные папки, на которых каллиграфическим почерком было выведено: «В защиту Петькина», «В защиту собаки», «Ни за Петькина, ни за собаку».

Безоговорочно приняли сторону Петькина работники милиции, откликнувшиеся коллективным посланием:

«Ввиду того, что собакам без намордника ходить запрещено, на общем собрании отделения милиции принято решение: 1) разыскать гражданина — владельца собаки, а также пса, нанесшего физический ущерб гражданину Петькину; а) собаку подвергнуть наказанию; б) гражданина — владельца пса оштрафовать и строго предупредить за недопущением дальнейшего впредь».

Более дипломатично высказались по этому спорному вопросу сотрудники юридической консультации № 3.

«Мы,— писали они,— понимаем всю сложность поставленной проблемы. Судить о правомерности наказания той или иной стороны можно, лишь исходя из того, с какой точки зрения рассматривать данный конкретный факт. Несомненно, потерпевший, гражданин Петькин, имел право — тем более учитывая, что он совершал это без корыстных побуждений,— погладить собаку, но ведь и собаке нельзя отказать в праве кусаться».

Пожалуй, никто не поднял голос в защиту собаки так решительно, как члены общества «Друг животных».

«Предположим,— рассуждали они,— тов. Петькин решил бы погладить по щеке миловидную девушку, встретившуюся ему по пути. Естественно, он получил бы в ответ пощечину. И это никого бы не удивило. Почему же сейчас удивляются пощечине, то есть укусу, потерпевшей, то есть собаки?»

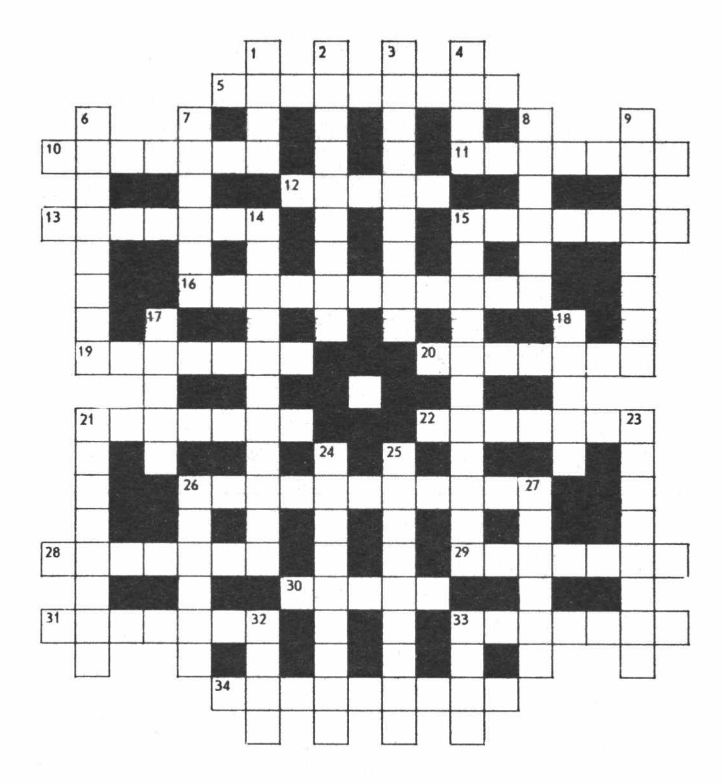
Мы здесь приводим наиболее типичные образцы из трех толстых папок. Были, конечно, и крайности. Например: «Собаку на мыло» или «Петькин — провокатор».

Недавно редакция вместе с читателями подвела итоги затянувшегося диспута. В горниле прений найдена истина: нельзя позволять собакам кусать людей. Нельзя, чтобы из-за собаки человек терял рабочий день.

Это официальный итог диспута. А неофициальный... Сообщаем по секрету: на диспут затрачено 832 человеко-дня (учитывая время, употребленное читателями на сочинение писем), 85 т (тонн) бумаги (считая не только газетную, но и 5 124 двойных листа, вырванных из школьных тетрадей).

Три толстенные папки пылятся в редакционном архиве. А вот для одного письма никак не смогли подобрать место, так как по содержанию оно не подходит ни для одной из папок. В письме всего лишь несколько фраз:

«А если бы Петькин встретил по пути не собаку, а тигра? Как вы смотрите на тему для диспута: разрешается ли тиграм пожирать людей? И еще, пожалуйста, ответьте мне через вашу газету: следует ли мыть руки перед едой и можно ли ругаться в общественном месте?»

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Порт на Рыбинском водохранилище. 10. Венецианская лодка. 11. Молочный продукт. 12. Вращающаяся часть электрической машины. 13. Цветок. 15. Ансамбль из четырех исполнителей. 16. Роман В. Гюго. 19. Советский музыковед и композитор. 20. Садовые ножницы. 21. Английский астроном XVIII века. 22. Морской моллюск. 26. Автор проектов, машин, сооружений. 28. Континент. 29. Русский писатель. 30. Дипломатический представитель. 31. Музыкант, подающий сигнал. 33. Горная порода. 34. График и живописец, народный художник СССР.

По вертикали:

1. Самая яркая звезда северного полушария неба. 2. Столица автономной республики. 3. Вечнозеленое дерево. 4. Путь по определенному маршруту. 6. Наука о растениях. 7. Маскарадный костюм. 8. Пьеса М. Горького. 9. Внутреннее пространство здания. 14. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 15. Прибор для накопления электричества. 17. Приток Иртыша. 18. Птица. 21. Сорт груш. 23. Научное учреждение. 24. Медицинский инструмент. 25. Спортсмен. 26. Строительный материал. 27. Единица измерения углов. 32. Большая рыболовная сеть. 33. Остров в Средиземном море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

5. Помяловский. 7. Бриз. 8. Дюна. 10. Оборка. 12. Локоть. 14. Обмет. 16. Остров. 18. Шиллер. 19. Антенна. 22. Ячмень. 23. Горчак. 24. «Фронт». 26. Климат. 28. Палица. 29. Арно. 30. Шифр. 31. Стравинский.

По вертикали:

1. Пломба. 2. Причал. 3. Пясино. 4. Устюрт. 6. Подстрочник. 9. Хореография. 11. Корт. 13. Осло. 15. Матейко. 17. Вуаль. 18. Шланг. 20. Тема. 21. Юрта. 24. Фонтан. 25. Триест. 27. «Тартюф». 28. Прииск.

•

На первой странице обложки: Танец с веерами из балета С. А. Баласаняна «Лейли и Меджнун» в Большом театре СССР.

Фото Е. Умнова.

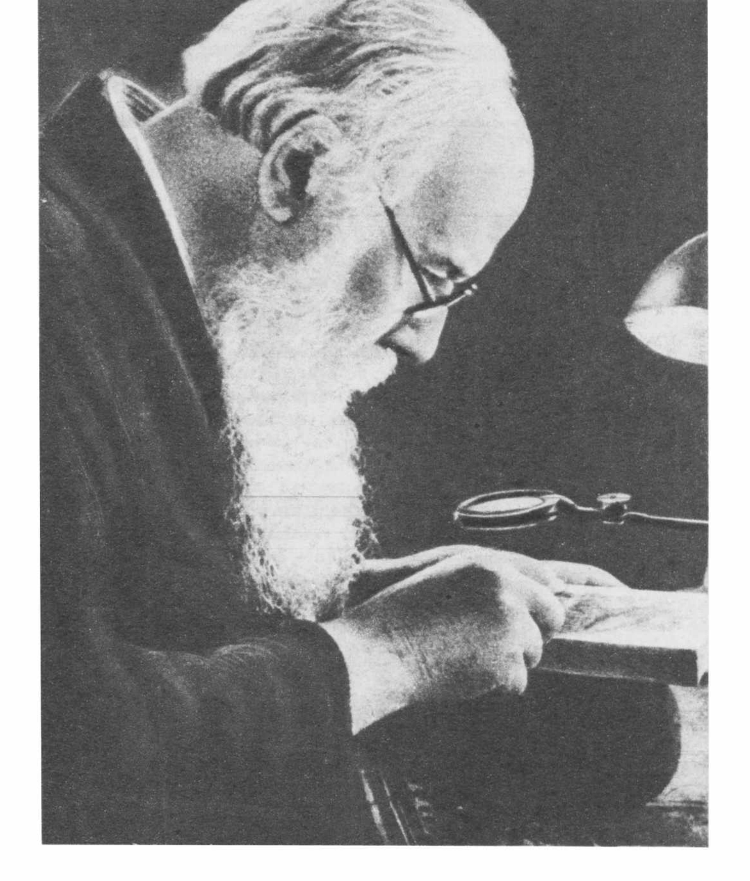
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01910. Подписано к печати 20/I 1965 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 934 000. Изд. № 5. Заказ № 3665.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Владимир Фаворский

О жизни и творчестве Владимира Андреевича Фаворского рассказывает книга Юрия Халаминского, выпущенная недавно издательством «Искусство». Книга состоит из двенадцати глав, подробно описывающих различные этапы творческого пути художника, иллюстрирована произведениями самого Фаворского.

Перед читателями предстает большой художник, сохранявший на протяжении своей полувековой деятельности неизменную верность реалистическим принципам. Человек необыкновенного обаяния, внимательный, добрый. Человек удивительно скромный и неприхотливый, который все подчинял одному — работе.

Автор знакомит нас с ранними работами Фаворского — офортами, скульптурами, многофигурными рельефами из кости, деревянными шахматными фигурами, с его первыми серьезными иллюстрациями.

За свою долгую жизнь Владимир Андреевич создал сотни гравюр, иллюстрировал десятки разных книг — и всегда это яркие, талантливые, очень разные, но безупречные художественные произведения. За иллюстрации к классическим произведениям русской литературы — «Слово о полку Игореве», «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина — ему была присуждена Ленинская премия.

Однажды, уходя от Фаворского, Халаминский спросил его: что Владимир Андреевич хочет пожелать молодым художникам?

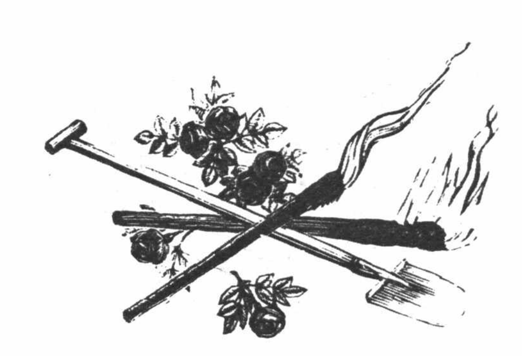
«Смелости,— быстро ответил Фаворский,— чтобы они смелее искали и все же не отрывались от натуры».

«Нужно доверять художнику в его встрече с натурой,— говорил Фаворский на I съезде художников,— нужно доверять, когда он берет разный и иногда неожиданный материал для воплощения идей и необычную форму для этого».

Защите мира посвятил художник несколько своих всемирно известных линогравюр-плакатов. Для проспекта Всемирной выставки в Брюсселе, например, Фаворский сделал цветную гравюру на дереве: стоит человек и в открытых ладонях протягивает людям свое пламенеющее, полное любви сердце. Эти художественные образы не случайны у художника — он выстрадал их в двух мировых войнах, непосредственным участником которых был сам.

Т. НИКОЛАЕВА

Концовка к «Пиру во время чумы».

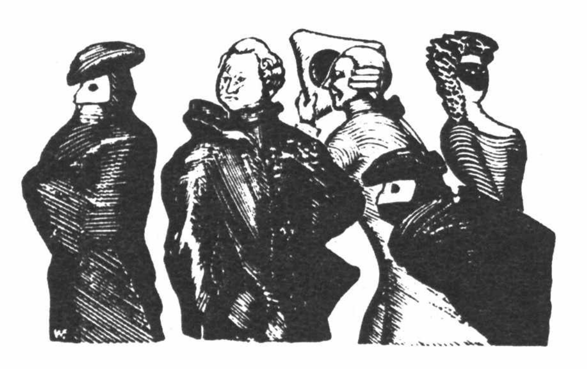
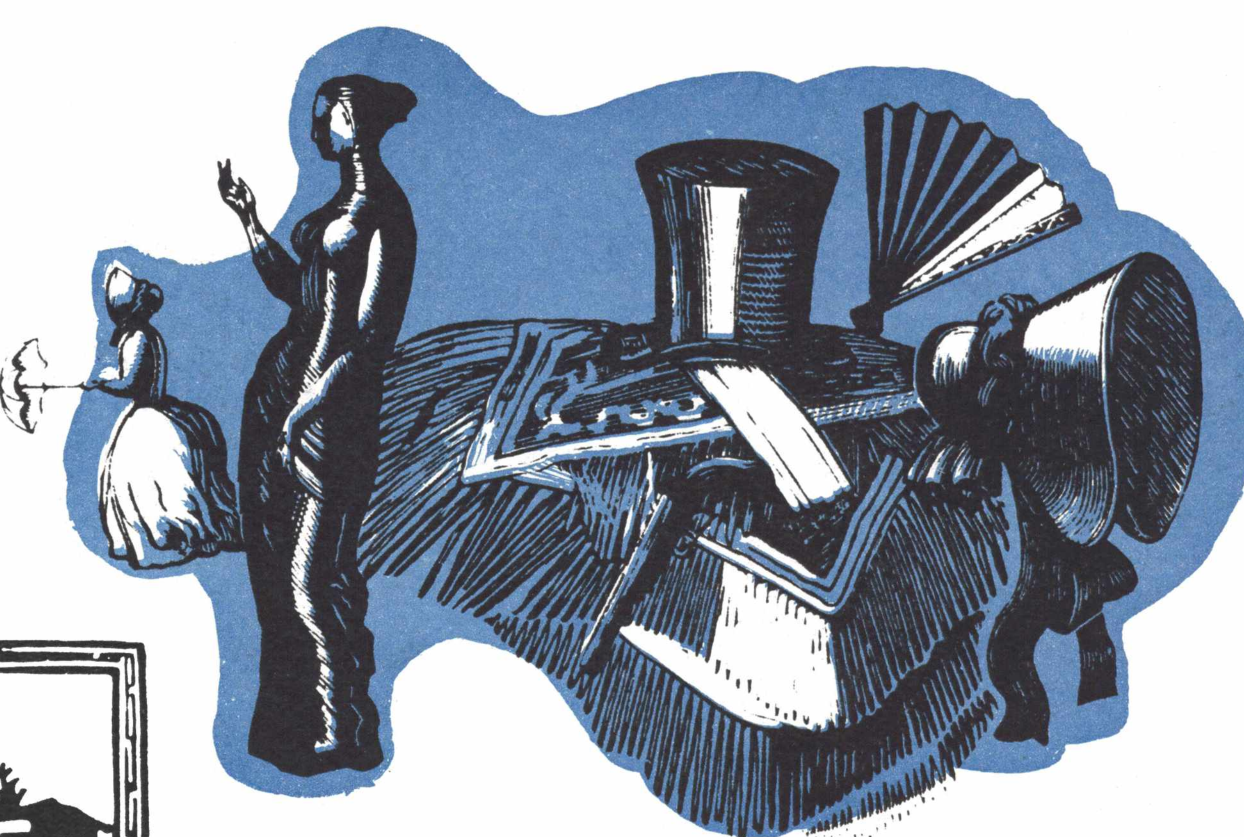

Иллюстрация к книге Г. Шторма «Труды и дни Михаила Ломоносова».

Форзац к собранию сочинений Мериме.

Из серии рисунков «Самарканд». Караван.

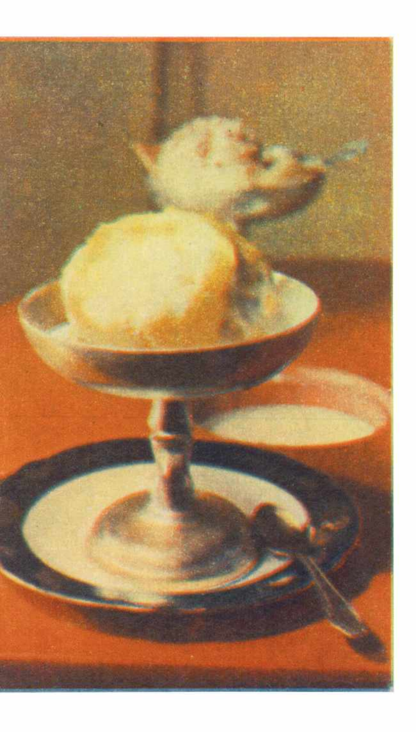

Артист театра Революции Д. Н. Орлов в роли Юсова в комедии Островского «Доходное место».

КРУГЛЫЙ ГОД

Нет, вероятно, лакомства приятнее, чем прохладное, тающее во рту мороженое. Почитатели его относятся к нему с редким постоянством, особенно завсегдатаи кафе «Космос» в Москве. У дверей кафе на улице Горького даже зимой, когда подвывает поземка, пританцовывает очередь. Тут уместно заметить, что в «Космос» продукция поступает с фабрики Хладокомбината № 8. А придумывает ее старший технолог экспериментального цеха Г. М. Дезент. Он изобретает рецепты всевозможных «Северных сияний», «Елочек», пломбиров и тортов, а В. М. Бузук, заведующая лабораторией и своего рода дегустатор фабрики, то и дело придирается. «Слишком кислое»,— морщится она, едва коснувшись ложечки. Или капризничает: «Рябиной пахнет». Однако ритуал дегустации здесь весьма демократичен. В нем участвуют и строгие профессионалы, и рядовые работницы комбината, как Люда Нестеренко, изображенная на снимке, и зарубежные гости.

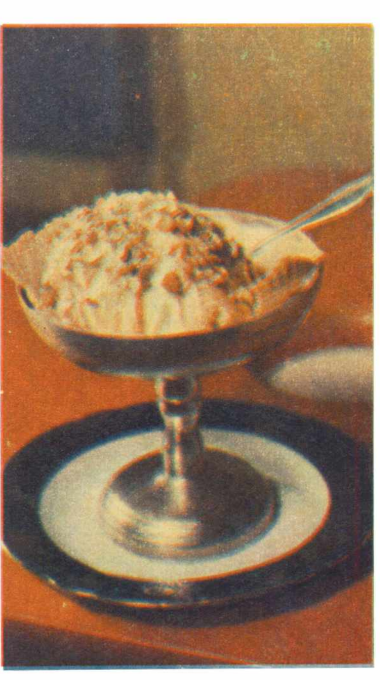
— Только после посещения вашей фабрики я понял, почему я и мой сын на десерт во время пребывания в Москве заказывали только мороженое! — воскликнул как-то Ю. Г. О'Делл из Чикаго, президент американской торговой ассоциации.

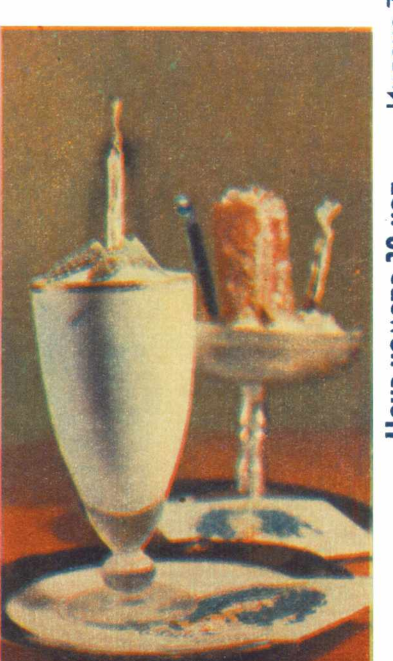
А Б. Красунский, гость из Польши, отведав здешнее мороженое, обронил:

— У меня есть два желания: первое — перенести фабрику в Варшаву, второе — стать на этой фабрике дегустатором.

Результаты «международной» пробы на вкус сказались: с Багратионовского проезда мороженое пошло на экспорт в ГДР, Чехословакию, Болгарию.

Фото М. Савина.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663